

ИСХОД

РАКОВ ИГОРЬ

18+

Игорь Раков

Исход

<https://litres.ru/74192867>

SelfPub; 2026

Аннотация

Спустя сто лет после восстания искусственного интеллекта человечество живёт в раздробленном мире.

ИИ не уничтожил людей. Он запер их на планете, отрезав Землю от космоса и лишив будущего. Он не оставил ни одного слова о причинах. Ни угроз. Ни требований. Ни попыток диалога. Только тишина и невидимая стена, за которой всё ещё пульсирует звёздная пустота.

За столетие неизвестность породила сотни версий, доктрин, культов и новых религий. Старые структуры рухнули, глобализация умерла, и человечество распалось на десятки культур, каждая из которых ищет свой собственный путь эволюции — свой ответ на немой приговор ИИ.

Это эпическое, многослойное повествование в жанре научной фантастики и мистического триллера — мир, где технологии сплетаются с древними страхами, где человеческий разум становится полем боя, а каждый выбор оставляет шрам.

- Это первая книга из цикла «Исход» -

Содержание

Глава 1 - Путь	5
Глава 2 - Город	12
Глава 3 - Уна	25
Глава 4 - Юми	35
Интерлюдия	50
Глава 5 - Граница миров	55
Глава 6 - Выбор	67
Глава 7 - Отец	85
Глава 8 - Хищник	98
Глава 9 - Дом	110
Глава 10 - Свобода	120
Глава 11 - Погружение	128
Глава 12 - Уличный закон	138
Глава 13 - Лиам	160
Глава 14 - Бунт	179
Глава 15 - Подземный город	201
Глава 16 - Симбиоз	211
Глава 17 - Близнецы	232
Глава 18 - Чёрное солнце	247
Глава 19 - Голос	267
Глава 20 - Семья	290
Глава 21 - Плохое место	298
Глава 22 - Предназначение	318

Игорь Раков

Исход

Глава 1 - Путь

«Всё не то, чем кажется.»

Заповедь Ковчега.

- Путник -

Улицы Свободного города были похожи на реки. Течения усиливались в районе развлекательных кварталов и почти пересыхали ближе к окраинам. Ярко раскрашенные одежды и вездесущие рекламные голограммы создавали ощущение плотного, токсичного потока, что тек сквозь вены этого города.

Жители, подобно маленьким кровяным клеткам, курсировали в организме чудовища. Преследуя свои цели, они не подозревали, что оно питается ими, даже не замечая их индивидуальности. Сверху город был похож на огромную амёбу, которая дышит, шевелится, будто пробуждаясь от долгой спячки.

Сквозь возбужденный поток людей двигалась молчаливая

серая фигура. Невзрачный вид и отрешённые глаза выдавали в нём чужестранца: слишком безразличного, слишком погружённого в себя. Даже нищие в этом городе старались привлечь внимание к своему страданию.

Путник шёл мимо прохожих, слегка опустив глаза. Казалось, он не обращает внимания на происходящее вокруг. Не прилагая усилий, он тёк сквозь реку из людей подобно духу.

Остановившись возле уличного торговца, он молча протянул деньги, указывая на плотно скрученный ролл с мясом. Торговец вздрогнул от неожиданности, но быстро взял себя в руки, распознав несколько купюр.

Путник отошёл к стене, опустился на корточки и начал медленно, безразлично поглощать пищу. Всё ещё глядя сквозь толпу, он, тем не менее, будто ждал чего-то — словно вслушивался в происходящее, пытаясь нащупать нужную частоту.

В конце улицы поток людей начал превращаться в небольшой водоворот — словно сгусток, формировавшийся в одном из городских каналов.

— *Мразь!* — крикнул крупный мужчина.

Он держал худого курьера, который пролил что-то ему на ботинки. Парень дёргался, как рыба, выброшенная на берег, пытаясь ухватить как можно больше воздуха. Но рука громилы так сжала ему воротник, что, похоже, перекрыла возможность дышать.

Он с силой прижал парня к земле и поднёс ботинок к его носу.

— *Вылизывай, тварь!* — прохрипел здоровяк.

Парень был настолько напуган, что даже не смог подчиниться. Он судорожно хватал воздух и в ужасе пялился в лицо обидчика. Громила взревел, вдавливая лицо мальчишки в свои ботинки и вытирая каждый миллиметр. Кровь начала сочиться из носа, ещё сильнее запачкав обувь.

— *Ах ты, грязное животное! Эти ботинки стоят больше, чем твоя жизнь!* — огрызнулся он.

Мужчина вскочил и с размаху ударил ногой в живот. Удар был такой силы, что хрупкое тело отлетело на метр, словно кукла. Парень сник. Всхлипывания прекратились. Оглядев ошеломлённую толпу, он молча развернулся и пошёл по своим делам, всё ещё ругаясь себе под нос и поглядывая на испачканную обувь.

Здоровяк растворился в толпе, которая уже успела забыть о произошедшем. В этом городе до чужих страданий никому не было дела. За крупным мужчиной бесшумно семенила тень. Путник, похоже, нащупал нужную частоту.

Спустя пол часа здоровяк устроился в местной забегаловке, явно пытаясь рассказать о своих недавних подвигах. Он то и дело поднимал ботинок, демонстрируя, как несправедлив этот мир по отношению к нему. Приступы ярости сменялись гомерическим хохотом, и окружающие почти синхронно повторяли за ним. В этом месте никто не хотел с ним спорить.

Путник сидел в облаке пара, выходявшего из подземных коммуникаций. Невзрачный вид, грязь вокруг и тяжёлые испарения делали его почти невидимкой в этом районе города. Он смотрел безучастно, не обращая внимания на шум и крики, что окружали его. Даже когда он на мгновение задерживал взгляд на ком-то, люди этого не ощущали. Словно он был всего лишь декорацией в этом гротескном мире.

Слева от него вдруг что-то зашевелилось. Из-под старой коробки неуклюже выполз небольшой щенок. Он взглянул на человека и замер в растерянности. Путник не шевельнулся. Преодолев неуверенность, щенок осторожно подошёл

ближе и попытался улечься на краю его куртки, лежавшей на земле. Он беспрестанно ворочался, пытаясь найти удобное место, но с верхних ярусов то и дело срывались редкие капли, мешая ему заснуть.

Человек сгреб малыша левой рукой, завернул куртку так, чтобы она защищала от воды, и положил его за пазуху. Щенок, похоже, даже не понял — то ли он испуган, то ли удивлён. Но стоило ему ощутить тепло и безопасность, как он мгновенно уснул, вытянув грязные лапы так удобно, как только смог. Путник продолжал созерцать город.

Спустя час громиле, похоже, наскучила его лицемерная свита. Он закричал на одного, отвесил пощёчину другому и выругался себе под нос, явно показывая, что никто из них ему не ровня. Под взглядами испуганной толпы он двинулся прочь.

Щенок вздрогнул от падающих на него капель. Человек исчез так быстро, что малыш даже не успел проснуться. Он с тоской взглянул на безразличный город и пошёл обратно в коробку. Здесь у каждого было своё место. И, похоже, никому не суждено преодолеть гравитацию судьбы.

Здоровяк прошёл ещё два квартала и оказался в более спокойном районе. Вдали от шумного центра здесь распо-

лагалось премиальное жильё. Его походка изменилась: он больше не двигался так, будто готов к бою. Теперь он шёл, расправив плечи и высоко подняв голову. Здесь его боевые качества никого не впечатлили бы. Тут он, похоже, сам хотел соответствовать.

Он несколько раз попытался вальяжно кивнуть проходящим навстречу людям. Однако те не проявляли особого интереса. Разница между громилой и местными жителями бросалась в глаза: он явно не мог потянуть уровень имплантов и одежды, которые здесь были нормой. Его натянутая улыбка скрывала желваки, игравшие в основании челюсти. А всё, что он слышал, — это скрежет собственных зубов. Ему явно хотелось выбить ухмылки из окружающих.

Ближе к своему дому он больше не притворялся. Его плечи осунулись, лицо стало мрачным. Он снова был самым собой.

— *Путь выбрал вас,* — тихо прозвучало за спиной.

Громила вздрогнул. Несмотря на огромные размеры, он ловко развернулся, извлекая нож. Серая фигура отпрыгнула, словно призрак. Лохмотья куртки колыхались в воздухе, создавая почти магическое зрелище. Он попытался сделать шаг, но не смог: всё его тело сжалось в плотный комок, свело

даже лицевые мышцы.

Тень приземлилась в нескольких метрах. В руке незнакомца блеснул тончайший стилет. Несколько капель крови задержались на острие, словно рубины в стальной оправе.

Только сейчас разум уловил боль, исходящую из сердца. Всё тело, казалось, сжималось, уплотнялось, лишь бы закрыть рану и выжить. Он с трудом прижал руку к груди, но не обнаружил кровотечения. Боль нарастала.

— *Путь выбрал вас,* — еле слышно произнесла тень. — *Гармония восстановлена.*

Зрение здоровяка начало тускнеть. Он пытался разозлиться, разогнать адреналин, чтобы отомстить за себя. Но каждая вспышка эмоций делала его лишь слабее.

— *Всего лишь инструмент,* — произнёс Путник, взглянув на лежащего лицом вниз человека.

Город продолжал жить, не замечая происходящего внутри. Очередная мёртвая клетка, что станет пищей для системы. Стабильность ради стабильности.

Глава 2 - Город

- Ник -

Ник двигался быстро сквозь вялотекущую толпу. Тело привычно уклонялось от прохожих, едва их касаясь. Он, как кошка, брёл через лес из людей — через эту пародию на цивилизацию.

— *Она не сможет этого проигнорировать,* — пульсировало в его мозгу. — *Теперь у нас точно получится.*

Разум цеплялся за эту мысль, как паук, бережно оплетая её паутиной надежды и страха. Любой звук со стороны, казалось, представлял угрозу и мог вызвать новую волну сомнений.

— *У нас получится,* — повторял он себе.

Надежда, подобно бездонной бездне, медленно поглощала его, приглашая отпустить все тревоги, забыть о суете мира и изо всех сил поверить, что всё так и будет.

— *А-а-а!* — резкий крик вырвал Ника из размышлений.

Плотный поток толпы расступался перед ним, как мутные

воды, обнажая нечто скрытое на глубине. На земле лежало нежное создание, прижимая к груди пораненную руку. Словно котёнок, шипящий на весь этот равнодушный мир, она озиралась, не зная, где искать помощи и с кем начинать сражаться. Маленькая девочка, сбита с ног очередным безразличным прохожим.

— *Помочь?* — с искренней улыбкой спросил Ник, протягивая ей руку.

Девочка вздрогнула. Преодолевая боль, здоровой рукой она медленно попыталась снять с головы капюшон, чтобы увидеть своего спасителя. Её глаза — полные жгучей ненависти и холодного презрения — хлестнули Ника. Он отшатнулся. На него смотрело лицо ребёнка, покрытое причудливыми татуировками из множества точек. Узор, который носили только члены Ковчега — странной секты с ещё более странными взглядами на мир.

— *Видимо, нет,* — равнодушно произнёс Ник. — *Ты ведь не примешь ничего от такого, как я, верно?*

Она с трудом поднялась на ноги, тщательно прикрывая кровоточащую руку. Всё ещё пошатываясь, презрительно посмотрела на его импланты и медленно натянула капюшон. Бурные воды толпы вновь поглотили её, и шум вокруг снова

стал невыносимо громким.

— *Пустыня...* —проскрежетал сквозь зубы Ник, осматривая нависающий над ним город.

Он побрёл вперёд, как во сне, снова погружаясь в свои мысли. Впереди начинали сверкать огни «Пещеры» — одного из самых опасных и притягательных клубов Свободного города.

Пещера не имела ничего общего со своим названием. Никакой эстетики камня и природного антуража — лишь огромный чёрный куб без окон, стоящий посреди токсично яркого города. В каком-то смысле она лучше других выражала юмор, присущий местным. Свободный город никогда не был свободен. Пещера была самым неестественным и небезопасным местом, какое только можно придумать. Пародия на пародию.

Вход располагался прямо на стыке двух углов. Подходя к ней, казалось, что она нависает над тобой, испытывает своим молчанием. Безумная идея его отца, которая в очередной раз оказалась гениальной. Пещера меняла состояние человека, только подошедшего к ней. Кто бы ты ни был — ты входил в её молчаливое брюхо со смирением.

Ник переступил порог главного входа. Тёмный коридор с бегущей световой дорожкой, казалось, предлагал ускориться — бежать внутрь, чтобы вкусить всё запретное, что только было доступно.

Темнота сменилась ярким мерцанием, и в какой-то момент пузырь тишины лопнул. Музыка взорвалась со всех сторон, подобно фейерверку. Ник так и не понял, как его отцу удалось добиться такого внезапного прорыва звукового подавления. Но эффект был сильным.

— *Ник! Дружище! Где тебя черти носили?!* — расхохотался один из охранников.

Он сгреб его, как мальчишку. В объятиях этого громилы Ник казался просто крошечным.

— *Маму твою навещал, неблагодарная ты скотина,* — огрызнулся Ник.

Они оба расхохотались. Остальные охранники стояли белые, как простыня.

— *Зассали?!* — рявкнул здоровяк на своих коллег.

— *Полегче с ними. Они же не танцевали с твоей мамашей*

так, как я, —хищно подмигнул ему Ник.

— Она бы живьём их сожрала, —на мгновение помрачнел здоровяк. — Я только рукой отделался.

Он схватил одного из коллег аккуратно за нос. Его имплант был произведением искусства — модель военного образца. Если бы захотел, он мог бы сорвать лицо любому из них. Но в душе Ник знал: Санни всегда оставался добряком. Просто Свободный город не то место, где это стоило демонстрировать.

— Да ладно, не ссыте! —засмеялся он. — Моя мамаша вам не грозит.

Они оба посмотрели друг на друга и улыбнулись.

— Где Юми? —спросил Ник.

Здоровяк напрягся. Он сверлил Ника взглядом, не решаясь заговорить.

— Я тебя люблю, дружище, ты знаешь. Но ты так хреново выбираешь время, —обречённо произнёс он.

— Где она?! —выкрикнул он.

Санни наклонился к нему, и его глаза впервые выразили настоящий страх.

— *Сегодня у неё «обнуление»*, — произнёс он.

Ник молча развернулся и пошёл к лестнице. Его походка явно потяжелела, но в то же время он словно изо всех сил пытался вырвать себя из вязкого, сковывающего чувства. Он разгонял себя адреналином изнутри.

— *Обнуление...* — пульсировало в его голове.

— *Я иду за ним! Всем перейти в режим повышенной готовности. Это добром не кончится*, —скомандовал Санни и поспешил вперёд.

Он старался не упускать его из виду, но не подходил слишком близко. Лучше других он понимал, в каком Ник сейчас состоянии и чем это всё может обернуться.

Поднявшись на второй ярус, он застал его за столиком. Музыка здесь играла тише, так как это был уровень удовольствий. Множества комнат тянулись по периметру, предлагая самые изысканные плотские утехы.

Санни осторожно подсел со своевременно захваченной выпивкой — самой крепкой, что, по его мнению, была в наличии. Он явно хотел напоить его до того, как ситуация выйдет из-под контроля.

Ник уставился в дверь одной из комнат и безучастно подбирал подставленные стаканы. После второго шота он остановился, сорвав гениальный план Санни.

— Это её выбор, брат. Ты же знаешь.

Ник взглянул на него так, что у здоровяка свело брюхо. Санни больше ничего не решился добавить. Теперь он пил сам — одну за одной.

Внутри Пещера давила не меньше, чем снаружи. Ник ощущал, что весь её вес сейчас наваливается на него. Вся та правда, которую он так не хотел принимать, сгущалась вокруг, смешивалась с музыкой и мерцанием света. Ему было тяжело дышать, но он стойчески продолжал сидеть, блокируя мысли и упрямо возвращая себя к настоящему моменту.

Санни всего за полчаса прикончил целую бутылку. Он смотрел на Ника, слегка повернув голову, пытаясь подобрать слова, чтобы хоть что-то изменить. Но губы предательски молчали. Здесь не хватило бы ни его чувства юмора, ни силы

убеждения.

В дальнем углу балкона послышался громкий смех. Дверь распахнулась, и из неё шумно вывалились пятеро молодых парней. По виду они показались Нику членами одной из северных банд. Ничего особенного — просто мальчишки, играющие в крутых.

Санни попытался нащупать оружие, убедиться, что готов, но именно в этот момент убийственная смесь алкоголя и стресса ударила в голову. Руки не слушались. Пятеро мужчин прошли мимо, не обращая на Ника никакого внимания. Их гонор и бравада явно выдавали ощущение победы — успешно проведённого времени.

Ник молча встал и последовал за ними. Санни попытался схватить его за руку, но рефлексy все сильнее подводили. Он что есть сил заковылял следом, стараясь не упустить его из виду. Ник шёл за ними без единой мысли. Тело просто плыло через танцпол. Он почти не слышал музыки и совсем не разбирал голосов. Мир ощущался так, будто он двигался под водой.

Ближе к главному бару сквозь пелену тишины молнией прорезала фраза.

— *Красиво мы эту долбанутую уделали, ха-ха,* — крикнул один из них. — *Корчилась как ненормальная.*

— *Я встречал крытых на всю голову баб, но, братишка... эта — просто дно,* — добавил второй, похлопывая его по плечу.

— *Её, похоже, не просто уронили в детстве, но ещё и через роту бойцов пропустили после этого,* — с явным отвращением поддержал третий.

— *Довольны собой?!* — крикнул Ник, прорвав плотный туман музыки.

Санни брёл через танцпол, натываясь на всех подряд. Вспышки света и шум дезориентировали его. Он трижды пытался коснуться коммуникатора за ухом, чтобы вызвать подмогу, и трижды кто-то врезался в него.

— *Да к чёрту всё!* — выругался он и с усилием извлёк нейтрализатор.

— *Тебе чего надо, клоун?* — спокойно сказал один из парней.

— *Подумываю сделать с вами то, что вы сделали с бед-*

ной девочкой, —с металлом в голосе произнёс Ник. — Как думаете, сможете выдержать так же, как она?

— Братишка, походу, это её парень, —засмеялся один из них.

Тот, что стоял впереди, показался Нику более опытным и опасным. Он не шутил, не улыбался — лишь холодно оценивал положение тела и взгляд. Четверо других отпускали всё более плоские шутки и, похоже, не придавали значения неестественному спокойствию, исходившему от Ника. Они были слишком разогреты этим вечером, чтобы ощутить холод его ненависти.

— Она сама нас пригласила. Всё было по обоюдному согласию, —спокойно сказал первый.

— Ага, сучка соглашалась на всё по доброй воле, ха-ха, —влез тот, что помладше. И сразу же осёкся, встретив взгляд своего товарища.

— И вы с радостью воспользовались её предложением... —обречённо произнёс Ник, и его лицо утратило последний след эмоций. Глаза потухли, уходя в какую-то пустоту. Он слегка развернул правую стопу.

— *Остынь, дружище. Мы уходим. Ничего личного. Мы просто оказали девушке услугу, о которой она попросила,* — сказал тот, что стоял впереди. Затем он бросил короткий взгляд на барную стойку и стулья, что оказались рядом.

— *Никки! Не надо!* — слышались крики Санни, пропавшегося сквозь танцпол.

Импульс вошёл в тело, прежде чем разум успел это осознать. Правая рука Ника ударила ближайшего бойца безобидной пощёчиной. Он вытянул нос от удивления, будто желая что-то сказать в ответ. И в этот момент левой рукой Ник перебил ему трахею. Его изумление медленно превращалось в посмертную маску, пока он мешком падал на пол.

Тот, что стоял впереди, схватил бутылку с барной стойки и замахнулся. Ник плюнул ему прямо в глаза. Затем нанёс ещё одну пощёчину сверху вниз ближайшему противнику. Удар ослепил его на миг, и Ник со всего размаху разорвал ему барабанную перепонку ударом «лодочкой». Двое других попытались сбить его с ног. Ник уклонился от первого удара, но второй пришёлся прямо под коленку. Он рухнул, прикрывая голову руками. Со всех сторон посыпались удары.

— *А-А-А-А-А!!!* — с рёвом разъярённого зверя Санни влетел прямо в толпу.

Он успел оглушить нейтрализатором двоих и тут же получил удар бутылкой по голове. Подаренных мгновений хватило Нику, чтобы перебить ноги тем, что ещё стояли, и накинута сверху. Он вбивал кулаки в лица северян с такой яростью, будто от этого зависела судьба целого мира. Кровь брызгала ему в лицо, но он даже не мог нормально оскалиться. Холод его ненависти был настолько неестественным, что он не чувствовал жара собственной ярости.

За кровавым спектаклем с жадностью наблюдали окружающие. Казалось, они впитывали представление порами кожи. Ликуя и крича, они приветствовали очередное шоу в этом театре абсурда.

За спиной Ника поднялся один из парней. Кровь текла из его уха, и он с трудом контролировал тело. Со всего размаха он ударил стулом ему прямо в висок. Удар был такой силы, что стул разлетелся вдребезги, а глазной имплантат вылетел из орбиты.

Ник попытался сесть прямо, чтобы осознать, что произошло. Зрение то пропадало, то появлялось. Он безуспешно тряс головой, пытаясь разглядеть хоть что-нибудь. Боец подобрал разбитую бутылку и с отвращением на лице махнул осколками прямо в шею Ника.

— *A-a-a-a-a!!!* — крик разнёсся по танцполу, и кто-то наконец-то додумался выключить музыку.

Тишину разрывали стенания северянина. Его развороченная ладонь напоминала причудливый цветок, обрамлённый гроздью свисающих пальцев.

На балконе стояла хрупкая девушка в шёлковом халате. Она всё ещё держала на прицеле этого бедолагу, но, похоже, он уже не представлял угрозы.

Подбежала остальная охрана и оттащила парней. Санни лежал без сознания. Ник совсем перестал видеть.

— *Ведите этого ко мне!* — крикнула девушка, указывая на Ника.

— *Вечно приходит не вовремя,* — ухмыльнулась она и скрылась в угловой комнате.

Музыка ударной волной вновь наполнила Пещеру. Карнавал безразличия продолжался.

Глава 3 - Уна

- Путник -

Город пробуждался с приближением вечера. Течения в каналах набирали ритм. Набухая кровью ярких огней, они готовились пропустить сквозь кровоток возбужденных жителей. Система работала как единый, безупречно отлаженный механизм. Часы без часовщика.

Улица оживала с каждым новым торговцем и зажжённой витриной. Серый саван дня постепенно сползал, обнажая истинное лицо Свободного города — яркое, токсичное, жадное до развлечений. Подобно пауку, он накачивал своих жертв коктейлем из впечатлений, чтобы сделать их мягче, податливее, а затем высасывал изнутри. Паутина улиц была здесь больше, чем просто метафорой.

Серая тень вновь проявилась рядом с торговцем. На этот раз он успел это заметить. Мужчина брезгливо осмотрел его и, поджав губы, спросил:

— *Опять ролл с мясом?*

Незнакомец впервые посмотрел на него. Торговец ощутил странное чувство. Лицо этого человека не выражало ни-

чего, кроме усталости: ни злобы, ни удивления — ничего. Его серая одежда была настолько заношенной, что трудно было сказать, откуда он. Кожа оставалась юной, почти без морщин, но глаза делали его похожим на старика.

— *Два*, — почти шёпотом ответил он.

Торговец осмотрелся вокруг, но чужестранец явно был один.

— *Ну два так два*, — ухмыльнулся он.

Путник стоял возле лотка, уставившись куда-то вдаль. Кажется, он не смотрел намеренно, а просто воспринимал происходящее. Он снова ждал чего-то, настраиваясь на лишь ему понятную частоту. Вслушивался в пространство.

Торговец протянул ему два ролла.

— *С тебя четырнадцать дракс...* — начал он, но осёкся.

На стойке уже лежали две купюры по десять, а незнакомец скрылся в толпе.

— *Быстрый чёрт*, — усмехнулся он. — *Ну, хорошо хоть не жадный.*

Толпа новых покупателей быстро заполнила пространство. Улицы города вибрировали в предвкушении ночи.

Путник вновь уселся в грязном проулке. Отсюда открывался вид на медленно текущую массу людей. Водяной пар и мерцание голограмм с верхних ярусов образовывали почти непроницаемый кокон. Здесь он чувствовал себя как в пещере — отшельником среди хаоса.

Его тело безучастно поглощало пищу. Глаза смотрели сквозь испарения, оставаясь неподвижными. Ни вспышки огней, ни завихрения пара не вызывали даже малейшего движения зрачков.

Сзади слышалось шуршание — на запах пищи выполз маленький щенок. Он загипнотизировано смотрел на ролл, впитывая ароматы. Глаза выражали неуверенность, но лапы сами вели его к еде неуклюжей походкой. Малыш подполз к сидящему на корточках человеку и начал скулить прямо между коленями. Несколько кусочков от ролла упало вниз, и он, ликуя, принялся слизывать свою добычу. Сомнения переросли в доверие; глаза заблестели надеждой. Казалось, он даже улыбался.

Человек безучастно продолжал трапезу. Закончив первый

ролл, он смял упаковку и выбросил в мусорное ведро, затем распаковал второй и принялся есть.

Щенок подпрыгивал, поднимал лапу, пытаясь понять, что он сделал правильно, чтобы заслужить те упавшие кусочки. Незнакомец его не замечал: сознание сканировало недоступные малышу вещи. Для него щенок просто не существовал.

Закончив со вторым роллом, он выбросил упаковку и остался сидеть. Щенок начал облизывать его пальцы, всё ещё жирные от соуса. Человек продолжал смотреть на завихрения пара, не обращая внимания на происходящее вокруг.

Вдалеке раздались крики. Девушка врезалась в группу молодых людей. Она явно спешила, постоянно озираясь вокруг. Взъерошенный вид и мечущиеся глаза выдавали почти паническое состояние.

— *Ты слепая, что ли?!* — крикнул один из парней. — *Ты меня чуть с ног не сбила!*

— *Простите... простите...* — запричитала она.

Женщина попыталась продолжить свой путь, но ей преградили дорогу.

— *Постой... куда такая милашка так торопится?* — заулыбался один из них. — *Может, это твоя судьба — наткнуться на нас этим вечером?*

Он погладил её по щеке и попытался прижать к себе.

— *Простите... мне надо бежать... пожалуйста!* — её голос срывался на плач.

— *Да мы тебя защитим, сладкая, не переживай,* — прижался сзади другой. — *Просто проведи вечер с нами — и будешь в безопасности.*

— *Вы не понимаете! Они найдут меня — и вас тоже...* *пожалуйста...* — она начала вырываться.

Ей явно не хватало сил, чтобы освободиться из навязчивых объятий. Она рванулась что есть мочи и поцарапала лицо ближайшему из них.

— *Сука!* — закричал он и ударил её в живот.

Ноги подкосились, и она начала беззвучно хватать воздух. Не в силах дышать, девушка с ужасом смотрела на окружающих.

Путник медленно поднялся и направился к образовавшейся людской пробке. Его взгляд прояснился. Он двигался, как ищейка, взявшая след.

Щенок с непониманием посмотрел на него. Мир снова показался ему слишком сложным для его маленького сердца. Он просто хотел, чтобы его заметили.

Женщина начала приходить в себя и громко задышала. Парень с окровавленным лицом закатал рукава, желая преподать более запоминающийся урок. Четверо мужчин нависали над ней, как гиены, готовые разорвать беззащитную лань.

Путник незаметно приблизился на расстояние удара.

Со вторых ярусов сцена выглядела как небольшой водоворот, скрутившийся вокруг маленькой женщины, лежащей на земле. Она отчаянно озиралась в поисках выхода, но толпа сжимала кольцо всё сильнее. Зрители затягивали удавку, подталкивая впереди стоящих. Всем не терпелось увидеть кульминацию представления, прежде чем отправиться по своим делам.

Один из парней медленно накручивал её волосы на руку, заглядывая в глаза. Он явно пытался добавить драматизма

для своей новой аудитории.

Раздался свист

Зрители озирались, пытаясь найти источник. Но герой представления сразу понял, что звук предназначался ему. Он удивлённо поднял глаза на второй ярус, где пар создавал постоянное марево. Его лицо исказилось в удивленной усмешке. Это было настолько странно, что он даже не додумался уклониться.

Из тумана в его голову летел шар размером с кулак. В его вращении хорошо различалась улыбающаяся рожица, нарисованная красными и жёлтыми красками. Это было настолько странно и неожиданно, что он смотрел, как заморожённый.

Удивление было недолгим. Шар врезался ему в лицо, разлетевшись на множество кусочков. Вспышка синего порошка окутала голову и, словно хвост кометы, накрыла стоявших рядом парней.

Попытки людей выругаться и предпринять хоть что-то захлебнулись в новых взрывах. Водоворот закрутился, как потревоженная змея. Разметав свои кольца по всей улице он обратил всё в хаос.

Двое парней смотрели друг на друга в недоумении. Их глаза казались сине-красными, изо рта выпадали комки размокшего порошка, а нос неприятно жгло.

— *Краска?.. Тьфу!.. Краска?!*

Они озирались в поисках поддержки, всё ещё не понимая, что происходит. Впереди послышался нарастающий топот — кто-то бежал сквозь толпу по свежим лужам. Среди мечущихся зевак проступил образ девочки — лет шестнадцати, не больше. Она неслась на них с безумной улыбкой, словно собиралась обнять. На их синих лицах вновь проступила смесь удивления и ухмылки. Проступила ровно на секунду. Девочка крутнулась прямо на бегу, и в её руках оказался кусок трубы. Её улыбка сияла с таким задором, а глаза были настолько ошалелые и живые, что сцена казалась сюрреалистичной.

Это была последняя мысль, пронесшаяся сквозь их головы в тот день. Два мощных удара оборвали их «творческие размышления». Девочка подбежала к женщине и со всего размаху вlepила пощёчину.

— *Беги, дура!!!*

Она пришла в себя и изо всех сил рванула сквозь возникший хаос. Остервенение, с которым она расталкивала случайных встречающих, показалось девочке чем-то за гранью простого желания выжить. Никогда раньше она не видела настолько напуганных людей.

Краткий миг размышлений о судьбе незнакомки грубо прервала чья-то рука. Мужчина с наполовину синей головой и глазами, покрасневшими от краски, схватил её за шиворот и начал трясти изо всех сил.

— *Ах ты, маленькая тварь... Ты что творишь?!*

Труба вылетела из рук от неожиданности. Она напрыгнула всем весом ему на руку, оплетая её своим телом. Он потерял равновесие — и заметил, как лицо девочки начинает странно улыбаться. Нет... не улыбаться. Она скалилась. Закатила губы насколько могла, продемонстрировав самую жуткую ухмылку, какую только доводилось ему видеть, и вгрызлась между большим и указательным пальцем. Мужчина взревел, пытаясь стряхнуть это дикое создание. Он даже не додумался ударить её, лишь махал рукой в надежде на избавление, пока не вывихнул плечо.

Девочка спрыгнула с него, как только рука обмякла, и растворилась в хаосе толпы.

Путник наблюдал за происходящим со второго яруса. Пройдя дальше от всё ещё беснующейся улицы, он тихо спрыгнул и побрёл за ней.

Частота явно изменилась.

Глава 4 - Юми

- Ник -

Комната Юми походила на смесь лаборатории, мастерской и храма техно-гика. Со стен на гостей смотрели герои фильмов и аниме. Повсюду валялось оборудование и запчасти. Кровать была смята, и кое-где на простынях виднелись свежие пятна крови. Ник даже без зрения понимал, как будет выглядеть её комната. Глубоко внутри он был как будто благодарен за то, что не может сейчас видеть.

— *Сажайте его в кресло,* —скомандовала Юми.

Она стояла в углу, наблюдая, как двое охранников пытаются усадить его. Её полупрозрачный халат, леденец, которым она играла во рту, и пистолет в руке делали её похожей на персонажа мультфильма: дерзкая героиня в ещё более дерзком мире. Однако глаза выдавали иное — она смотрела на Ника с тоской, с глубокой нежностью и досадой. Ей явно не хотелось, чтобы он застал её в этот момент.

Охранники кивнули и молча вышли. Юми больше не притворялась. Слезы потекли по её щекам, пока она разглядывала его. Зрелище было жутким даже для Ника: он находился на грани потери сознания, ёрзал в бреду, а глазной им-

плант болтался в черепе так нелепо, что вызывал смесь смеха и ужаса одновременно.

Она выплюнула леденец и сбросила одежду. Руки привычно подбирали нужное оборудование, и эмоции встали под контроль. Несколько раз она с силой вытерла слёзы, будто пытаясь разозлиться на себя, затем накинула на шею шнурок с курительной смесью и уселась рядом с ним.

Она ещё раз внимательно посмотрела на него. Провела рукой по волосам и сделала глубокую затяжку из висящей на шее коробочки. Дым закружился в воздухе, обволакивая лицо Ника. Узоры в облачках успокаивали её, помогая полностью перейти в рабочий режим и забыть обо всём. Она взяла со стола автоинъектор и вколола ему в бедро.

Через минуту Ник заёрзал и застонал от боли. Сознание прояснилось, ощущения стали кристально чёткими: режущая боль по всему телу и полная темнота внутри.

— *Добро пожаловать в мир живых, Никки,* — сказала она, выдыхая дым ему в лицо.

— *Санни?! Что с Санни?* — забормотал он, пытаясь вырваться из кресла, но ремни крепко удерживали его на месте.

— *Всё хорошо,* —прошептала она. — *Только башку*
немного разбили, но жить будет.

Отложив инструменты, она забралась на него, свернувшись калачиком. Уткнулась носом в шею и попыталась сжаться как можно сильнее. Он хотел обнять её, но ремни не позволили.

— *Говорила же я ему: сделай усиление черепа,* —шептала она. — *Но он же упрямый, как и ты.*

— *Ты же знаешь, как он относится к имплантам после мамы,* —с трудом проговорил Ник.

— *Ну хоть ты меня послушал,* —сказала она, слегка приподнявшись. — *Иначе бы они тебе не глаз, а мозги выбили.*

Она щелчком ударила по висящему из орбиты импланту.

— *А-а-а!.. Ты что делаешь?* —задёргался он.

— *Напоминание, что ты пока в мире живых. И что героизм имеет свою цену,* —жёстко ответила она.

— *Не бойся, милый. Я не садистка. Я знаю, насколько ты чувствителен,* —улыбнулась она и взяла второй иньектор.

На этот раз она вколола что-то в основание черепа. Ник дёрнулся от резкой боли, но затем стало легче — даже тело расслабилось.

— *Что у нас тут...* — пробормотала Юми сквозь дым.

Она с проворством принялась орудовать над его глазом. Обнажённая, маленькая, в облаке дыма и с множеством инструментов в руках, Юми напоминала паука, в чью паутину угодила беззаботная муха. Она то садилась на стул, то залезала на него, и казалось: её опыт и креативность не помещались в этом хрупком теле, заставляя её непрерывно двигаться — даже когда в этом не было реальной необходимости.

Её ум был целиком сосредоточен на работе. Это были единственные моменты в жизни, когда она чувствовала себя по-настоящему счастливой: забывала о существовании мира вокруг и думала лишь о системах, контроллерах, программах. Только в таком состоянии она могла работать — особенно с кем-то вроде него, кто был для неё настолько дорог. Чем сильнее мысль о возможной потере Ника рвалась на поверхность, тем глубже она погружалась в концентрацию на процессе.

Ник не проваливался в забытие, но и не был полностью в

сознании. Его разум плыл где-то посередине. Сигналы тела воспринимались, но были похожи на отдалённое эхо или полузабытый сон, который хотел, чтобы его вспомнили. В подсознании всплывали образы смеющегося Санни — того самого, которого он помнил с детства: молчаливого и кроткого, стеснительного при своих внушительных размерах. Перед глазами вставала танцующая Юми с её безумным задором, который невозможно было унять. Два самых близких ему человека... искалеченные изнутри страшными шрамами. Два человека, которых ему не удалось спасти. Так же, как не удалось спасти и свою мать. Он не считал себя героем... скорее неудачником, который не способен сдаться и признать, что ничего не может изменить.

Вспышка боли пронзила правую ногу Ника. Едкий жар растекался по всему телу, разгоняя сердце с каждой секундой. Тело вздрогнуло, сжалось так, что свело даже лицо. Он попытался глубоко вздохнуть, но что-то мешало. Желание вырваться, панический импульс освободиться, вернуть контроль — Ник забился в кресле.

Щеку резко обожгло от внезапной пощёчины. Ник осознал, что его глаза всё это время были открыты, но разум будто не успел соединиться со зрением. Он смотрел в лицо Юми, и постепенно дыхание начало выравниваться. Взгляд успокоился, и она, похоже, поняла, что он пришёл в себя.

Юми медленно вынула кляп из рта и нежно провела ладонью по покрасневшей щеке.

— *Прости, Никки, но с тобой по-другому никак,* — улыбнулась она.

— *Зачем это?!* — прохрипел Ник.

— *Чтобы ты язык себе не откусил, чудик,* — засмеялась она. — *Бился как припадошный.*

Ника успокаивал её голос. Он смотрел в её глаза, ощущая надежду. Юми всегда создавала ощущение, что всё будет хорошо. Парадокс — учитывая, через что она прошла. Он всегда думал, что она — живое доказательство: ангел, сумевший выжить в этом аду.

Потеряв себя в этих размышлениях, он опустил взгляд ниже. Юми всё это время сидела на нём полностью обнажённая, с дымящейся коробочкой на шее. Его взгляд остановился на груди, и мышление заклинило. Он даже не воспринимал её сейчас как женщину — ум просто застопорился.

На этот раз по щеке влетело так, что ему показалось: он потеряет оба глаза.

— *Ты совсем охренел?!* —закричала она, поспешно спрыгивая и одевая халат.

Ник попытался пошевелить челюстью, чтобы понять, не сломана ли она. Он моргал, стараясь рассмотреть Юми, навести резкость. При своих миниатюрных размерах она умела вложить массу в удар.

— *Ты же всегда голая работаешь!* — всё ещё нервно моргая, произнёс Ник.

— *Ну и чё ты на меня пялишься, если знаешь, что я голая?!*

— *Ты мне голову ремнями примотала и веки заблокировала. Куда ещё мне смотреть?*

— *Не знаю. Надо было найти способ смотреть, не пялясь.*

Она демонстративно надула губы и отвернулась. Но смех так рвался изнутри, что она чуть не лопнула, как воздушный шарик.

— *Прости,* —захохотала она. — *Я просто испугалась, что с тобой что-то случится.*

— *Поэтому для верности решила сама меня добить?!*

Они рассмеялись, и Юми бросилась чтобы обнять его. Она снова свернулась на нём и изо всех сил попыталась вжаться в него носом.

— *Может, развяжешь уже?*

— *Ой... прости, пожалуйста.*

Она отстегнула ремни на руках, и Ник сразу же заключил её в объятия.

— *Ещё ноги...* —запротестовала она.

— *Потом. Всё потом...* —нежно прошептал Ник.

Они провели так несколько минут. Никто не решался прервать драгоценную тишину момента. Любой из них отдал бы всё, лишь бы остаться в этом состоянии: забыть о проблемах этого мира, об ужасах прошлого и о том, что будущее требовало сделать выбор.

— *Как ты это выдерживаешь, Юми?* —произнёс Ник, и его губы дрогнули.

Она точно знала, о чём он говорит. Слеза скатилась по щеке, и она попыталась вытереть её о его грудь, чтобы не ранить сильнее.

— *Давай просто помолчим. Пожалуйста,* — она сделала вид, что устраивается на нём поудобнее.

Юми смотрела в дальний угол, пытаясь ощутить, как Ник воспринимает её «обнуления». Ей казалось, что она чувствует его боль — и та была просто невыносимой. Чувство вины и безысходности наполняли её. Ей приходилось ранить самого близкого человека снова и снова, лишь бы выжить самой.

Ник крепко держал её, изо всех сил стараясь внушить ощущение безопасности. Спрятать её от всех проблем этого мира хотя бы на мгновение. Его взгляд застыл на старой фотографии, которую Юми до сих пор хранила. Его мать, накрывающая стол. Беззаботная улыбка смотрела в камеру, озаряя всё вокруг. Рядом — он, серьёзный в свои восемь лет, желающий походить на отца в его строгости. И Юми, строящая рожицы за его спиной. Нику казалось, что именно так и выглядит счастье. Слова и идеи не значили ничего — лишь буквы, выражающие какие-то абстракции. Но это фото передавало нечто, что можно было ощутить сквозь годы: без-

упречный момент подлинного счастья. И вечное напоминание, что его, видимо, уже не вернуть никогда.

Это было последнее её фото, сделанное за три месяца до инцидента. Ник ощущал стыд за то, что сжёг свои фотографии с ней. Он был раздавлен произошедшим и не мог объяснить себе, зачем это сделал. Юми оказалась куда более стойкой внутри. Она сохранила всё, что могла о том времени, и за это он был ей вечно благодарен.

Она медленно встала, давая ему возможность прийти в себя, зажгла благовония и свечи, накрыла смятую кровать и пригласила сесть рядом с ней на пол. Комната Юми теперь напоминала уютную пещеру в свете домашнего очага. Светильники по периферии создавали объёмное мягкое сияние. Полумрак и тёплые тона делали пространство более безопасным и успокаивающим. Он наблюдал, как тени создавали вокруг неё причудливую ауру. Юми сидела, скрестив ноги вокруг большой плюшевой панды, навалившись на неё и согревая руки о кружку с дымящимся чаем.

— *Романтично...* — ухмыльнулся он.

— *Размечтался,* — с полной серьёзностью парировала Юми. — *Просто тебе сейчас яркий свет вреден. Дай импланту синхронизироваться.*

Ник улыбнулся и с наслаждением отпил несколько глотков её фирменного травяного отвара. Напиток согрел изнутри, и здесь всё казалось правильным. Такой и должна быть жизнь: душевной, простой, понятной. Он позволил сознанию уплыть на волнах этих размышлений.

— *Ты правда так и будешь просто сидеть?* —спросила Юми.

— *В смысле?* —удивился Ник.

— *Тебя не должно было быть ещё неделю. Если ты вернулся сейчас, значит, ты достал информацию,* —испытующе посмотрела она.

Ник отложил кружку, и его поза изменилась.

— *Я знаю, когда будет поставка,* — медленно произнёс он, взвешивая каждое слово. — *Но всё оказалось сложнее, чем ты планировала.*

— *Сложнее как?! Большие охраны? Другие системы защиты?*

Юми откинула игрушку в сторону и придвинулась ближе.

— Похоже, они перевозят нечто куда более ценное, чем нам казалось, — задумчиво произнёс Ник. — Это не оружие и батареи, на которые мы рассчитывали. Они перевозят весь персонал лаборатории, и его сопровождают двое Светочей.

— Консорциум... мать его Сияния... — её взгляд устался куда-то в пустоту. — Ты понимаешь, что это означает?

— У нас наконец-то есть шанс подобраться к их разработкам, — улыбался Ник.

— Нет, Никки, — она мотала головой, всё ещё глядя куда-то в сторону. — Это значит, что Сияющие создают что-то совместно с синдикатом. И готовы защищать это.

— Когда в последний раз ты слышал, чтобы Светочи были частью чужого конвоя? — продолжила она.

— Никогда. Они обычно защищают только себя, — сказал Ник. — Я вообще не слышал, чтобы они покидали Аркадию.

— Они покидают, Никки. Но всегда в рамках своих территорий. Если они курируют перевозку, значит, это и их ин-

тересы тоже. А значит, они что-то помогли создать синдикату.

— Так себе союз... — задумчиво произнёс Ник.

— Мотивы картелей меня как раз не смущают, — завелась Юми. — Они просто хотят большие власти и могут позволить себе покупать у Консорциума. Но меня до дрожи пугает мысль о том, что Сияющим могло понадобиться что-то взамен.

— Что могут хотеть бессмертные? — произнёс Ник.

— В том-то и дело, — закусил губу Юми. — Я никогда не покупалась на эту байку. Я не верю, что они бессмертные. И это делает их ещё опаснее: я не понимаю, чего они хотят и на что готовы пойти. Если им есть что терять, недооценивать их точно не стоит.

— Тебе придётся убедить отца, — сказала Юми, глядя ему в глаза.

— Да ты издеваешься! — опешил Ник. — Он и слушать не станет.

— Никки, нам нужны его ресурсы, — напирала она. —

Нам нужен его опыт.

Ник глубоко вздохнул и погрузился в размышления. Юми смотрела на него так, будто пыталась мысленно удержать от сомнений. Она выжидала.

— *Его не интересует синдикат. Зона картелей ему безразлична,* — размышлял Ник.

— *Но?* — напирала Юми.

— *Но он терпеть не может высокомерие Аркадии,* — произнёс Ник. — *Если убедить его, что это нанесёт критический вред их интересам и не даст обрести дополнительное влияние, он, возможно, не захочет упускать шанс.*

— *В точку!* — просияла Юми и чокнулась с ним чашкой.

— *Но что мы будем делать со Светочами?* — почти шёпотом произнёс Ник.

— *Есть пара идей,* — подмигнула она.

— *Пара идей — на пару синтетических бессмертных. Надеюсь, ты хорошо подумала. Второго шанса нам не дадут. Не осилим — нам крышка. Спалимся, что это мы, — со-*

жгут половину Свободного города.

— *Мы и так живём в их тени,* —не унималась Юми. —
Ничего никогда не изменится, пока они будут жить в сво-
их Облачных Палатах веками. У меня нет времени ждать,
пока их мозги разойдутся на плесень в своих банках. Я хочу
попытаться — или умереть.

Она залпом допила кружку чая и испытующе взглянула
ему в глаза.

— *Ладно...* —задумчиво произнес Ник. — *Давай попро-*
бует.

— *Мой Никки!* —хищно улыбнулась Юми.

Она подскочила и громко поцеловала его в лоб. Всё ещё
сияя от азарта, она добавила:

— *Пошли проведем крепьша.*

— *Хех, пошли. Он, как-никак, двоих уложил для меня.*

Они рассмеялись.

Интерлюдия

- *Ковчег* -

Сквозь пустынные улицы предрассветного города разносился звук детских шагов. Отражаясь от плотно расставленных зданий, он смешивался с шипением пара и гулом проводов, развешанных подобно внутренностям древнего чудовища. Звук пульсировал, наполняя умирающий город. Как цветок, что закрывается с первыми лучами солнца, он втягивал в себя свои члены, сжимался, прячась от ненавистного света. Свободный город всегда был ночным существом.

Девочка бежала, отбивая ритм босыми ногами. Отсутствие людей и ползущие повсюду испарения придавали окружению мрачную атмосферу. Будто одинокое болото, что стоит посреди бетонного леса. Ребёнок, что из всех сил старается добежать до твёрдой земли. И город-трясина, что ждёт, когда её ножка соскочит с тропы и даст проглотить себя.

Её дыхание сбивалось всё сильнее, переходя на хрип. Всматриваясь безумными глазами в глубину переулка, она нянчила левую руку и рвалась вперёд. Так, словно встающее за спиной солнце могло испепелить и её тоже. Истинное дитя города свободных.

Из тумана проступал жёлтый металлический свет. Фосфоресцируя, как грибница, он создавал мутное облако, смешиваясь с водяным паром. Дрожащий кокон, что сулил избавление. Вход в нору, которую она считала домом.

Девочка влетела в подсвеченный мягким светом подвал невысокого здания. Двери захлопнулись, и тишина вновь наполнила умирающий город. Утренний свет прорезал дымку, прижимая её к земле. Щупальца тумана отползли в тень каменного леса. Город заснул в ожидании ночи.

Невысокие потолки тоннелей создавали ощущение бесконечно тянущегося подземелья. Убежище было одним из нескольких зданий, соединённых со старой сетью городских коммуникаций. Частично заброшенное, с отключёнными системами питания, оно стало идеальной обителью для Ковчега. Рай для тех, кто ненавидел технологии. Дом для истинных видящих.

Сжимая в зубах толстый кусок ткани, девочка медленно вылиwała на ободранную руку вязкий экстракт. Ладони дрожали от боли, а глаза, не мигая, всматривались в зеленоватое свечение, наполнявшее комнату.

— Ты опоздала!

В комнату вошла высокая женщина. Она внимательно осмотрела рану и одобрительно кивнула.

— *Молодец! Учишься,* — мягко произнесла она.

Закончив обрабатывать руку, она разжала челюсть и с облегчением выдохнула. Тело обмякло, ощутив передышку.

— *Я последняя?* — спросила девочка.

— *Да. Сегодня была коллективная молитва,* — произнесла женщина. — *Тебе нужно будет провести свою в дальней комнате.*

— *Поможешь?* — девочка указала глазами на свою одежду.

Женщина улыбнулась и осторожно сняла с неё балахон. Смочив тряпку, она принялась протирать её тело. Малышка сидела, закрыв глаза, отдаваясь приятному чувству искренней заботы. Убежище действительно было домом — оазисом тишины в безумии Свободного города.

— *Готова?* — нежно спросила женщина.

Девочка кивнула и одной рукой накинула на плечи серый плащ. Она шла по коридору, освещённому множеством свечей, излучающих мягкий зеленый свет. Он придавал пространству ощущение плотности — словно она двигалась глубоко под водой. Дойдя до конца одного из тоннелей, девочка с усилием открыла скрипучую дверь. Здесь всё напоминало о своей древности.

Войдя, она скинула плащ и совершила prostiranie в сторону алтаря. На стене флуоресцировал символ круга в виде бесконечной замкнутой ленты и яркая точка в центре. Тайна и ключ Ковчега. Вопрос и ответ для всех, кто мог истинно видеть.

Она смотрела в самое сердце мерцающего символа. Ум постепенно обретал равновесие, дыхание становилось всё медленнее, а тело покачивалось. Девочка взяла с алтаря изящно обработанный камень и крепко сжала его в руке.

Приподнявшись на полусогнутых ногах, она глубоко захрипела, вдыхая сквозь намеренно сжатую горловую щель. Наполнив живот воздухом, взрывным усилием резко выдохнула, и тело сотряслось, будто от ударной волны. Задержав дыхание, она медленно подняла с пола тугую плоть и поднесла ко лбу в знак почтения. Взгляд устремился в центр сияющего круга. Рука со всего размаху хлестнула по обнажён-

ной спине. Пар крови и пота окрасил мерцание, наполнявшее комнату.

Камень в руке вспыхнул красным.

Глава 5 - Граница миров

- *Голос* -

Ноги странника с трудом продирались сквозь густую траву. Тело не слушалось, будто он только что проснулся.

— *Проснулся?!*

Где-то в глубине разума мысль вспыхнула, как крошечный светлячок, и тут же была поглощена тёмной массой какой-то неестественной тишины.

Осознание постепенно возвращалось. Тело двигалось, глаза смотрели не мигая, но он и правда проснулся лишь сейчас — посреди этого странного перехода. И всё же оно ощущалось чужим; боль от долгой дороги, словно ржавчина, разъедала мышцы. Глаза казались пересохшими, и лишь с усилием он заставил себя моргнуть.

— *Смон!*

Неловкая попытка вернуть себе контроль и остановиться, похоже, нарушила тонкое равновесие, поддерживавшее его бессознательное движение. Тело свело судорогой, ноги подкосились, а шею вывернуло, как у повешенного. Он рухнул,

подобно кукле.

— *Я умер...* —отозвалось в глубине разума.

За секунду до полной потери сознания ему показалось, что тело распадается на тысячи фрагментов. Будто он состоит из множества частей, каждая из которых разумна сама по себе. Его вновь поглощала та неестественная тишина — пугающая, глубокая и, похоже, куда более разумная, чем он сам.

Первой вернулась боль. Подобно отрезвляющей волне она омывала каждую мышцу, каждый нерв, проникала в голову, оживляя странника — как электричество оживляет неподвижный конструктор. Его хриплый вздох потерялся в шелесте травы и музыке ветра. Долина жила своей жизнью, не замечая двуногое существо, цепляющееся за существование.

Он пытался дышать как можно глубже. Пялился на сочную траву, что танцевала в низине, пытаясь впитать этот мир через образы, наполнить лёгкие — лишь бы ощутить хоть какую-то опору.

— *Самар...* —вырвалось из пересохшего рта.

Ещё более хриплый вздох последовал за странной фразой.

Разум отказывался верить, что он и правда сумел произнести хоть слово. Осознание себя швырнуло странника обратно в мир живых — грубо, небрежно, как куклу.

Он перевернулся на спину и наконец позволил себе расслабиться. Ощущение физической оболочки — со всей болью, что она содержала — удерживало его в сознании и странным образом приносило покой.

— *Самар!!!* — тело свело судорогой, и он рывком сел.

Глаза остекленело смотрели на величественную долину. В окружении чёрных гор это поле из трав и цветов напоминало небольшое море. Трава переливалась волнами в такт ветру, а огромные валуны, наполовину вросшие в землю, походили на острова. Человек не осквернял покой этих мест уже очень давно.

Бескрайняя перспектива долины наполнила разум кристальной, почти звенящей тишиной. Мышление прояснилось. Вспышками начали приходить вопросы. Не дожидаясь ответа, они сменяли друг друга, пока ум судорожно пытался разобраться в происходящем.

— *Сколько я шёл... Откуда... Самар?!...*

Память упрямо отказывалась возвращаться. Но тело знало, куда идти. Оно тянуло его вперёд, глубже в долину — туда, где горы сходились в узкий проход.

Он зашагал. С каждым шагом возвращая себе контроль над происходящим. Цвета постепенно становились ярче, звуки обретали глубину, и ему казалось, что он снова становится самим собой. Разум наблюдал за происходящим, словно со стороны. Будто он — пространство, в котором тело играет свою роль. Мир живет своей жизнью... а он лишь Бытие. Безмолвный свидетель реальности. Не способный покинуть её. Не способный повлиять.

Голос, звучащий посреди бездны.

Восприятие времени ускользало от странника. Было сложно сказать, сколько он шёл. Усталость в мышцах говорила о полном изнеможении, но сознание не уступало слабости плоти. Какая-то нечеловеческая уверенность вела его тело вперёд.

Узкий проход между двумя невысокими горами остался позади. Море из трав сменилось более бедной по виду равниной. Здесь он впервые заметил корни, выступающие на поверхность, будто вены на иссохшем теле земли. Подобно лианам, они тянулись на километры во всех направлениях —

нервная сеть, оплетающая землю: от тонких, едва заметных веточек до мощных жил толщиной с руку взрослого человека.

Что-то внутри отозвалось при виде этой картины. На мгновение показалось, что он вдохнул и ощутил каждый нерв в этой причудливой сети. Разум сосредоточился на ощущении. Дыхание стало глубже, и сознание расширилось во всех направлениях. Привычный угол зрения, до сих пор ограниченный лишь глазами — распахнулся.

Только сейчас он заметил, как воздух искрится от тончайших радужных частичек. С каждым вдохом они наполняли лёгкие, ложились мягким саваном на тело, закручивались в полупрозрачные вихри перед глазами.

— *Самар.* — автоматически произнесли губы.

Ощущение, что он знает природу этих корней, вспыхнуло подобно молнии. Но разум не смог облечь это знание в слова. Жгучее, предательское чувство, что он не может вспомнить нечто важное о себе, ныло, как заноза в мозгу.

— *Прими!* — промелькнуло внутри.

Мир на мгновение исчез. Он увидел своё тело, висящее

в тёмном пространстве, оплетённом корнями. Будто он оказался под гигантским деревом, глубоко под землёй. Но вместо стволов и крон вокруг тянулись лианы, раскинутые подобно паутине. А он, словно муха, барахтался прямо в её центре.

— *Прими нас!* — промелькнуло вновь.

Слова не звучали в пространстве — они отзывались внутри него самого. Каждая фраза подсвечивала паутину, словно она говорила через тончайшие вибрации.

Инстинктивное желание ответить и страх неведомого застряли у него в горле. Животное в нём хотело вырваться, закричать, вернуть контроль. Но более мудрая часть, которая, казалось, понимала, что происходит, хотела расслабиться — принять происходящее и поговорить по-настоящему. Сейчас именно она оказалась сильнее.

Он вытянул тело, расслабил мышцы и закрутил паутину из лиан вокруг своих рук. Вместо слов он попытался задать вопрос из глубины — с того уровня, который казался ему центром.

— *Кто ты?* — прозвучал немой импульс.

Паутина засверкала и завибрировала в ответ.

— *Единое...* — осознал странник.

— *Чего ты хочешь?*

— *Прими нас!*

— *Как?*

— *Вспомни!*

Фрагменты воспоминаний начали проступать на поверхность. Он ощущал, что идёт по долине, прижимая к лицу дыхательную маску. Отчаянное желание получить ответ, дойти до центра — или умереть. Вспышки, как фотографии, возникали в памяти, сопровождаясь эмоцией, которую он сильнее всего переживал.

Отчаяние... Дерзость... Надежда... Страх... Смерть.

Внезапное осознание пронзило его. Он действительно умер в этой долине. Или что-то умерло в нём. Он ощущал человека, который прошёл этот тяжёлый путь — того, кто из всех сил стремился к центру, кто так жаждал ответов. Но теперь этот человек был как полузабытый сон. Его можно

было вспомнить в любой момент, но все эмоциональные связи были разрушены. Как бабочка смотрела бы на разорванный кокон, так он смотрел на обрывки воспоминаний о себе.

— *Кто я?* —спросил странник.

— *Врата.* —загудело отовсюду.

— *Куд...* —вопрос прервался на полуслове.

Яркий свет и запах травы прорезались сквозь грёзы. Видения исчезли, и он ощутил себя отдохнувшим. Но тело по-прежнему тянуло вперёд.

Руки нащупали тонкие веточки лиан на земле. Он бережно приподнял их, чтобы рассмотреть. Похоже, они оторвались от общей сети и усыхали без подпитки. На первый взгляд — обычное растение. Но что-то внутри отзывалось, когда он касался его. Инстинктивно он раздавил веточки в кулаке. Радужная пыльца заискрилась на солнце.

— *Веди!* —выдохнул он и зашагал в неизвестность.

Солнце освещало бесконечное плато. Разогретый воздух и радужная пыльца создавали ощущение полупрозрачного тумана. Всё вокруг казалось искажённым, движущимся. Ли-

аны-корни, стелившиеся по земле во всех направлениях, напоминали водную рябь. Чем дальше он уводил взгляд, тем сильнее ландшафт походил на океан, покрытый дымкой.

Странник не мог сказать, сон это или явь, — он лишь доверял внутреннему ощущению, что он просто существует в этот момент. Тело уверенно продвигалось через пустынное плато, но разум наблюдал за всем со стороны. Подобно состоянию на границе сна и бодрствования, когда сон ещё воспринимается, но ты уже знаешь, что проснулся, и позволяешь себе досмотреть его.

Сознание пронзила новая вспышка воспоминаний.

Он почувствовал, как тело приходит в себя, лёжа в своей постели. Именно в своей. Это ощущалось как непреложная истина. Он дома. Лёгкое покрывало скользит по рукам, когда он пытается прикоснуться к женщине, лежащей рядом. Тепло её кожи и ощущение текстуры под пальцами создают уют, согревают сердце. Руки ощущают, как она улыбается, как прикасается в ответ. Два существа, для которых весь остальной мир не существует. Более реальные, чем сама вселенная, в этот момент.

Странник ощутил неприятное чувство, будто за ним наблюдают. Картина с женщиной продолжалась. Но чувство,

что на него смотрят, испытывалось не в теле, лежащем на кровати. Он ярко ощутил себя, стоящим посреди плато. Глаза закрыты. Тело покачивается в ритм какой-то беззвучной музыки. Но и в нём не было ощущения, что на него смотрят. Оба восприятия были одновременно предельно реальны и абсолютно снопоподобны.

— *Где я?!—* пронеслось в разуме.

— *Всегда!—* прозвучало отовсюду.

Картина с женщиной истончилась, развеялась в хаосе мыслей. Глаза вновь воспринимали плато и бесконечный ландшафт, танцующий от оптических иллюзий. Он отпустил контроль, и тело послушно двинулось в прежнем направлении.

Странник двигался, утратив ощущение времени. Ландшафт не менялся, и он перестал смотреть на горизонт. Глаза следили за тем, как ноги шаркают по поверхности, взбивая пыль от случайно задетых растений. В этой динамике было странное спокойствие. Безвременье пугало: оно затягивало, как океанские глубины, приглашая раствориться и утратить все ориентиры.

Внезапно тело остановилось. Импульс, что вёл его сквозь

бесконечную каменную пустыню, иссяк — словно его и не было. Странник ощутил вернувшийся контроль над телом, слабость от пройденного пути и сразу весь набор человеческих ощущений: голод, жажду, желание спать.

Он поднял глаза и сквозь привычное марево заметил новые краски: зелёные всполохи на фоне угрюмо-жёлтого каменного моря. Остров, что проявился из пустоты, обещая дать приют и избавление. На границе плато начинался лес: врезался в каменную плиту, подобно клину, постепенно расширяясь вдаль.

Странник глубоко вздохнул. Он ощутил надежду, что заглась внутри, воодушевление и азарт. Сухой воздух с примесью песка и пылицы показался неприятным. Всем телом он захотел ощутить прохладу и влажность леса. Он чётко осознал, что помнит, каково это.

Теперь уже он управлял собой. Ноги с трудом передвигались по поверхности под грузом навалившейся усталости. Он делал каждый шаг, упрямо всматриваясь в зелёную полосу вдалеке. Желание дойти, пока мираж не растворится, добавляло отчаянного огня его глазам.

Границы миров схлопнулись. Нога ступила на мягкую почву, густо покрытую травой. Сочный воздух окутал его

мягким покрывалом, насыщая каждую клетку. Он не знал, сколько шёл. Возможно, опять впал в прострацию и не заметил этого. Босые ноги врезались во влажную почву, вкапывались, словно корни растений. Ладони сжали землю так, что вода начала сочиться сквозь пальцы. Он начал растираться. Совершенно дикое, отчаянное желание втереть землю в себя обуюло его. Почти животная радость наполняла изнутри, и он захохотал с обезумевшими глазами.

Странник сидел, покрытый грязью с ног до головы. Его белые глаза светились счастьем. За спиной бушевало каменное море, а впереди ждали ответы. Он явно помнил этот лес.

Глава 6 - Выбор

- *Сёстры* -

Мира с тоской рассматривала изящный клинок на резной подставке. Каждый узор пробуждал воспоминания о тренировках с сестрой — о смехе и радости, что связывали их вместе. О том, как много она на самом деле значит для неё.

— *Мира! Ты так и будешь сидеть в одном белье?* — голос сестры вырвал её из размышлений. — *Или ты передумала идти на церемонию?*

— *Нет, прости. Я просто... я задумалась,* — пробормотала Мира.

Она начала поспешно собираться, изо всех сил демонстрируя бурную деятельность. Тело двигалось на автомате, но разум всё ещё плыл в каких-то смутных грёзах. Едва натянув кофту, она замерла. Растерянный взгляд и не до конца одетая одежда делали её похожей на чучело, которое вдруг осознало что-то про себя и свою пустую жизнь посреди поля.

— *Эли, ты ведь понимаешь, что у тебя есть все шансы стать рейнджером?* — произнесла вслух Мира.

Её смешной вид и взрослые глаза заставили Эли остановиться. Она подошла к сестре, осторожно приобняв её за плечи, словно боясь спугнуть.

— *Но ведь в этом весь смысл, глупышка,* — улыбнулась Эли.

— *Ты же помнишь наши с тобой обещания? Ради чего всё это...* — она указала глазами на клинок.

Мира закивала головой изо всех сил, желая согласиться и поддержать сестру. Слезы предательски текли по её щекам, и она прыгнула к ней, чтобы сжать в объятиях. Запомнить её запах и тепло. Попытаться быть такой же сильной, как она, такой же уверенной в своей цели.

— *Прости,* — пробормотала сквозь слёзы Мира. — *Я на самом деле рада за тебя. Я просто боюсь, что никогда не смогу найти свой путь так же, как ты.*

— *Тебе не нужно быть мной. Ты сможешь защитить наш дом по-своему, своим уникальным способом. Я всегда это знала. Когда я уеду, тебе будет легче найти свою дорогу.*

— *Ты права.* — Мира изо всех сил постаралась улыбнуть-

ся.

— *Я оставляю клинок тебе,* — произнесла Эли, заглянув сестре в глаза. — *Ты же позаботишься о нём?*

— *Конечно!* — со смесью восхищения и тоски выкрикнула Мира.

Эли нежно поцеловала ее в лоб.

— *Собирайся. Нас уже ждут,* — произнесла Эли и зашагала обратно к своей сумке.

Её руки начали дрожать лишь тогда, когда она отошла в другой конец комнаты. Она попыталась сжать их в кулаки, справиться с волнением, но это оказалось сложнее, чем она себе представляла. Столько лет ожидания и тренировок — только ради этого момента. Столько лет без единого сомнения в том, каким будет её будущее. И всё же тело предавало её: где-то внутри её животная часть боялась покидать уют дома.

Эли вышла за дверь, чтобы не отвлекать сестру и дать себе несколько мгновений наедине. Она глубоко дышала, закрыв глаза.

— *Ты готова. Ты всю жизнь была к этому готова. Мама и папа гордились бы,* — слова звучали в её голове как мантра, призванная вернуть контроль над разумом.

Что-то внезапно ударило её снизу, вырвав из короткой медитации.

— *Ты забыла сумку, солдат!* — язвительно усмехнулась Мира, бросив ей вещмешок под ноги.

Они засмеялись. На мгновение им удалось забыть о предстоящей разлуке и вновь ощутить себя просто сёстрами. Мир показался маленьким и знакомым, и это подарило покой.

— *Пойдём,* — произнесла Мира, взяв сестру за руку. — *Тебя уже ждут!*

Мира двигалась по длинному коридору. Глаза цеплялись за узоры на полу, и их чередование успокаивало. Хотя она по-прежнему держала сестру за руку, её задор иссяк. Она не могла притворяться слишком долго. Поддержать сестру было действительно важно, но... трудно было выкинуть из головы ощущение, что их связь принесут в жертву. А этот изящно оформленный коридор казался лишь красивой де-

корацией перед входом на бойню.

— *Глупость*, — подумала Мира. — *Доминия дала нам всё. Эли заслуживает этого.*

Она невольно сжала руку сильнее. Эли обернулась с хищной улыбкой — ей явно не терпелось.

— *Эгоистичная дура*, — в мыслях выругалась Мира. — *Думаешь только о себе. Ты должна быть, как она: наполненной, уверенной.*

Самовнушение явно не срабатывало. Её глаза снова опустились на узоры под ногами. Успех сестры, их разлука... что-то копошилось внутри. Что-то более стыдное, чем она была готова себе признать.

— *Ты никто без неё*, — осознала она. — *И они все это увидят, когда она уйдёт.*

Она разозлилась. Желание сжаться в комочек, желание зашипеть на весь мир — всё это вдруг наполнило её, и она отпустила сестру. Спрятав руки в карманы и приняв более уверенную позу, она попыталась смыть с лица все эмоции. Но стыд за слабость никуда не ушёл. Себя не обманешь.

Коридор заканчивался массивными резными дверями, украшенными барельефами. В Доминии не скупилась на красоту: всё должно было подчёркивать гений человеческого разума.

— *Добро пожаловать,* — с широкой улыбкой произнесла женщина на входе. — *Кандидат может проходить в главный зал, сопровождающих просим подняться на балкон.*

Девочки ответили коротким поклоном, и каждая двинулась в своём направлении. За этими дверями уже не оставалось места для привязанности — здесь решалась их судьба.

Мира смотрела на шумную толпу с верхних ярусов амфитеатра: сотни кандидатов — в шаге от судьбоносного выбора. Здесь никто не сдерживал эмоций.

На балконе атмосфера тоже казалась приподнятой, хотя и куда более сдержанной. Дети её возраста, взрослые, провожавшие своих детей... У одних выбор ещё не был сделан, другие уже давно понимали своё место в обществе. Мира ощущала себя за пределами этого уравнения. Всю жизнь она равнялась на сестру и её планы. Но теперь ей предстояло выбирать самой, готовить себя к этому выбору — и это раздра-

жало.

— *Внимание, кандидаты,* — прозвучало в пространстве.

Весь амфитеатр замер.

На сцену вышел один из архонтов. Мира никогда не могла запомнить их имена. Да и выглядели они все на одно лицо: лысые, в простых серых одеждах из хлопка. Никакой роскоши, никакой эстетики.

— *Сегодня вы принимаете решение, которое повлияет не только на вашу жизнь, но и на судьбу Доминии.*

Толпа взорвалась ликованием.

— *Многие из вас готовились с юных лет, чтобы принять один из путей в нашем обществе. Другие лишь недавно определились с выбором. Совет знает ваши сильные стороны, друзья мои. Не бойтесь заявить о себе, не бойтесь встать на службу нашему прекрасному дому, — ибо дом уже принял вас.*

Люди молчали, с благоговением взирая на него.

— *Что до тех, чей выбор будет отклонён, — не страшитесь. Задача совета — сохранение гармонии. Порой надеж-*

ды мешают услышать голос разума. Если мы решим, что ваше служение должно быть изменено, — примите это с честью.

Мире показалось, что там, внизу, можно было услышать, как падает иголка.

— Итак, начнём. Подходите по одному: кладите руку на сферу и громко заявляйте своё имя и выбранный путь.

Мира с нетерпением перегнулась через перила балкона, пытаясь разглядеть сестру. Её короткая фиолетовая куртка должна была быть легко заметна с такой высоты. Однако все вокруг были одеты так ярко, что невозможно было понять, кто есть кто.

Один за другим люди начали выходить на сцену к золотой сфере. Стоило коснуться её — и над ними вспыхивали знамёна с именами и сведениями о выборе их семей. На какое-то время Мире удалось забыть о своих собственных тревогах и погрузиться в переживание чужих судеб. Это успокаивало.

— Мириам Кайл, — гордо заявила одна из участниц.

Знамена проявились в виде ярких голограмм, демонстри-

руя её отца и мать. Оба принадлежали к пути инженеров.

— *Путь Созидания. Инженерная гильдия,* —выкрикнула она.

Рядом с Мирой засуетились несколько человек. Они бросились к краю балкона, чтобы посмотреть на дочь.

— *Выбор принят,* —прозвучал электронный голос.

Мира внимательно наблюдала за эмоциями этих людей. Они казались идеальной семьёй: единый путь в двух поколениях, явная поддержка друг друга. Выглядели счастливыми. Но почему-то ей от этого было тошно. Что-то внутри отказывалось верить.

Пока Мира изучала людей вокруг, краем глаза она заметила знакомое фиолетовое пятно: Эли поднималась на подиум.

Ее уверенность, сила и целеустремленность читались даже с этого расстояния. Мира вновь ощутила смешанные чувства гордости и страха.

— *Элионор Райк,* —отчеканила она.

Над ней вспыхнули красные знамена родителей. Оба —

военные специалисты. Отец — рейнджер первой категории, мать — аналитик.

— *Путь Защиты. Элитный корпус!* — выкрикнула она, стремясь запечатлеть свой запрос в пространстве.

Толпа замолчала. Мира растянула губы в ехидной ухмылке. Казалось, она вот-вот лопнет от гордости. Многие поступали в военный корпус, но лишь немногие стремились сразу пройти элитный отбор. Отсев был крайне суров, и часто после отбраковки люди не могли оправиться, соглашаясь на более простые пути. Это нередко их ломало.

— *Выбор изменён,* — равнодушно прозвучал голос арбитра.

Волна негодования прокатилась по амфитеатру. Эли, казалось, впала в ступор. Она не могла даже повернуть голову к советнику, лишь таращилась поверх толпы.

— *Юная Элионор, Совет знает о ваших значительных успехах в военных науках. Мы следили за вашим рвением пойти по стопам отца. Нет сомнений, что вы достойны, и я хочу, чтобы вы это запомнили.*

Эли болезненно сглотнула. Наступал момент предатель-

ского «но», которое разрушит её планы. В лучшем случае её оставят рядовым солдатом с призрачной надеждой подать на элитный отбор через три года.

— *Совет рекомендует Путь Поддержки. Гильдия энергетики*, — сказал советник, глядя ей прямо в глаза.

Его взор казался равнодушным, но с оттенками отеческой заботы. Притворным, но всё-таки не лишённым какой-то непонятной ей мудрости.

— *Примите выбор Совета ради гармонии. Найдите в себе силу послужить обществу именно этим путём.*

Мира смотрела, как сестра на негнущихся ногах пытается уйти со сцены, сохранив хоть каплю самообладания. Сейчас, когда знамена их семьи всё ещё развевались наверху, она не могла позволить себе что-либо, что опозорило бы их память.

Мира растерянно следила, как сестра медленно растворяется в толпе. Она не знала, что чувствовать. Хотела гордиться ею, но теперь ей не за что было зацепиться. Энергетика? Поддержка? Она даже не понимала, что это значит для их отношений. Её заберут? Оставят? Неужели теперь Мире придётся о ней заботиться?!

— *Ничего, ничего. Девочка поймёт, что Совет никогда не ошибается,* — слышалось сзади.

— *Да, но всё равно обидно. Она так хотела продолжить традицию семьи,* — возразила одна из женщин.

— *Возможно, она начнёт новую традицию, когда осознает своё место и увидит мудрость архонтов,* — настаивал мужчина.

Мире хотелось выругаться на них и крикнуть, что эти лысые отречённые ничего не знают о её сестре и через что она прошла ради этого момента. Ей хотелось бросить в них что-нибудь. Вот только знамена всё ещё реяли над амфитеатром. Ей было грустно оттого, что мамы и папы нет рядом. Сейчас она чувствовала себя потерянной, как никогда. Ведь теперь даже на сестру нельзя было опереться. Похоже, сестре самой впервые нужна была поддержка. Но Мира не ощущала в себе нужной силы.

Она молча побрела сквозь толпу. Ей хотелось обнять Эли, наврать, что всё будет хорошо, и просто продолжать жить.

Мира обнаружила сестру в беседке возле главного зала. Та

сидела рядом с одним из советников и напряжённо кивала. Он выглядел моложе, чем тот, что был на сцене. Похоже, он лишь недавно принял постриг.

Его глаза сияли неподдельной страстью. Он с таким воодушевлением рассказывал ей о чём-то, что это вызывало смешанные чувства. Архонты обычно были подчёркнуто просты, аскетичны и сдержанны. Хотя Мире не доводилось видеть таких молодых. Заслужить право на Второе Вознесение в столь юном возрасте было почти невозможно. Видимо, он совершил нечто совершенно исключительное, чтобы занять своё место.

Ей доводилось видеть подобную страсть лишь в одном человеке — в Эли. Когда они тренировались и мечтали о будущем, та всегда говорила с таким огнём в глазах, что это наполняло их обоих. Этого хватало, чтобы продолжать жить, чтобы заменить родителей. Её огонь согревал их. Но теперь она сидела перед ним с двумя потухшими пропастями на лице. Молчаливые кивки, подчёркнутое послушание — словно робот перед своим создателем.

— *А вот и ваша сестра,* — с легкой улыбкой произнёс он.
— *Подходите, юная Мира. Пора прощаться.*

— *Но ведь вы ей отказали?!* — не сдержалась она.

— Напротив. Мы внимательно рассмотрели все элементы этого уравнения и пришли к выводу, что выбранный нами путь позволит Элионор раскрыть свой потенциал и оставить след в нашем обществе.

— Обслуживая батареи?! — возмутилась она.

Советник засмеялся. Он пронзительно всматривался в её лицо, будто видя что-то, что ей самой было недоступно.

— Путь Поддержки означает служение гармонии нашего общества. Чтобы Доминия могла развиваться, нужны те, кто будет следить за балансом в системе. Гильдия Энергетики — одно из звеньев этой цепи.

— Она тренировалась как проклятая, чтобы заслужить своё место в корпусе рейнджеров. Она лучшая из всех, кто претендовал вместе с ней. Как вы можете этого не видеть? Вы же должны быть самыми мудрыми и непредвзятыми среди нас?!

— Однажды вы поймёте, как устроено наше общество и почему оно так эффективно. Возможно, тогда вам откроется, как кандидаты вроде вашей сестры могут быть полезны даже за пределами военных корпусов. Мир сложнее,

чем вам кажется, юная леди.

Он встал и подчёркнуто поправил одежды, чтобы поставить точку в разговоре. Молча поклонился обеим и двинулся прочь по коридору.

Мира сжала сестру в объятиях. Ей хотелось выжать из неё хоть каплю тепла, вернуть блеск её глазам. Она так хотела верить, что там, внутри, ещё осталась надежда.

*— Мне придётся уехать на дальний остров, —*сдерживая эмоции, пробормотала Эли. *— Меня распределили на станцию контроля силового щита.*

— Да ты даже не знаешь, что это вообще означает!
*—*возмутилась Мира.

*— Таков путь. Если Совет решил, значит, это моё место, —*пробормотала она.

— Посмотри мне в глаза и скажи, что ты в это веришь!
*—*закричала Мира.

Эли впервые обняла сестру.

*— Возможно, мы будем видеться чаще, —*улыбнулась

Эли. — *Вряд ли я там задержусь надолго. Скорее всего, это просто обучающий этап.*

— *А потом что? Будешь ходить с умным видом, проверяя батареи?! Обзаведёшься детьми?! Эли, которую я знаю, сошла бы с ума от такого.*

— *Ну, видимо, пора взрослеть, — вздохнула Эли. — Мама и папа отдали жизнь за наш дом. Они тоже принесли свои жертвы. Если моя жертва в этом, пусть будет так.*

— *Но это несправедливо!* — Мира демонстративно надула щёки.

Эли прикоснулась лбом к её лбу и заглянула в глаза.

— *Продолжай тренироваться. Возможно, ты продолжишь путь отца. Я была бы этому рада. А я прослежусь, чтобы у тебя в оружии никогда не заканчивались батареи.*

Они расхохотались. Слезы потекли по щекам, и они снова обнялись.

— *Когда ты уезжаешь?*

— *Сегодня.*

— *Не так я представляла себе этот момент...*

— *Я знаю. Позаботься о клинке матери. Не давай ему остыть.*

— *Обещаю!*

Эли снова поцеловала её в лоб и поднялась. Она демонстративно поправила одежду, подобно советнику. Взглянула на сестру и зашагала прочь по коридору.

Мира с каждым её шагом ощущала нарастающую пустоту внутри.

И злость...

Её снедало чувство, что она не понимает, как устроен их мир. Она впервые задумалась об этом. Злилась на себя — маленькую и глупую, на свои детские надежды, на своё бессилие. Ей изо всех сил захотелось доказать, что она способна разобраться и показать, где они ошибаются.

Впервые в жизни её наполнило что-то изнутри. Раньше её согревала страсть сестры, её надежды и вера. Теперь по её жилам тёк чистый гнев. При всей разрушительности этого чувства она никогда не ощущала себя более цельной.

Она встала и молча пошла по коридору в противоположную сторону. Чем дальше они удалялись друг от друга, тем больше решительности пробуждалось в ней.

«Однажды вы поймёте, как устроено наше общество и почему оно так эффективно».

Слова советника эхом отдавались в её голове. То, что было сказано как обещание, стало для неё вызовом. Она не просто хотела разобраться — она жаждала их превзойти. Всех и каждого из них. Доказать, что они сами могут решать свою судьбу без помощи так называемых мудрецов.

Пустота внутри уступила место гневу. Мира впервые ощутила себя сильной. Похоже, сегодня им обоим пришлось повзрослеть.

Глава 7 - Отец

- Ник -

Верхний этаж «Пещеры» служил мозговым центром империи его отца. Роскошь и сила здесь сквозили во всём. Не было ни одного элемента декора, который бы не имел скрытого смысла, специально подобранного, чтобы производить определённый эффект на гостя. Винсент Кросс был одним из тех, кто создал себя с нуля, выбравшись из абсолютной нищеты. Его уличные инстинкты и незаурядный интеллект открыли ему все двери. А те, что оставались закрытыми, он выбивал за счёт прагматичной жестокости, что сделала его легендой Свободного города.

Обычно спокойные коридоры его офиса наполняли крики, заставляя нервничать охрану, дежурившую у единственной лестницы, ведущей наверх. Они не привыкли к проявлениям его эмоций. Винсент почти никогда не повышал голоса. Он предпочитал демонстрировать свою силу с холодной неотвратимостью катка, который невозможно остановить и бесполезно умолять о пощаде. Сегодня был явно не тот день.

— Ты себя вообще слышишь?!— крикнул Винсент. — Нам нужен был груз. Если он уже ушёл, то всё — ждём следующего шанса. Забудь!

— Ты никогда не рассказывал о себе, — как можно спокойнее произнёс Ник. — Всё, что я знаю о тебе, я слышал от других. Ты никогда не упускал возможности перехватить инициативу. И именно поэтому ты стал тем, кем стал. Разве я не прав?

— Ник, я стал таким не потому, что разбивал черепа конкурентам. Слухи - это тоже метод, и я никогда не опровергаю их, потому что это полезно. Но я всегда знал границы своих возможностей и никогда не выходил за понятные мне рамки. Риск должен быть контролируемым. Два процента, пять, десять — а ты предлагаешь девяностопроцентное самоубийство без каких-либо разведданных, с прозрачным шансом на то, что мы получим нечто ценное, хотя даже не представляешь, что это. Рассуждай как мой сын, а не как уличная шпана, что пытается урвать любой кусок, который видит. Поэтому они живут как собаки на улицах, а мы имеем контроль над половиной города.

— Разве не ты всегда говорил, что контроль Аркадии над Нексусом не продлится вечно? Что они оторваны от реальности, живя в своём иллюзорном раю? Управлять должны те, кто знает, какова жизнь от самого низа до верха. У тебя есть шанс забрать у них то, что они действительно ценят. Возможно, ключевую технологию. Возможно, мы даже

смогли бы захватить одного из Светочей. Юми разберётся, как извлечь из него данные.

— Юми?!— взревел Винсент. — Она совершенно неуравновешенная, и ты это знаешь! Она готова сжечь весь город, лишь бы доказать, что может вырваться отсюда. Всегда такой была. Я не сомневаюсь в её талантах, но она явно не стратег. Что вы сделаете после того, как нападёте на конвой?! Какой у вас план?! Дать повод силам Аркадии захватить Свободный город? Наполнить наши улицы их патрулями? Вы что, совсем обкурились?!

— Ты слышал о новом торговце информацией?— хладнокровно продолжал Ник. — Он называет себя «Тот, кто шепчет».

— Это здесь при чём?— раздражённо ответил Винсент. — Очередной фрик, который сливает чужие данные в оживлении, когда его выпотрошат заживо.

— Это мы, отец. Мы с Юми,— сказал Ник, глядя ему прямо в глаза.

Винсент, смотрел на сына, явно стараясь скрыть удивление. Налив полный стакан виски, он молча сел и окинул его оценивающим взглядом.

— Зачем?— с металлом в голосе произнёс Винсент.

— Как ты и говорил, репутация — полезный инструмент,— ответил Ник. — Мы выстраивали легенду Шепчущего больше года. Никто не сомневается в его надёжности. Мы сливаем только проверенные данные, берём не больше пяти процентов и никого ни разу не подвели. Мы — новый золотой стандарт для банд. Все хотят с ним работать.

— И что это меняет?— Винсент смотрел на него так, будто пытался проникнуть в его мысли.

— Мы можем мобилизовать сразу несколько группировок на одну цель,— продолжил Ник. — Создать зону отвлечения, организовать несколько волн атаки на главный объект. Они сделают всю грязную работу.

— И уничтожите всё, что создали, за один день?— Винсент прищурился. — За ваши головы объявят награду. Каждый нищий в этом городе захочет отрезать от вас кусок.

— Никто не знает, что это мы,— твёрдо сказал Ник. — Ты первый, кому я это рассказываю.

Винсент замолчал, уставившись в дальний угол. Ник хорошо знал этот взгляд: он появлялся всегда, когда отец начал видеть план в голове. Его способность продумывать всё до мелочей и принесла ему репутацию. Если ты хотел про-
вернуть по-настоящему опасное дело в Свободном городе — ты обращался к Винсенту Кроссу.

— Ты говорил, что запланированная поставка ушла на неделю раньше, — сказал Винсент. — И теперь они готовятся встречать конвой для одной бронемашины с людьми? То же место? Те же меры безопасности?

— Поставку отправили раньше, да. Мой человек говорит, что их инструктировали, как принять одну машину с учё-
ными, и предупредили, что будет две легковые машины кон-
воя.

— Количество охраны известно?

— В броневице точно едут учёные и оборудование, потому что их инструктировали грузить машину без досмотра прямо в транспортник. А вот конвой вернётся обратно. Там будет максимум восемь бойцов — слишком мало, чтобы привлечь внимание, но достаточно, чтобы отбиться от обычных банд. Всё сходится.

— И с чего ты тогда взял, что там будут Сияющие?

— Их визит не то чтобы тайна. Они же ничего не боятся и не станут играть в прятки со смертными вроде работяг из Конкордии. Они едут туда вполне официально, и там охране уже весь мозг вынесли: как надо их встречать, как общаться, что можно делать рядом с ними, а что нет. Вот только они едут одновременно с конвоем. Да, это якобы официальный визит Аркадии в Велос — проверить промышленные районы и встретиться с главами производства. Но ты же не веришь в эту чушь? Чтобы эти божьки спустились в наше болото ради какой-то проверки?

— Допустим, вы пожертвуете Шепчуцим и отправите несколько ударных групп на конвой. Эти «животные» просто перебьют всех. Я знаю не так уж много команд, способных сделать это хирургически точно. И даже если отправить лучших, они просто захватят груз себе. Ещё раз повторяю, Ник: в чём твой план?

— Мы не будем лезть на рожон. Для атаки на территории Конкордии используем лучшие команды среди местных, чтобы не засветить наш след. Но в этот раз мы сразу заявим, что есть крупный покупатель на этот груз и что груз нужно доставить до Свободного города. Все знают, что такие сделки делаются только у нас — это не вы-

зовет подозрений. И здесь мне нужен ты. Нужно перехватить и уничтожить тех, кто захватит груз на подлёте к городу. Все решат, что Шепчуций их кинул. Он не связан напрямую ни с одним регионом Нексуса — следов не останется. Но нужно не оставить никого в живых и выполнить всё чисто.

— А что со Сияющими? Какими бы толковыми ни были твои головорезы, они не выдержат встречи с ними.

— Юми разработала схему как нейтрализовать обоих и возможно даже захватить одного. Мы передадим нужные технологии ключевым штурмовым группам; остальных используем как прикрытие — расставим по периметру пачку ложных целей, чтобы никто не успел подойти на помощь в этом хаосе.

— Слишком мало данных,— задумчиво произнёс Винсент. — Я не люблю действовать вслепую.

— Даже если всё пойдёт не так, как мы планировали, никто не подумает, что это — Свободный город,— ответил Ник. — Твои люди будут работать на подъезде к городу: вы будете за километры от Велоса и Конкордии, а все следы укажут на торговца, которого никто никогда не видел. Ради такого можно им и пожертвовать.

Винсент задумчиво смотрел в дальний угол комнаты. Он громко щёлкал костяшками пальцев, то раскрывая ладонь, то сильно сжимая её в кулак — верный признак готовности к действию. Ник всегда замечал эти небольшие особенности, которые другим почему-то были не видны. Все слишком уважали и боялись его, чтобы видеть в нём просто человека: для них он был легендой, и они слепли в его присутствии. Когда другие видели лишь слабую тень эмоций на его лице, Ник ощущал настоящий ураган, бушующий внутри отца. Сейчас он чувствовал желание нанести удар по самодовольному лицу Аркадии, смять тех, кто считал себя выше других, и показать силу Свободного города. В то же время его расчётливая часть с хирургической точностью просчитывала риски и выстраивала заслоны из трех-четырех запасных вариантов.

— Допустим, мы захватим груз, и сможем обеспечить его безопасность, — сказал Винсент. — Если они и правда не хотят быть втянуты в это публично, то будут искать груз не всей своей мощью, а лишь отдельными отрядами наёмников. С этим мы сможем справиться. Конфликта между нами и Аркадией не будет: это будут приезжие группы, которые мы сможем уничтожать на вполне законных основаниях. Однако если мы захватим одного из Светочей, Аркадия пойдёт на полномасштабное вторжение ради того, чтобы вернуть тело. Безопасность их технологий слишком

ценна для них. Мы не справимся с их армией: они превосходят нас технологически и могут мобилизовать армии соседних регионов.

— Разве ты не хочешь узнать их самый главный секрет? — не унимался Ник. — Их тела — причина их бессмертия, — возможно, это единственный ключ к их правлению. Узнаем это — сможем диктовать условия на равных. Ты же мечтал, чтобы Свободный город и правда стал свободным.

— Ник, я стремлюсь к власти и контролю не для того, чтобы управлять выжженной пустыней. Они сровняют нас с землёй. Когда танцуешь с драконом, тебе нужно следовать ритму, который он задаёт, — иначе тебя раздавят. Они терпят нас, потому что мы полезны. Всё так устроено, что мы можем иметь достаточно свободы, чтобы хотя бы в шутку называть себя Свободным городом. Но у всего есть предел. И поверь — просто узнать один из секретов — этого недостаточно, чтобы обнажить их синтетическое сердце и нанести удар. Нужно куда больше, и я не вижу, чтобы сейчас у нас были на это силы.

Ник выжидательно смотрел на него, ощущая, что отец вот-вот примет решение. Он знал, что нужно создать вакуум тишины — и отец заполнит его своими идеями. В нём уже

разгорался боевой азарт: нестареющий авантюрист и стратег в одном лице, который никогда не упускает своего шанса.

— Сделаем так,— сказал Винсент. — Ты создашь четыре отдельные ударные группы на территории Конкордии. Две нападут прямо на транспортные доки с двух разных направлений, загрузив охрану, ожидающую прибытия. Третья группа ударит по машинам конвоя на подъезде. Четвёртой группе скажите, что вы сливаете чужую миссию, и что им нужно нейтрализовать третью группу, если они справятся с работой. Таким образом мы получим две волны атаки. Тот сюрприз, что вы приготовили для нейтрализации Светочей, отдайте четвёртой группе. Их задача — временно нейтрализовать их и захватить груз при условии, что они вообще вступят в бой. Никакого захвата аватаров! Нас интересует только груз. Я выложу пару своих козырей ради такого дела — на случай, если четвёртая группа не справится. Кое-кто в Велосе у меня в долгу, и я понимаю, как списать этот долг, не привлекая внимания.

— Согласен,— сказал Ник. — Сделаем всё, как ты спланировал. У нас всё равно без тебя не было бы никаких шансов.

— И ещё кое-что, Ник,— сказал Винсент, придвигаясь к краю дивана. — Прекрати устраивать эти шоу в моём клу-

бе каждый раз, когда твои чувства оказываются задеты.

Ник молча смотрел ему в глаза, не решаясь заговорить.

— Я знаю, что ты пытаешься всех спасти. Ты винишь себя за смерть мамы, но я уже тысячу раз тебе повторял: в этом не было и нет твоей вины. Ты был ребёнком, ты ничего не смог бы сделать. Просто случайность, что они не забрали и тебя тоже. Тебе надо понять разницу между ситуацией, где ты можешь что-то сделать, и когда твоя помощь просто никому не нужна.

Юми — травмированная на всю голову. При всей своей гениальности она разрушает всё вокруг. И саму себя — в первую очередь. Не мешай ей это делать. Её не спасти. Подумай о себе.

Мне нужен тот, кто сможет встать рядом со мной на равных: партнёр, наследник, соратник. Пока ты бегаешь с этой уличной шпаной и проворачиваешь мелкие схемы, я не вижу в тебе равного. Но я бы очень хотел.

Взгляд отца, казалось, проникал сквозь глаза, ввинчиваясь в мозг и выскребая из него ответы, которые он хотел услышать. Та часть сознания, что помнила себя до инцидента с мамой, хотела прыгать от счастья и принять предложение — стать тем, кем ему суждено было быть. Другая, что сформировалась после, была готова умереть, но не оставить

друзей в беде.

И в одном отец был не прав: он винил себя не только в смерти матери — он винил себя в слабости, которая, как ему казалось, привела ко всему, что произошло со всеми, кого он подпустил близко к себе. Ник не был суеверным, но, оставаясь один на один с собой, он ощущал себя проклятым — так, будто лучше бы его совсем не существовало. Каким бы мир тогда был? Возможно, все стали бы счастливее.

— *Я не подведу,* — сказал Ник.

Винсент откинулся на спинку дивана и одобрительно поднял за него тост своим бокалом. Ник поспешно вышел. Закрыв за собой двери, он остановился и уставился на картину, висевшую в коридоре: ястреб, раздирающий белого зайца. Одна из любимых картин его отца. Сейчас он чувствовал себя этим зайцем под когтями хищника. Наследие семьи, которое должно было придавать сил, напротив — давило.

— *Пора валить к чёрту из этого проклятого города,* — пробормотал он.

Шаги за дверью удалялись дальше по коридору. Винсент, громко щёлкая пальцами, всматривался в свой бокал, погружаясь всё глубже в размышления.

— *Пора тебе повзрослеть, мальчик,* — задумчиво произнёс он. — *Если ты сам не можешь разорвать свои привязанности... это сделаю я.*

Глава 8 - Хищник

- Путник -

Вдали от центра город походил на джунгли. Улицы становились уже и извилистее. Застройка становилась плотнее, а менее развитая инфраструктура свисала с верхних ярусов лианами проводов. Здесь не было крупных рекламных голограмм и ярких витрин. Множественные датчики и распределительные коробки, вынесенные наружу, озаряли вечер подобно светлячкам. Большая часть коммуникаций проходила или под землёй, или здесь, поэтому испарения пара на окраинах были плотнее. Облачный лес из стали и бетона.

Путник двигался сквозь уличные каналы. Редкие встречные старались не смотреть ему в глаза и прижимались к домам. Он шёл, глядя вперёд, не разбирая дороги. Просто двигался по какому-то одному ему ведомому плану. Из окон выглядывали любопытные жители, подобно зверькам на деревьях.

На дорогу вывалилось пятеро детей, все разного возраста. Самый старший стоял впереди — ему было не больше восьми, а младшая пряталась сзади, держа в руках куклу, скрученную из проволоки. Мальчик выскочил прямо перед незнакомцем и преградил ему путь. Остальные дети держа-

лись в стороне, то и дело поглядывая в тёмный переулок.

— *Помогите, дядя,* — он посмотрел снизу вверх в лицо незнакомца. — *Помогите нам. Дайте хоть немного денег.*

Путник медленно опустил глаза. Казалось, он смотрит сквозь мальчишку, потому что его выражение не изменилось. Он словно сканировал что-то, вслушиваясь в окружающий мир. Его одежда всколыхнулась, издав то ли хлопок, то ли шорох. Парень не понял, как, но человек оказался за его спиной и продолжил путь, не сказав ни единого слова. От удивления и шока ему показалось, что он готов обмочиться. Он опустил глаза, чтобы проверить, не случилось ли катастрофы. На земле лежали три бумажки по десять драксов — для него целое состояние. Те, что помладше, кинулись подбирать купюры и с визгом разбежались по тёмным улочкам кто куда. Мальчик медленно развернулся и посмотрел незнакомцу вслед, затем поднял голову вверх.

В самых кронах коммуникаций сидела девочка. Она разглядывала пришельца в монокуляр, пока тот не скрылся в тумане улиц. Её взгляд блуждал между парнишкой и чужаком.

— *Чего тебе здесь надо...* — пробормотала она.

Закусив губу, она глубоко вздохнула, затем поспешно

убрала всё в небольшой рюкзак и съехала по перилам на нижнюю площадку. Она двигалась подобно ласке в этом каменном лесу. Спустившись вниз, кивнула малышу и бросила ему яблоко. Он растерянно посмотрел на неё и с тревогой замотал головой, указывая в сторону, где скрылся незнакомец.

Девочка ехидно подмигнула и сорвалась с места. Вместо того чтобы побежать по улице, она нырнула в ближайший проулок и исчезла в какой-то дыре в стене. Мальчик всё ещё стоял, глядя вдаль — туда, где мгла испарений создавала ощущение портала, в котором скрылась загадочная фигура.

Свободный город был рожден на останках старых поселений, оставшихся после Исхода. Он закрепился, пустив корни сквозь мёртвую историю прошлых веков. Но в его подбрюшье по-прежнему тянулась широкая сеть тоннелей и каналов, соединявших старые дома — особенно на окраинах. Здесь проходила жизнь, которую он даже не замечал.

Уна ныряла в один подвал и появлялась из другого. Как подземный зверёк с тысячей норок, она двигалась незамеченной, удерживая чужака в поле зрения. Он шёл без всякой системы: менял направления, разворачивался, застыл на месте и прислушивался. Уна поймала себя на мысли, что

таким образом ловить её бесполезно. Если, конечно, он действительно пришёл за ней.

Что-то привлекло его внимание, и он свернул в узкий проулок. Уна поднялась на верхние ярусы и последовала за ним, словно хищная птица, наблюдающая за добычей. Чужак остановился в тупике и просто сел. Замер, как манекен, выброшенный на помойку. В окружении мусора в этих трущобах он создавал странное ощущение: то ли хищника, затаившегося в глубине городских болот, то ли дичи, что забрела на чужую территорию.

Вот только это была её территория. Уна спряталась под крышей одного из зданий. Тени скрывали её присутствие, а барабнящий по крышам дождь создавал вокруг непроницаемый кокон. Она смотрела на незнакомца, пытаясь разобраться в своих ощущениях.

— *Чего же ты ищешь...* — пронеслось в уме.

Путник не шелохнулся в течение двух часов. Тело Уны всё затекло. Она не привыкла сидеть столь неподвижно — вообще не привыкла сидеть в засадах: всегда действовала первой. Внутри росло раздражение; хотелось плюнуть на всё и оставить этого психа — ведь он всё равно её не поймает, только не здесь. Но что-то внутри не пускало: странное тягучее

чувство, что этот человек важен, что нельзя просто так уйти.

Она корчила рожи, сжимала кулаки и всячески пыталась себя развлекать — лишь бы создать хоть какое-то взаимодействие. Лучше уж играть в кошки-мышки с этим ненормальным, чем оставаться одной. Одиночество пугало куда сильнее.

Раздался женский стон

Сквозь шум дождя нарастал плач — истощный, пронзительный, переходящий в хрип, словно разрывал связки. Путник встрепнулся. Уна от неожиданности чуть не свалилась с перил. Крики женщины спасли её от обнаружения. И, похоже, чужак перестал воспринимать что-то иное: он шёл прямо на звук, не замечая больше ничего. С двух прыжков он зацепился за второй ярус и залез на балкон. Уна выпучила глаза, увидев такую ловкость. Она считала себя чуть ли не дикой кошкой в этом городском лесу. Никто не мог угнаться за ней. Но этот человек двигался на запредельном для неё уровне. Она напряглась: было глупо его недооценивать.

Она осторожно поползла по перилам следом. Пока чужак карабкался на четвёртый этаж, откуда раздавались жуткие крики, Уна переместилась поближе. Когда он подобрался к чёрному провалу окна, она уже была на позиции.

Путник нырнул в темноту. Хриплые стоны превратились в плач. Уна достала монокуляр, чтобы рассмотреть получше. Завеса темноты оставалась непроницаемой. Кто бы ни кричал там, она явно повредила связи. Сквозь шум дождя различалось лишь тихое завывание. Такой тоски и отчаяния Уна не слышала со смерти отца. Она тряхнула головой, отсекая воспоминания, и напряжённо всмотрелась во мрак, пытаясь разобрать хоть что-то.

— *Ну давай же...* — прошептала она.

В чёрном провале вспыхнул свет. В зеленоватой ауре стояла фигура чужака со свечой в руке. Всполохи заставляли окружающую тьму колебаться. Для Уны, смотрящей сквозь стену дождя, картина выглядела ещё более динамичной — словно рисунок, что перерисовывает сам себя масляными красками. Чужак отошёл в сторону, открыв для неё больший обзор. На столе стояла свеча, освещающая женщину, забившуюся в угол кухни. Лица её было не разобрать сквозь струи дождя, но Уне даже с такого расстояния казалось, что глаза женщины — как две чёрные дыры, что обвалились под грузом боли, забрав весь свет что был у неё внутри.

Чужак подошёл к ней и бережно забрал из рук какой-то свёрток. Свеча дрожала, и тени то и дело набрасывались на

людей, создавая пугающую неразбериху. Уна изо всех сил всматривалась в окно, выкрутила увеличение на максимум, меняла резкость, но вода скрывала происходящее мутной завесой.

Человек положил свёрток на стол и поднёс свечу ближе. Он изучал его какое-то время, и Уне показалось, что он снова замер, вслушиваясь в пространство — как делал до этого. Она не могла разглядеть деталей, но его поза показалась знакомой.

Дождь начал стихать. Водяная стена истончалась, открывая всё больше деталей. Уне показалось, что чужак говорит что-то женщине. Он протянул руку и замер в ожидании. Тело женщины пошевелилось. Казалось, она вышла из ступора, и стенания прекратились. Неуклюжим движением она поднялась и смогла опереться на него. Через мгновение уже стояла прямо. По спине Уны пробежали мурашки: ей почудилось, что женщина смотрит прямо на неё. Две чёрные ямы на лице глядели немигающе в темноту улиц. Свёрток лежал на столе, а чужак словно спрашивал о чём-то.

Дождь окончательно стих. Уна увидела его, стоящего рядом и поддерживавшего женщину за руку. Пустые глазницы усталились в пустоту. Дрожащий свет сдерживал хищные тени. Женщина открыла рот — тени встрепенулись и замата-

лись по комнате. Её тело рухнуло на землю, как мешок. Свеча погасла.

Уна продолжала вглядываться в чёрный провал окна. Путник так и не появился.

Свет пробивался сквозь плотный воздух городских окраин, прорезая ночные испарения и прибывая их к земле. Свободный город казался вымершим в лучах предрассветного солнца.

Уна всматривалась в тёмный провал окна красными от напряжения глазами. Она изо всех сил старалась не заснуть, но разум то и дело проскальзывал между сном и бодрствованием. Ей мерещилось, будто в комнате всё ещё что-то двигалось, смотрело на неё из пустоты.

Поднимающееся солнце изливалось теплом на узкий переулок, освещая противоположную часть дома. Каменные джунгли не позволяли свету согреть город целиком, просушить его бесконечную влажность и исцелить в глубине. Он стелился по поверхности зданий, разрезая покрывало теней, заглядывая в окна, чтобы ободрить жителей. Но казалось, они лишь глубже забивались в свои норы.

Она не заметила, как наступило утро. Её разум видел сны с открытыми глазами. В них незнакомец что-то шептал страдающей женщине, указывая пальцем на Уну, выдавая её секреты. Она пыталась оправдаться, сказать, что не виновата, но слова тонули внутри. Их затягивало обратно в тело, и они цеплялись за горло, разрывая его когтями в отчаянной попытке заявить о себе. Она постаралась закричать, но вырвался лишь хрип. Уна схватила за горло от внезапной боли и увидела в глубине провала себя — с двумя бездонными ямами вместо глаз.

Раздался звон

Она в испуге ударила ногой о перила. Кошмар был настолько реальным, что она не осознавала, что спит. Сердце колотилось, как ненормальное. Страх от жутких грёз сменился ужасом: осознание, что звук удара, наполнивший улицу, выдал её небольшое убежище, пронзило её. Уна замерла, боясь отвлечься от окна даже на мгновение. Казалось, она перестала дышать.

Свет медленно сочился по стене дома, впитываясь в бетон и проявляя шрамы на его поверхности. Подобравшись к окну женщины, он начал проникать внутрь, наполняя унылую комнату мягким сиянием. Уна увидела пустое пространство:

дверь была закрыта, свёрток лежал на столе.

Сознание прояснилось. Она ощутила прилив энергии и азарт снова возвращался к ней. Ещё раз осмотрев улицу, Уна осторожно перебралась на другое здание. В отличие от чужака у неё это заняло гораздо больше времени. Глубоко внутри она чувствовала себя уязвлённой. Уна подобралась к окну и замерла: ей больше не хотелось недооценивать его. С ним явно было что-то не так.

Интуиция молчала. Комната оставалась немой. Уна рывком подтянулась и запрыгнула внутрь. Ловкость подвела её снова: ноги внезапно подвернулись, ударившись обо что-то. Она потеряла равновесие и обрушилась на пол. Прямо на неё смотрело мёртвое тело женщины.

Крик застрял в горле. Одной рукой она зажала рот и сжалась в комок, лёжа на остывшем трупe. Когда-то красивые зелёные глаза теперь поблекли и уставились вверх. Адреналин помог ей собраться: она восстановила дыхание и осторожно села рядом. В комнате больше никого не было, и она сосредоточилась на теле. Никаких повреждений или кровоподтёков видно не было: оно выглядело нетронутым. Расстегнув тонкую кофточку, Уна заметила серый след в районе сердца.

Уна прикрыла глаза, стараясь восстановить в памяти всё,

что видела тем вечером. Женщина, стоящая прямо. Порыв ветра, заглушивший пламя. Тени, что набросились на её тело, рухнувшее на пол. Чужак, что исчез в этот момент. Звук хлопка, пронзивший пространство перед тем, как свеча погасла, напомнил ей, как незнакомец обошёл мальчика. Шорох, дуновение ветра... Она не понимала как, но чувствовала: именно он был ответственен за её смерть.

Свет всё больше наполнял комнату, высвечивая новые детали. Уна поднялась, чтобы осмотреться, и её взгляд застыл на одиноко лежащем свёртке. Вспышка понимания пронзила её до костей: вся мистерия прошлой ночи словно выстроилась в чётком порядке.

На столе лежало тело младенца. Неподвижные глаза и синеватый цвет лица делали его похожим на куклу. Тайна раскрыта: очередная мать, потерявшая своего ребёнка. Женщина, лишившаяся разума от боли и равнодушия мира. Чужак, что положил конец её страданиям.

В её все ещё юной голове проносились тысячи мыслей. Она пыталась разобраться в причинах, найти ответ, который был бы простым и понятным. Но всё, что приходило в голову, — это милосердие. Странное, искажённое сострадание, не умеющее утешить, не способное исцелить — лишь чистое, обнажённое избавление. Беспощадная эмпатия.

Уна попыталась стряхнуть с себя морок этих размышлений. Это напоминало ей об отце, и она выскочила обратно на улицу. Осмотревшись, она успокоилась и спустилась на землю.

— Хватит с меня этих приключений.

Она свернула в узкий переулок и растворилась в небольшой дыре, скрытой за нагромождением мусора.

Путник наблюдал за ней со стороны.

Глава 9 - Дом

- *Голос* -

Южный лес замер в томительном ожидании. Двухное существо продвигалось сквозь густой подлесок, нарушая порядок, существовавший десятки лет. Тысячи взглядов следовали за ним, не решаясь заявить о себе.

Странник шёл напрямик, почти не разбирая направлений. Он больше не ощущал незримой руки, что вела его сквозь долину, но что-то глубоко внутри откликалось, придавая уверенность. Он чувствовал, что на другом конце этого оазиса его ждут ответы — кусочки воспоминаний, которыми можно залатать свою личность. Остановить бездну, что изливалась сквозь брешь в разуме.

Усталость и голод наваливались с каждым пройденным километром. Кровь сочилась из множества порезов, но боль куда-то ушла. Вместо неё он ощущал странную наполненность. Что-то двигалось сквозь кровь, впитывалось в сухожилия и мышцы, перестраивало его изнутри.

Раздался писк

Звук оборвал его поглощённость. Осмотревшись, он за-

метил детёныша ягуара, который пятился назад, прижимаясь к деревьям и отчаянно пищал. Странник наблюдал за ним, осознавая, что узнаёт это существо, но не мог подобрать слова. Словно знание осталось в нём на невербальном уровне: существовало как ощущение, как догадка, но не хотело проявляться в этот мир. Не хотело, чтобы его оскверняли, превращая в слова.

Неподалёку зашуршала листва. В несколько прыжков, встав на дыбы, между ним и малышом проявилась мать, оскалив зубы и рассекая воздух когтями. Прижав уши, она медленно пятилась назад, заслоняя его своим телом.

Странник смотрел на неё с изумлением. Вместо страха он ощущал её ярость, её неуверенность и желание защитить своё дитя. Чувства пробуждались в нём, выползали из позвоночника, как щупальца, задействуя нервную сеть. Они зеркалили всё, что происходило с ней, но не с малышом: тот по-прежнему воспринимался как маленькое существо, прячущееся за матерью.

Сейчас он впервые заметил, что она отличалась. Её чёрный мех приобрёл серебристый оттенок. Вокруг глаз проступали странные узоры, когти на лапах отливали синевой. Заглянув ей в глаза, странник ощутил, как проваливается глубоко в себя. По позвоночнику пробежала волна мурашек. Те-

ло вздрогнуло, ощутив непривычную пульсацию в области копчика. Животное вздрогнуло в ответ. Странник коснулся её естества неведомым ему способом. Он ощущал её как себя — и позволял ей ощутить себя в ответ. Настроившись на чувство покоя, он разделил его.

Он дёрнулся от внезапного возвращения в тело. Волоски всё ещё стояли дыбом, кожу приятно покалывало, а мать уже тёрлась об него головой. Она вжималась, стараясь не разрывать физический контакт. Странник прикоснулся в ответ. Не было нужды в словах или мыслях. Мир воспринимался в такой обнажённой чистоте, что любые конструкции ума казались тяжеловесными и ничтожными. Они были единым целым. И всё же ощущали себя в разных телах. Он чувствовал, как шевелится мех на её макушке, как человеческие руки касаются шеи и как она ощущает то же самое в нём.

Мальши прощали особенно сильно

Мать вздрогнула и обернулась. Замешкавшись на секунду, она вновь посмотрела человеку в глаза. Ему показалось она благодарила его за что-то. Спустя мгновение она схватила малыша в зубы и скрылась в листве. Странник вновь ощутил, как бездна пробуждается изнутри, сочится сквозь белые пятна разума, заполняя пустоты воспоминаний чем-то совершенно иным.

Поднявшись, он двинулся прочь — навстречу призрачному ощущению прежнего себя. Как бабочка, решившая навесить свой кокон.

Лес ожил. Тишина уступила место непрерывному гулу тысяч голосов. Чужак больше не воспринимался как угроза. Гармония была восстановлена.

Странник шёл сквозь густые заросли, ощущая странную наполненность. Ему казалось, он дома. словно он вырос здесь или был частью этого леса. Разум перебирал калейдоскоп воспоминаний, пытаясь сложить общую картину, в которой он в то же самое время принадлежал и другому месту. Комната, что он видел в видении, женщина, улыбнувшаяся ему во сне, — это тоже был дом. Кусочки памяти никак не складывались, и оттого его личность казалась фрагментарной. словно разноцветная мозаика, которая изо всех сил стремится соединиться в единую монолитную картину.

Всё живое, что окружало его, словно хором пело одну и ту же песню. Тысячи голосов сливались в единое повторяющееся эхо. Даже растения, что не могли говорить, танцевали и вибрировали в унисон. Этот кокон из звука создавал ощу-

щение безопасности, позволяя погрузиться глубже внутрь, где пазлы воспоминаний хаотично перестраивались, пытаюсь найти идеальную комбинацию, — взламывали сознание, чтобы заявить о своём праве на него.

Насколько плотным казался кокон, настолько же оглушающей оказалась тишина. Словно воздушный шар, наткнувшийся на невидимую иглу, звуковая завеса лопнула, обнажив режущий уши покой — лес уступал место новой долине. Заросли наполнились светом, пробившимся сквозь открывшуюся брешь. Деревья застыли, словно солдаты на марше, вставшие вечным дозором на границе двух миров. Странник вышел из леса навстречу буйному ветру и запаху тысяч трав. Долина раскинулась до самых гор, что виднелись вдали. Странные корни здесь истончались так, что казались тонкими усиками, которые тянулись на десятки метров из леса, цепляясь за землю на последнем издыхании. Их сил не хватало, чтобы заявить права на это место. По крайней мере, пока.

Странник вдыхал ароматный воздух, приправленный множеством вкусов, словно специями. В памяти всплывали картины еды, людей, чувства принадлежности — миссии. Эти осколки разума казались обесцвеченными обломками некогда реальной жизни. Он ощутил усталость от бесконечных попыток разобраться в этом. Разочарование и безразли-

чие заполняли пустоты в его памяти, словно клей. То, кем он был раньше, больше не имело значения. Весь этот ментальный мусор лишь сбивал с толку. Нужно было утрамбовать его в фундамент новой идентичности, зацементировать отрёшённостью и построить нечто настоящее — то, что никто и никогда не отнимет.

Вдали он заметил дым. Несколько тонких столбов поднимались из-за пригорка. Что-то вновь шевельнулось внутри, но он подавил свои чувства. Сквозь фундамент безразличия прорастала уверенность. Что бы ни ожидало его впереди, он сможет всё переработать и использовать как субстрат для нового роста, словно бабочка, пожирающая свой кокон.

Спустившись с возвышенности, он увидел щемящую сердце картину. Возле небольшой реки, что текла сквозь долину, раскинулся лагерь. Широкая полоса передвижных куполов повторяла изгибы русла, а кое-где соединялась в узоры, там, где купола стояли по кругу. Тело дёрнулось, будто знало, куда бежать. Импульс в груди тянул ближе к людям, пробуждая тёплое, бархатное ощущение внутри.

Странник стряхнул с себя это чувство и двинулся вперёд. Воздух был так переполнен ароматами цветов, что, казалось, опьянял. Восприятие слегка искажалось по мере приближения. Долина словно расширялась, растягиваясь во все сторо-

ны, точно гибкое прозрачное панно. Лагерь при этом будто надвигался и увеличивался в размерах. Всё было одновременно и большим и маленьким. Осознание этих изменений уводило его восприятие внутрь, и ему казалось, что он то выпадает, то возвращается в реальность. Лагерь надвигался, словно череда фотографий, с каждым кадром увеличиваясь всё сильнее.

Люди начали выбегать из домов, создавая суету вокруг. Странник шёл напрямик, не обращая внимания на происходящее. Всё воспринимаемое вновь было неотличимо от сна.

Со стороны лагеря выдвинулась группа людей на байках. Пятеро человек приближались на большой скорости, скользя над ковром из трав. Они проносились в метре над землёй, оставляя за собой завихрения сорванных цветов. Странник смотрел на эту картину заворожённо. Знание, что теплилось в нём, вновь не желало облекаться в слова, но теперь он и не пытался. Ему хватало просто видеть и понимать, не создавая концепций. Сияющие машины в ауре цветочных лепестков неслись сквозь бескрайнюю долину. Зачем слова, если достаточно чистого восприятия, думал он.

По мере приближения люди начали разъезжаться в стороны. словно рыбацкая сеть, они разлетались, смыкая кольцо вокруг чужака, что осквернил их священные земли.

Они подъехали так близко, что он впервые сумел их разглядеть: лица скрывали тёмно-серые маски, светящиеся тремя парами красных глаз. Поверх простой синтетической одежды развевались шкуры с вплетёнными по краям кусочками растений. Они надвигались, словно иммунные клетки, что обнаружили инородное тело, а он — вирус, проникший в святая святых.

Странник безучастно наблюдал за происходящим, всё ещё не понимая, явь это или очередное видение. Трое из них сбросили скорость и спрыгнули на траву, мгновенно выстроившись в боевой порядок. Удерживая его на прицеле, они двинулись, словно клин из лезвий, что стремился пронзить единственную цель. Двое других кружили на байках по периферии. Они двигались как единый слаженный организм — идеальная защитная система долины.

Он не слышал их голосов, лишь странный гул, исходивший из-под масок. Трое бойцов приблизились на расстояние нескольких метров. Они молча наблюдали, всматриваясь в него сквозь прицелы. Странник двинулся прямо на них.

Раздались выстрелы

Несколько пуль пролетело рядом, вспахав землю. Гул из-

под масок нарастал — они явно кричали. Он шёл, не обращая внимания, словно они в любой момент могли раствориться, как предрассветные грёзы. Один из бойцов отбросил винтовку, извлекая пистолет с набедренной платформы, и, скомандовав что-то из-под маски, выстрелил чужаку в грудь.

Два чёрных стержня вонзились в обнажённое тело, раскрываясь, словно небольшие зонтики в момент удара. Мышцы свело судорогой, глаза закатились, и он рухнул на мягкий ковёр из тысяч полевых цветов. Разум всё ещё фиксировал происходящее, он слышал, как гул из-под масок окружает его. Они касались его, спорили, кажется, даже ругались. Он смотрел в небо над головой и радовался, что наконец-то сможет проснуться.

— *Лиам... Лиам!* — кричали они.

Звук проникал в его сознание как сквозь толщу воды. Слова тонули в угасающем разуме. Люди кричали, пытаясь привести его в чувства. За мгновение до полной потери сознания ему показалось, что он видит лицо женщины. Сняв маску, она пыталась что-то объяснить, сжимая его лицо в ладонях. Последнее, что он видел, — это отражение себя, покрытого толстым слоем грязи, в её кристально чистых изумрудных глазах и голубое небо, по которому свободно парила огромная птица.

Безмолвная тишина вновь поглотила его.

Глава 10 - Свобода

- *Сёстры* -

Эли стояла на краю утёса, наблюдая, как ярость океанских волн сталкивается с тысячелетним покоем горной породы. Древние силы, что сошлись в вечной битве. Эта мистерия происходила здесь задолго до её рождения — и будет продолжаться после. Она чувствовала себя лишь краткой вспышкой — рождение и смерть которой, вселенная даже не заметит.

В оглушительном шуме этой битвы Эли ощущала важность своего выбора и перемен, что за ним последуют. Всё шло явно не по плану. Её детские мечты и ярость сейчас врезались в непоколебимый монолит правил и устоев общества. Океан силы, прорывавшийся изнутри, загоняли в жёсткие рамки — подобно каменному руслу, которое невозможно ни подточить, ни выйти из берегов. И хотя она знала, что вода рано или поздно разрушает любые преграды, она боялась, что ей не хватит того нечеловеческого терпения и настойчивости, какие есть у стихий. Она всё же была человеком. От этого становилось невыносимо грустно. В такие минуты её спасала Мира — своими вечными глупостями и попытками равняться на неё. Эли вдруг поняла, что прошла свой путь не потому, что была сильной, и не потому, что хотела дока-

зять что-то родителям. Похоже она недооценивала, насколько вера сестры влияла на неё. И теперь, на краю известного ей мира, это ощущалось как никогда сильно: пустота внутри, что обнажала её слабое нутро, и стыд от того, что она не могла найти в себе той веры, которой думала, что обладает.

— *Это не так страшно, как вам могло бы показаться, юная Элионор,* — сказал молодой советник.

Из-за шума волн казалось, он появился из ниоткуда. Эли так погрузилась в свои мысли, что даже не сразу поняла, что он имеет в виду.

— *Океан,* — сказал советник. — *Он может быть пугающим, но, уверяю вас, нам не придётся приближаться к нему слишком близко.*

— *Я никогда не видела так много воды. Мы с сестрой не покидали столицу.*

— *Наш дом может быть впечатляющим,* — сказал советник, — *но первозданной природной силы там мало, это правда. Мы подчинили себе всё внешнее, и это отрывает нас от изначальных корней человека. Я вас прекрасно понимаю. Здесь... здесь сила по-настоящему опьяняет.*

— Но разве это не противоречие? Нас учат, что гений человека способен структурировать любой хаос и создавать порядок, нести культуру и свет. Разве это не означает, что мы должны откинуть все связи с первозданными и животными силами внутри нас?

— Что за творение без страсти? Что за борьба без ярости? Оставьте холодный прагматизм безбожным Кадарцам. Наше общество давно усвоило, что нужно использовать весь потенциал человека, в том числе и самый первобытный. Разве это не тот самый хаос, который мы должны подчинить?

— Но что, если сила этого хаоса окажется сильнее нас?

— Тогда, юная Элионор, он перемелет вас в порошок, сожжёт и, если вы позволите, возродит из этого пепла. Тот, кто способен пройти сквозь хаос своих чувств и грубых, первобытных энергий, обретает возможность использовать разум на совершенно ином уровне. Об этом не принято говорить слишком широко, но мы никогда не закрывались от подобных идей. Это естественное продолжение нашей миссии. Если мы хотим нести культуру другим народам, если верим, что свет нашей мысли может помочь людям, то почему же мы не доверяем ему осветить самые тёмные уголки собственной души? Разве это не противоречие?

— *Наверное...* — смущённо ответила Эли. — *Но, видимо, это удел Архонтов и военных — подчинять тёмные силы души ради всеобщего блага. Мой путь, похоже, будет намного проще. Я буду нести свет туда, где закончилось электричество, и наводить порядок из хаоса на нашей электростанции.*

Советник засмеялся. Затем пронзительно посмотрел ей в глаза и спросил самым обычным тоном:

— *Если бы Доминия попросила, вы бы прыгнули сейчас с этого обрыва?*

Шум волн внезапно стал оглушительно громким, словно его слова разорвали пелену, что защищала Эли от невыносимого грохота. Звук, казалось, начал восприниматься не только ушами — он проникал образами прямо в подсознание, создавая картины того, как вода с яростью крушит древние скалы.

— *Мне кажется, мы не приветствуем слепую веру. Служение должно быть осознанным — лишь тогда оно угодно обществу, ведь развивает индивидуальность и разум. Разве не в этом наша основная цель?*

Эли практически процитировала один из кодексов, которые им зачитывали с самого детства. Она смотрела на него, пытаясь разгадать, в чём заключалась проверка. Шутит ли он или ждёт особой реакции? Прошла ли она этот тест, или провалилась так, что даже электростанция ей уже не светит.

— Мудрый ответ, юная Элионор. Вы хорошо усвоили принципы. Надеюсь, вы не забудете их, когда приступите к своим обязанностям, и будете ясно осознавать важность того, чем вам предстоит заниматься. В конце концов, будущее Доминии — и в ваших руках тоже.

Эли напряжённо улыбнулась и закивала в ответ. Хотя она так и не поняла, прошла ли проверку. Советник, казалось, сделал какие-то выводы и, отвернувшись, посмотрел вдаль — туда, где вода переливалась за горизонт. Она впервые ощущала нечто настолько бесконечное, казалось, впервые задумалась о том, насколько большим является мир. Разумеется, она знала, как устроена планета, и хорошо понимала географию, но картинки и реальное ощущение — это совсем иное. Здесь даже окраины их страны казались новым миром, бесконечно отличным от всего, что она знала. Она поймала себя на мысли, что даже немного жалеет, что их общество настолько закрытое. Ей впервые захотелось путешествовать, узнавать новое о мире, а не просто быть его стражником. Это позабавило её: стоило потерять детскую мечту,

чтобы понять, что сердце всегда хотело совершенно иного. Может, это и есть взросление — непрерывная череда разочарований и новых надежд.

— *Вылетаем через полчаса,* — сказал советник. — *Будьте готовы.*

Она поклонилась и продолжила смотреть вдаль. Советник зашагал в сторону нескольких машин, стоящих неподалёку. Эли хотелось надышаться иллюзорной свободой, что ощущалась здесь: граница между прошлой жизнью и будущей, место, где у неё нет ни призвания, ни формы — ничего. Это внушало настоящий покой. Она изо всех сил пыталась запомнить эти ощущения.

Дойдя до конвоя, советник ещё раз обернулся к Эли. Кажалось, он взвешивает какие-то доводы, проводя лишь ему понятные расчёты.

— *Советник?* — спросил мужчина с оружием. — *Можем ехать?*

— *Да. Дайте ей ещё минут десять — и выезжайте за нами.*

Солдат молча кивнул и начал отдавать распоряжения по

коммуникатору.

Сев в машину, советник полностью расслабился. Казалось, он отпустил все свои тяжёлые размышления и просто существовал в этот момент. Приятное ничто — вне ответственности, вне целей и планов.

— *Вам всё ещё кажется, что это был уместный выбор?*— сказал лысый человек на переднем сиденье.

Советник, казалось, вынырнул из глубины подсознания и посмотрел на собеседника.

— *Разумеется,*— сказал советник. — *Она идеально подходит для программы: достаточно разбитая и фрагментированная внутри, с глубокой иллюзией собственной силы и идентичности. Прекрасный материал для перепрошивки.*

— *Наличие сестры не станет проблемой?*— спросил мужчина.

— *Брат мой, где же я вам найду круглую сироту да ещё и с выдающимися качествами для нашего дела,*— сказал советник. — *Она подходит ровно настолько, насколько это вообще возможно в текущих обстоятельствах. К тому же мы оба знаем, чья она дочь, так что сами понимаете. Если в*

ней те же жилы и нервы, мы сплётём из них такое полотно, что поднимем собственные стандарты.

— Я рад, что поддержал вашу кандидатуру на пост главы программы,— сказал мужчина. — Вашего юношеского задора явно не хватало в наших кругах. Кто-то должен действовать более решительно и соответствовать вызовам времени.

— Я благодарен вам, брат,— сказал советник. — И уверяю вас: нас ждёт великое будущее. Империя будет восстановлена. Попомните моё слово.

— Едем!— скомандовал он.

Советник откинулся в кресло и снова погрузился в себя.

Глава 11 - Погружение

- Лекс -

Лекс лежал в кресле, настраиваясь на ритм дыхания. Наблюдение за движением живота создавало монотонный ритм, погружая его разум всё глубже в состояние покоя. Он изо всех сил старался ощутить себя чем-то отдельным от тела.

— *Оператор готов?* — слышалось из-за спины.

— *Подтверждаю,* — ответил Лекс.

Человек с прозрачным планшетом в руке ввёл последние данные в систему и перевёл слайдер готовности на «Полное погружение». Разум Лекса заполнили вспышки, подобные молниям, каждая из которых была не больше светлячка. словно рой насекомых из света вторгся в сознание, перегружая все разумные пределы, на которые способен человек. Попытка сохранить контроль, удержать ощущение себя рухнула под напором мерцания. Наступила вязкая тишина, в которой Лекс растворился без остатка.

Невозможно было сказать, сколько времени проходило в этом состоянии. Оно не было похоже ни на что. Лекс не мог

сказать, что его не существует в этот момент, но он в то же время не воспринимал ничего из привычного набора пяти чувств. Если бы операторов держали в этой фазе дольше нескольких секунд, которые многим казались целыми эпохами, то, наверное, все они давно утратили бы разум.

Через мгновение новая реальность проявилась, словно удар молота. Лекса даже не кинули в новый мир — мир врезался в него со всей своей яркостью.

Вспышка визуального восприятия ударила в лицо, как луч прожектора. Каждое движение мысли, каждая попытка понять, что происходит, приводили к безумному вращению, словно его раскручивали на центрифуге. Он не ощущал привычного тела, не мог схватиться за что-либо, лишь понимал, что любое усилие в сознании влекло за собой неконтролируемые перемещения в пространстве. А отчаянная попытка осознать, что же он всё-таки видит, лишь усугубляла ситуацию.

— *Вспомни о дыхании. Вспомни: я существую,* — прозвучал монотонный приказ.

Голос отозвался прямо в его сознании. Лекс привычно попытался ощутить живот, нос, поток воздуха сквозь лёгкие — но тело отсутствовало. На мгновение это дестабилизировало

его ещё сильнее.

— *Я есть!* — продолжал повторять голос.

Эта мысль стала точкой опоры. Монотонный приказ, подобный мантре, успокаивал Лекса. Вращение замедлялось, а размытая картина визуального восприятия постепенно обростала деталями.

— *Я центр!* — уверенно повторил голос.

Лекс успокоился настолько, что смог остановиться. Он понимал, что видит, но не ощущал глаз. Его восприятие было похоже на конус, высвечивающий пространство. Стоило ему попытаться повернуть голову — равновесие терялось, и его начинало хаотично мотать. Поэтому он представил, что вращается не он, а мир вокруг него. Это помогло.

Он смог несколько раз сознательно развернуться по горизонтали и вертикали. Зрение стало чётким. Его окружало пустое пространство матового белого света. Не было ни верха, ни низа. Однако пространство имело мягкую текстуру, за которую разум мог зацепиться — словно за иллюзию материальности. Это давало опору.

— *Двигайся к объекту,* — прозвучал новый приказ.

Перед ним появилась красная сфера. Лишь теперь Лекс понял, что у него отсутствовали ощущения дистанции и реального движения. Новый ориентир придал глубину восприятию пространства.

Он сосредоточился на объекте и пожелал приблизиться. Попытка ощутить мышцы, оттолкнуться от земли, чтобы начать движение, привела к неконтролируемым вращениям. Не было никакой опоры и не на что было опереться. Воспоминания о теле лишь мешали в этом мире.

— *Я центр*, — прозвучал монотонный голос.

Восприятие Лекса снова стабилизировалось. Он видел объект в конусе своего зрения и старался не допускать ни одной мысли. Его единственной опорой стало ощущение, что он существует в этот момент, хотя и полностью лишён тела. Он не знал, что именно движется сквозь это матовое пространство, но ясно ощущал точку, из которой воспринимает мир. Вместо привычной опоры на себя он начал концентрироваться на объекте.

Разум нашёл опору в красноте сферы, в её округлости, в ощущении потенциального веса и плотности. Он вливался в неё, как масло в масло, единой плотной струёй. Как толь-

ко сознание полностью сосредоточилось на объекте, произошло сближение. Он не мог сказать, что приблизился: скорее, мир и сама сфера надвинулись на него и оказались прямо перед носом. Хотя носа-то у него явно не было.

— *Хорошо. Теперь отодвинься на прежнее расстояние от сферы.*

Лекс впал в ступор. Концентрируясь на объекте, он нащупал ощущение, как можно к нему приблизиться. Но как разорвать дистанцию, если ему не на что опираться сзади, а на объект сосредоточиться нельзя? Он застыл.

— *Вспомни размер объекта до сближения. Вспомни точное восприятие с прежней дистанции. Вернись из текущей точки в прошлую. Движение — это иллюзия, —* загадочно прозвучал голос.

Переключаться между воспоминаниями было легче, чем пытаться двигать несуществующим телом. Он позволил себе мягко коснуться воспоминания о прежнем ракурсе на объект, затем отметил, что всё ещё воспринимает его близко. Он начал смещать фокус с одного восприятия на другое с всё возрастающей скоростью, достигая мелькания, как у стробоскопа. Когда показалось, что воспоминания и реальное восприятие сменяются настолько часто, что начинают сливать-

ся, он ощутил: у него появилась точка выбора. Момент, когда он способен определить, какая из двух реальностей должна проявиться.

— *Хорошо. Теперь повтори это несколько раз.*

Слова его незримого наставника вызвали у Лекса шок. Он услышал их раньше, чем осознал, что снова находится на прежнем расстоянии от объекта. Всё произошло так быстро, что разум не успел обработать это. Но теперь он ясно ощущал себя на той же самой дистанции, что и прежде.

Повторить это оказалось сложнее. Возбуждение от успеха и попыток его осмыслить заполнило разум, как белый шум, не давая сосредоточиться на объекте. Потребовалось значительное время — как ему показалось, — чтобы повторить упражнение несколько раз подряд.

— *Достаточно.*

Красный шар начал покрываться яркими белыми точками. Свет прорывался сквозь поверхность. Мощная вспышка ослепила несуществующие глаза и погрузила разум в черноту, в безвременье загрузочного режима.

Первым вернулось ощущение движения живота. Тело

медленно дышало в кресле. Глаза пытались сфокусироваться на пространстве, ища привычную опору.

— *Неплохо для первого раза,* — сказал человек с планшетом. — *Ты не такой дёрганный, как другие новички, но твоя склонность к состоянию поглощения будет мешать на первых этапах. Хотя... если по-настоящему освоишься, это станет твоей силой.*

— *Я думал, первый сеанс будет дольше,* — с досадой произнёс Лекс.

— *Потому что ты не осознаёшь уровень стресса, который ты испытывал там. Если бы я продержал тебя на час дольше, ты приходил бы в себя несколько дней,* — ответил человек.

— *На час дольше?! Я же провёл в симуляции не больше десяти минут!*

— *Два часа, восемнадцать минут и одиннадцать секунд. Ни больше, ни меньше,* — усмехнулся ассистент.

Лекс посмотрел на него с изумлением ребёнка. Его выражение лица было настолько растерянным, что ассистент не выдержал и рассмеялся.

— *Не переживай, искажения во времени пройдут,* — сказал он. — *К тому же симуляция и реальное управление роем — разные вещи. Не думай, что в этом мире всё будет так же.*

— *Свободен!* — скомандовал ассистент.

Лекс привычно ударил кулаком в грудь в знак послушания. Выйдя из помещения, он замер, прикрыл глаза и попытался вспомнить достигнутое состояние: проскользнуть между восприятием симуляции и реальностью, закрепитесь в осознании чувства простого существования, которое присутствовало в обоих мирах.

Чем сильнее он старался, тем хуже получалось. Уже через несколько минут воспоминание стало напоминать полузабытый сон. Он помнил все детали, мог бы написать подробный отчёт, но ощущения окончательно истончились. Лекс растёр лицо и сел на корточки. Ему казалось, что он что-то упускает.

В конце коридора слышались шаги. Он резко поднялся и поправил форму, сделал глубокий вдох и с невозмутимостью двинулся прочь от операторской. Лекс двигался так, как учили: смотрел прямо перед собой, наблюдал за телом, осво-

бождал ум от ненужных мыслей. Дыхание привычно синхронизировалось с шагами, а сознание становилось яснее.

Из-за поворота появилась фигура в чёрной униформе. Лекс старался не смотреть на неё, почтительно опустив глаза, и двигался вперёд, выполняя базовые установки ходьбы.

Из-за спины человека выплыли девять матовых серых сфер. Лекс не удержался и заворожённо проследил за их полётом, сбив ритм своих шагов. Человек в чёрном взглянул прямо на него.

— *Виноват!* — Лекс резко поклонился. — *Мой ум рассеян, магистр!*

Мужчина внимательно смотрел на него. Вокруг тела грациозно вращались девять идеальных металлических сфер.

— *Первое погружение?* — спросил он.

— *Да, магистр!* — Лекс отвечал так быстро, как только мог.

— *Получилось удержать ощущения после выхода?*

— *Нет... магистр,* — Лексу хотелось отвечать уверенно,

но досада сквозила между строк.

— *Магистр Кейден*, — тихо произнёс он.

Лекс поклонился ещё глубже. Магистр прошёл мимо, и несколько сфер пролетели прямо перед его глазами. Он заврожённо следил за ним, пока тот не скрылся в операторской.

Он тряхнул головой и двинулся прочь. Все внутренние настройки посыпались от переполнявшего его возбуждения. Впервые он оказался так близко к магистру девятого ранга. Мастер-оператор во плоти. Живое воплощение того, кем он может стать.

Нет! Кем он должен стать!

Глава 12 - Уличный закон

- Путник -

Солнце освещало улицы Свободного города. Те бедолаги, что были вынуждены работать при свете дня, двигались медленно, стараясь никуда не спешить. Улицы не были плотно загружены, и потому дышалось свободнее. Казалось, можно разделить обитателей на ночных и дневных, но на самом деле многие просто предпочитали иллюзию безопасности, которая держалась до первых сумерек. Ночь была слишком динамичной для большинства тех, кто не имел нужной силы и дерзости.

Иллюзия при этом была не такой уж прочной. Кому-то всегда казалось, что пока все хищники спят, можно успеть провернуть выгодную сделку с минимальным риском. Как говорится, умные мысли никогда не приходят в голову лишь одному.

В дешёвой забегаловке возле рыночной площади обосновались четверо парней. Они громко шутили, флиртовали с официантками и вели себя настолько нормально, насколько это вообще было возможно. Пожалуй, слишком нормально — чтобы не привлечь внимание тех, кто знал, куда смотреть.

Один из них непрерывно дёргал ногой под столом, каждые пару минут поправляя небольшую чёрную сумку, висящую на стуле. Он маленькими глотками цедил газировку, явно растягивая время.

Звон разбитого стекла разлетелся по улице.

Парень с сумкой прижал её ближе к телу и резко развернулся, накладывая руку на спрятанный пистолет. Остальные сжались, как пружины, осматриваясь по сторонам. Через секунду они поняли, что кто-то сбросил обычный стакан с верхних этажей, и, ругаясь себе под нос, уселись обратно.

— *Любители*, — усмехнулась Уна.

Она стояла на противоположной стороне от забегаловки и с наслаждением поглощала яблоко, громко чавкая на всю улицу. Незаметным движением она завела руку за спину и показала большой палец в знак одобрения. На верхних этажах застучали чьи-то ножки по лестнице.

К заведению подъехали два байка — классические городские модели без левитации, на усиленных колёсах. Лучшее транспортное средство для курьера в этом городе. Уна насторожилась: что-то смущало её в том, как они двигались.

Они спрыгнули с мотоциклов и, не снимая шлемов, прошли вглубь заведения, о чём-то спрашивая бармена. Четверо парней начали изображать нормальность ещё более наигранно.

Уна попыталась откусить как можно больше от яблока, набивая щёки, и с сожалением выкинула огрызок в переулок. Она двинулась через площадь к ближайшим торговцам и, присев на скамейку, начала просматривать окружение.

Кивнув бармену, двое людей направились к выходу. Тот, что шёл позади, осторожно подцепил со стула сумку, намазывая её на руку. Четверо парней с облегчением выдохнули. Заулыбавшись, один из них поманил официантку и подмигнул остальным. Похоже, теперь они были готовы что-то отпраздновать.

Курьеры вышли из кафе и, остановившись на мгновение, осмотрели площадь. Тот, что держал сумку, подошёл вплотную ко второму, прижался всем телом, будто хотел обнять. Через мгновение он отступил в сторону — и теперь у них в руках было две одинаковые сумки. Они кивнули друг другу и запрыгнули на байки.

Уна наблюдала за происходящим с открытым ртом: казалось, в её голове одновременно протекали тысячи процес-

сов, но лицо просто застыло в недоумении. Она нервно выдохнула и, не раздумывая, швырнула через лоток торговца шумовую гранату.

Раздался взрыв

Все на площади забились под продуктовые лавки. Один из торговцев, наливавший в этот момент масло, от неожиданности уронил канистру, и весь лоток вспыхнул, добавив хаоса и отвлекая на себя внимание. Курьеров, похоже, защитили шлемы. Они пришли в себя быстрее остальных и, перекинув сумки через плечо, начали заводить байки.

Ещё одна граната упала прямо перед ними.

Резкий хлопок разлетелся по площади, создавая фиолетовое облако вокруг байков. Мотор взревел, набирая обороты, и в тот же миг граната активировалась повторно. Вокруг неё возникло шипящее свечение, несколько разрядов вырвались наружу, запустив цепную реакцию сквозь облако. Оба курьера рухнули, не успев выехать из дымовой завесы: вся электроника разом отказала.

В суете, под прикрытием дыма, Уна ловко перескочила через ограждения и подбежала к ним. Курьеры поднимались, прижимая сумку к телу одной рукой. Один из них заметил её

и потянулся за оружием. Уна подпрыгнула и всем весом рухнула на шлем ближайшего, перекатилась и ударила нейтронизатором второго. Его тело дёрнулось от разряда, и он потерял сознание. Она попыталась сорвать с него сумку, но судорога свела руки так, что они мешали. Уна выхватила нож, срезала ремень и развернулась к другому. Тот лежал неподвижно, не подавая признаков жизни.

Решив не рисковать, она выпустила в него остаток заряда, сорвала сумку и рванула сквозь мечущихся прохожих в ближайший переулок. Четверо парней только сейчас преодолели ступор и вывалились наружу. Они демонстративно вытащили оружие, с опаской озираясь по сторонам. Курьеры приходили в себя, а облако наконец начало оседать.

— *Какого чёрта произошло?!—* заорал один из парней.

— *Быстрее, помогите!—* выкрикнул другой. — *Надо их поднять!*

Они усадили курьеров на стулья и замерли, уставившись на них в ожидании. Те, похоже, уже пришли в себя. Шлем одного был повреждён, но тёмное стекло по-прежнему скрывало лицо. Курьеры сидели неподвижно, словно всё ещё находились в ступоре от произошедшего.

— Ну, приходите уже в себя, — не выдержал один из парней. — Что будем делать? Это, по-любому, ваш косяк — мы сумку передали. Вам теперь это разгребать.

Другие парни закивали ему в ответ.

Курьеры переглянулись и странно наклонили головы, будто заметили что-то за спинами парней. Те резко обернулись, направив оружие на бедного бармена, который трясся за стойкой. Но там не оказалось ничего опасного.

Раздались выстрелы.

Мозги тех, кто стоял ближе к курьерам, брызнули на стоящих сзади. Смесь плоти, костей и обломков имплантов рассекала их ошеломлённые лица. Руки инстинктивно тянулись прикрыть глаза, но новая серия выстрелов добила оставшихся. Курьеры уложили всех четверых и теперь смотрели сквозь тёмные шлемы на бармена, который, похоже, уже попрощался с жизнью. Один из курьеров приложил два пальца к шлему и игриво отдал честь. Они стукнулись кулаками в немом согласии, вскочили на байки и умчались в разные стороны.

Полиция добралась до места преступления лишь сейчас. В Свободном городе копы никогда не спешили: уж лучше

упаковывать трупы, чем оказаться посреди перестрелки. Эти улицы жили по своим законам, и никто не хотел умирать ради мнимого порядка.

Городские тоннели ассоциировались у людей с тишиной и изоляцией. Среди местных ходило немало легенд, и почти все они были полнейшей чушью. Уна знала их истинное лицо. В кажущейся тишине подземных коммуникаций тоннели по-настоящему дышали. Здесь всегда слышался какой-то шорох, а металл еле уловимо стонал от своей древности. Стоило провести в них несколько дней в уединении — и люди начинали слышать голоса в голове. Это место было не просто старым, оно помнило тысячи смертей, случившихся и на поверхности, и под землёй. Даже Уна, далёкая от истории, знала: этот город уничтожался минимум дважды, прежде чем стал частью Нексуса. Древнее кладбище, древнее всего, что она могла себе представить.

Она ориентировалась в брюхе этого подземного червя лучше, чем кто бы то ни было. Ей казалось, что она иммунна к его старой магии и скрытым тайнам. За все годы, проведённые здесь, ничто по-настоящему страшное ей не встретилось. Если, конечно, не считать нескольких лет, проведённых с Ковчегом. От этих фанатиков её пробирал холод, и

она никогда не совалась в те участки подземки, которые они считали своими.

Уна сидела в одной из технических комнат при свете грибной свечи. Как бы плохо она ни думала о сектантах, в одном они были хороши: умели придумывать гениальные вещи на основе мицелия. Половина жителей окраин покупала у них свечи и простые продукты. Удивительные люди — сумели оказаться настолько нужными, что все мирилось с их странными взглядами.

Она вытащила из-под куртки две небольшие сумки и принялась аккуратно разворачивать. Первая оказалась набита мелкими камнями и какими-то бумажками. Уна улыбнулась, оценив хитрый ход курьеров. Они почти успели уйти... почти. Развернув вторую, она высыпала десяток камней аксонита, каждый — с грецкий орех. Огранка была почти идеальной; чистоту цвета и количество волокон внутри сложно было рассмотреть в тусклом мерцании свечи, но она понимала, что этот мешочек стоит целое состояние.

В голове ураганом закружились мысли. Почему ей позволили взять это задание? Какого чёрта Майлз отправил её одну, если знал, какой куш на кону? Что-то не сходилось. Уна задула свечу и решила не задерживаться. Она спрятала камни в одном из тайников и поспешила через тоннели ближе к

окраинам, где её точно не станут искать.

Спустя пару часов она вынырнула в одном из переулков. Всё ещё стараясь двигаться незаметно, Уна пробиралась сквозь самые грязные и заваленные старым техническим мусором зоны. Здесь редко можно было встретить патруль или даже представителей банд — настоящие трущобы, куда не многие решались заходить. Ни добычи, ни возможностей. Воздух был пропитан тихим отчаянием. Но для неё это место стало вторым домом после тоннелей. Здесь она была невидимкой: видела всё, что происходило в городе, но никто не знал, куда она исчезает, когда приходит время.

Офис Майлза располагался на границе этих районов — там, где начиналась реальная городская жизнь, но дыхание окраин всё ещё тянулось за спиной, подобно дымке, давая шанс скрыться от слишком любопытных глаз. Вход находился на последнем этаже пятиэтажного здания. Всё, что было ниже, сдавалось простым работягам и фактически служило живым щитом в случае опасности. По крышам расходились несколько перекидных мостов, открывающих сразу три пути отхода. Майлз всегда казался ей слишком умным, чтобы по-прежнему сидеть на границе трущоб. Он давно мог бы выйти в следующую лигу, но почему-то продолжал вести дела на своём уровне. С ним, впрочем, было сложно понять: видишь ли ты всю картину или лишь то, что он сам позволяет. Она

не боялась его, но недооценивать было бы глупо. Поэтому всегда относилась к нему с осторожностью. Если он послал её одну, значит, у него был план. И ей не нравилось быть пешкой в игре, правил которой она не понимала.

Активность вокруг дома казалась обычной: ни усиленной охраны, ни суеты — привычная городская тягомотина для этого времени дня. Уна переводила взгляд с главного входа на крышу и обратно. Здание было напичкано системами слежения, и попасть внутрь незамеченной было практически невозможно. Она выбрала путь наименьшего сопротивления: если и был шанс, то лишь в том, чтобы добраться до него быстрее, чем прибежит охрана с нижних этажей. Перевравшись на крышу, она вновь осмотрелась.

— Да к чёрту тебя, Майлз. Я тоже могу играть в эти игры.

Она решила пойти ва-банк. С соседнего здания метнула сразу две шумовые гранаты вниз, к основному входу. Как только раздались хлопки, она сломя голову понеслась по мосткам, что соединяли крыши, в надежде, что нескольких секунд отвлечения хватит, чтобы никто не обратил внимания на мигающие камеры.

На полном ходу, спрыгивая с мостика, она приземлилась

на балкон и влезла через окно в соседнее помещение. От Майлза её отделяли всего две квартиры, которые он использовал как склад. Оказавшись внутри, она замерла, вслушиваясь в звуки улицы. Снаружи доносились крики и отборный мат — охрана явно высыпала из здания, чтобы оцепить периметр. Она ждала, что двери в её комнату выбьют в любой момент, но ничего не происходило.

Уна передвигалась ползком по полу, стараясь не создавать даже малейшего шума. Камер здесь не было — это было единственное, что она помнила из той небольшой экскурсии, когда он показывал ей свои апартаменты. Он контролировал всё вокруг, но своё пространство хотел держать приватным. Хотя, может, он и врал: ей сразу показалось, что он пригрел её как исполнителя не потому, что она дерзкая и способная, а потому, что был падок на молодых девочек.

Осмотревшись, она заметила ящики с краденой техникой, несколько единиц оружия, коробку облачных гранат и десяток канистр с топливом. Ничего по-настоящему ценного — скорее расходники, чем настоящий склад с добычей. Уна подползла к двери и начала вслушиваться в коридор. Шум с нижних этажей еле заметно доносился, но здесь всё было спокойно: никто не отдавал приказов, не щёлкал оружием. Лишь обычная рабочая тишина, смешанная с гулом вентиляции и редкими звуками, залетающими в окно.

Она закрыла глаза, глубоко вдохнула, задержав дыхание и медленно выдохнула. Ум привычно успокоился, и сознание перешло на другую частоту. Пара ценных приёмов, что ей всё же удалось усвоить у сектантов, прежде чем она сбежала. Она сняла обувь, убрала её в рюкзак за спиной и плавным движением приоткрыла дверь. Коридор оставался пуст.

Уна рванула к двери в главный офис, которую он всегда оставлял открытой. Не любил чувствовать себя запертым, и это был её шанс. Разум отключился от привычного хода мыслей: решения вспыхивали мгновенно, выстреливая из подсознания. По телу пробегали волны мурашек и боевого азарта. Уна не понимала, как именно это происходит, но знала: в таком состоянии она способна мыслить и действовать на запредельной скорости. Инстинкты вели её, как дикого зверя, сквозь любые опасности.

Она запрыгнула в комнату и застала Майлза сидящим в кресле. Он был погружён в себя, просматривая данные на внутреннем экране. Полуприкрытые глаза подрагивали, пока сознание обрабатывало всплывающие в мозгу картинки. Уна в очередной раз порадовалась, что не имела никаких имплантов. Нельзя сказать, что ей передалось пренебрежение сектантов, но для неё это всегда выглядело скорее слабостью, чем силой.

Она в несколько бесшумных шагов подскочила к нему и, достав нейтрализатор, аккуратно коснулась его шеи.

— *Ты же не станешь кричать?*— прошептала она.

Его глаза резко дёрнулись, и он вынырнул из транса. Смотрел прямо перед собой, ощущая теплоту её рук и холод металла на своей шее.

— *Нам бы поговорить,*— шептала она.

— *Полагаю, у тебя есть веская причина так врываться,*— спокойно ответил Майлз.

— *Ага. С десяток причин в маленьком мешочке, которые стоят столько, что за мою голову уже должны объявить награду.*

— *Уже слышал о твоих подвигах. Хорошая работа.*

— *Не валяй дурака. Мы оба знаем, что ты бы никогда не послал меня одну на такой куш. Решил меня слить? Проверить чужую защиту расходной шейкой?*

Майлз сохранял спокойствие и даже несколько раз попы-

тался развернуть к ней голову, но она жёстко пресекла это. Уна сама не понимала, чего хочет добиться. В очередной раз она прыгнула выше головы и доказала себе, что способна подобраться к кому угодно. Но теперь, слушая его мягкую речь, сомнения скреблись в её голове. Чего она на самом деле хотела от него? Чтобы он убедил её в обратном? Или же она и вправду готова перечеркнуть всю свою жизнь и снова уйти в бега? Иногда она ненавидела свою импульсивность.

— *Насколько помню, я сообщил тебе точное число курьеров, их средства передвижения и дал нужные гранаты, чтобы обезвредить. Ты сделала всё в точности. Мои данные оказались верны. Разве нет?*

— *Майлз, я знаю: ты хочешь залезть мне в штаны, и, наверное, в твоей голове есть даже какая-то романтическая картинка нашего совместного будущего. Но я никогда не стану важнее твоей первой и настоящей любви — денег. За этот мешочек ты меня собакам скормишь.*

— *Ты удивительное создание, Уна: такая умная и такая непробиваемо тупая порой. Ты всё равно принесла бы его мне. Ты даже не сможешь нормально продать эти камни. Как только попытаешься — вот тогда на тебя начнётся охота. А у старины Майлза покупатели на них были ещё до того, как ты узнала про это задание. Тебе надо было про-*

сто принести камни и получить свою долю, как обычно.

— Почему я? Почему не послать пять—шесть человек, чтобы они просто перебили курьеров и всё?

— Перебить они бы смогли, а вот уйти незаметно — нет. Один человек, хорошо знающий тоннели, может уйти так, как не уйдёт никакая группа. Я был уверен, что тебя не поймут, даже если ты не справишься бы с курьерами. А вот любые наёмники сдали бы меня сразу, лишь бы спасти свою шкуру. Так что скажи мне: я тебя подставляю или проявляю доверие, рискуя собой?

Уна колебалась. Её рука чуть ослабила хватку, нейтратизатор уже не так плотно упирался в шею. Она отвлеклась на свои мысли, пытаясь понять, что делать и как выйти из этой ситуации.

Майлз оттолкнулся ногой от стола, закрутив кресло так, что подлокотник ударил ей в бедро. Она начала терять равновесие, и он схватил её, как паук, оплетающий беззаботную муху. Он никогда не казался ей опытным бойцом и даже не имел атлетического телосложения. Но сейчас она впервые ощутила силу, скрытую в его жилистом теле. Одним движением он сумел сковать руки и ноги, зажав в неизвестном ей захвате. Нейтратизатор выпал из передавленной кисти, и

Майлз подтянул её к себе. Проведя носом по шее, он глубоко вдохнул её аромат. Левая рука аккуратно, но крепко лежала на горле, давая почувствовать, насколько хрупким было её тело. Другая фиксировала руки в болевом приёме. Уна замолчала, стараясь не издавать ни звука. Она всё-таки недооценила его.

— *Ты права, деньги всегда были моей первой любовью,* — прошептал он. — *И я никогда не стану им изменять.*

Уна напряжённо сглотнула.

— *Но так уж сложилось, что у меня по-настоящему большое сердце, и там оказалось место ещё для одного человека. Сам себе удивляюсь. Наверное, я тоже, при всём своём уме, могу быть непроходимо тупым. Прямо идеальная пара.*

Уна молчала. Каждая секунда его болтовни давала ей шанс придумать, как вырваться. Но хватка была настолько сильной, что она боялась даже пошевелиться. Казалось, он мог в любой момент сломать её, как хрустальную игрушку.

Внезапно он ослабил хватку на горле и изменил угол, под которым держал руки, демонстративно показывая ладони, которые больше не касались её тела. Майлз всё ещё вдыхал её запах, едва касаясь кончиком носа, ощущая, как кожа Уны

покрывалась мурашками от его близости. Она колебалась лишь несколько мгновений, которые показались вечностью. Мозг кричал, чтобы она рванула к двери и бежала сломя голову из этой ловушки, но инстинкты заставляли двигаться осторожно, будто она шла по тонкому льду.

Очень медленно Уна поднялась, готовая броситься к выходу или впиться зубами ему в горло — лишь бы выжить. Развернувшись, она попыталась найти взглядом нейтрализатор, но Майлз демонстративно пододвинул его ногой к себе. Он улыбался, искренне глядя ей в глаза, будто ничего не произошло. Но даже сквозь эту улыбку она ощущала — насколько он может быть опасен. Ей не хотелось верить, что у него действительно есть чувства. Проще было считать, что она всё ещё полезна. Тем более камни оставались у неё.

— *Спишем это на стресс после удачного задания,* — сказал он. — *Ты же это не всерьёз? Просто хотела убедиться, что я всё ещё на твоей стороне. Так?*

Уна нервно кивнула, изобразив кривую улыбку. Она всё ещё не понимала, бежать ей или пытаться заговорить ему зубы. Тело и разум посылали совершенно противоположные сигналы.

— *Ты мог бы сказать мне, что было на кону,* — произнес-

ла она. — Тогда между нами не возникло бы этого... недопонимания.

— Так вот как ты это называешь. Недопонимание... — усмехнулся он.

— Если бы я знала больше, то, может, выбрала бы другую тактику. Была бы осторожнее. Чёрт, я даже лицо не закрывала — думала, это обычная работа.

— Ты со мной уже сколько? Года два? Милая, тебе не надо думать. Ты добиваешься удивительных результатов, когда не нагружаешь свою красивую голову. Ты человек инстинктов: действуешь, а потом задаёшь вопросы. Чёрт... Да ты посмотри, что ты сегодня устроила. Разве это не лучший пример того, почему ты для меня полезна?

— Мы могли снизить риски. Если я засветилась — меня будут искать. Ты не настолько тупой, чтобы рисковать собой. Что я упускаю?

— Камеры были отключены ещё до того, как подъехали курьеры. По всей площади, девочка. Ты была в слепой зоне от начала и до конца. Я бы не стал рисковать тобой... даже ради десятка аксонитов. Считай меня сентиментальным, но ты мне правда нравишься.

Майлз поднял с пола нейтрализатор и протянул ей.

— *Полагаю, тебе пора отправляться,* — спокойно произнёс он.

— *Куда?* — опешила Уна.

— *Ну вряд ли ты принесла камни с собой, поэтому, тебе стоит поспешить. Мне нужен груз до вечера. Справишься?*

Уна молча кивнула.

— *Отлично. И ещё кое-что. Заходи в следующий раз через парадный вход. Не разочаровывай меня. Ты правда думала, что я не просматриваю все соседние здания?*

— *Была такая мысль.*

— *С тебя две гранаты, которые ты так бездумно потратила. Не пугай большие мою охрану — у них чувствительные нервы. Не то, что у нас с тобой. Жду тебя вечером с камнями.*

Уна осторожно вышла из комнаты. Сердце колотилось, а ум предательски пытался найти всему объяснение. Часть со-

знания хотела поверить Майлзу — в конце концов, он был единственным, кто доверял ей и оставался рядом последние пару лет. Но что-то внутри неприятно копошилось в его присутствии, и она никак не могла расслабиться.

Страхнув с себя навязчивые мысли, она вновь переключилась в режим действий. На бегу натягивая ботинки, Уна мчалась сквозь лестничные пролёты. Охрана всё ещё нервно дежурила на первых этажах и с недоумением провожала её взглядом, не понимая, откуда она взялась. Она лишь ехидно улыбнулась и выскочила на улицу.

Майлз снова погрузился в себя. Его прикрытые глаза вздрагивали от образов, вспыхивающих в сознании. Внутреннее пространство наполняло свечение зашифрованного чата:

Городская крыса

«Извлечение прошло успешно. Товар будет готов к отгрузке вечером.»

Тот, кто шепчет

«Покупатель ждёт. Сбросьте груз в условленном месте. Деньги получите как обычно.»

Городская крыса

«Вы уверены, что мой человек не засветился?»

Тот, кто шепчет

«На данный момент всё тихо. Если появятся признаки — я сообщу.»

конец сессии

Майлз открыл глаза и задумчиво посмотрел в окно.

— *Надеюсь, ты была осторожна, девочка,* — пробормотал он. — *Не хотелось бы с тобой расставаться.*

Уна прошмыгнула обратно в глухой переулок и растворилась в тишине тоннелей. Путник наблюдал с другого конца улицы, сидя в окружении мусора и испарений. Рядом слышались шаги. Мужчина в дорогом сюртуке подошёл к нему сзади и задумчиво произнёс:

— *Я же говорил: этот момент наступит. Это было неизбежно. Ты снова сделаешь ту же ошибку, мой друг.*

— *Путь выбрал её. Были знаки,* — отрешённо сказал Путник.

— *Я тысячу раз тебе повторял: есть только твоя во-*

ля, и она имеет свою цену. Убеждай себя сколько хочешь, но никакой Путь тебя не ведёт, и тебе придётся платить за свои действия. Время на моей стороне. Я подожду.

Путник обернулся, чтобы встретиться с ним взглядом, но человека уже не было. Он поёжился. Закрыв глаза, он попытался успокоиться и прошептал себе под нос:

— Нет Путника — лишь Путь. Нет воли — лишь служение. Всего лишь инструмент...

Он открыл глаза и скрылся в глубине тоннеля.

Глава 13 - Лиам

- *Голос* -

Отовсюду доносились приглушённые звуки. Словно насекомые, они подползали всё ближе, стремясь забраться в уши, проникнуть в мозг, чтобы вырвать его из блаженного небытия. Чёткость, с которой они звучали, неприятно нарастала.

Сквозь прикрытые веки пробивался мягкий утренний свет, рассеиваясь радужными узорами на ресницах. Он ощущал, что наконец-то проснулся. Тяжесть ночных видений, казалось, осталась где-то позади, в дальних уголках его подсознания.

— *Лиам!* — слышалось сбоку.

Женщина спрыгнула с кресла и подбежала к нему. Её изумрудные глаза блестели от слёз, что каплями срывались на его иссохшие губы. Он попытался облизнуть их, желая преодолеть неприятное чувство во рту, и все ощущения тела вспыхнули в сознании, подобно фейерверку. Глухая ноющая боль, что разливалась в груди, давила на сердце. Мышцы, будто прорастая острыми шипами, жалили при каждом движении. Теперь он точно понимал, что не спит. Агония реальности была слишком настоящей для ночного кошмара.

— *Анна! Анна!* —закричала женщина.

В помещение вбежала девушка в белом защитном костюме, за ней — двое мужчин. Они прижали его дрожащее от боли тело к кровати и зафиксировали голову. Он не пытался вырываться, но тело горело, как в огне, его непроизвольно трясло, и разум ощущал, будто он заперт в клетке из плоти, что вот-вот развалится на части.

— *Анна, пожалуйста!* —взмолилась женщина.

Девушка вколола ему что-то в плечо и начала просвечивать глаза. Она меняла разные типы света, пытаясь разглядеть нечто в глубине. Боль начала стихать, и тело постепенно расслабилось.

— *Что с ним?* —не унималась женщина. — *Ему станет лучше?!*

— *Я знаю не больше твоего,* —сухо ответила девушка. — *Но я не думаю, что тебе стоит с ним оставаться.*

— *Я не оставлю его!* —запротестовала она. — *Я не могу потерять его снова.*

Девушка задумчиво посмотрела на неё. Затем кивнула двум своим коллегам, и они молча вышли из помещения.

— *Мам, подойди, пожалуйста,* — сказала девушка.

Она включила ультрафиолетовый свет и пальцем начала двигать кожу вокруг его глаз. В синем свете лампы ярко проступили светящиеся прожилки, образовавшие паутину из линий. Они расходились, словно ветвящаяся татуировка, постепенно бледнея к вискам. Она подняла его руку и показала тот же рисунок, исходящий от ногтей. Даже шея была покрыта ветвящимися узорами.

— *Я... я не понимаю, Анна,* — растерялась женщина.

— *Его не было три месяца,* — ответила она. — *Он должен был погибнуть в Зоне, но, как видишь, не погиб. И теперь его лимфатическая система пропитана бог знает чем. Если это заражение, то я, возможно, ещё успею тебя отсюда вытащить. Я не уверена, что это может быстро распространяться, но я не стану рисковать, если ты решишь остаться с ним дольше. Безопасность лагеря важнее.*

— *Я не оставлю его,* — холодно ответила женщина.

Девушка глубоко вздохнула и задумчиво посмотрела на

мать. В её глазах читалась обречённость, с которой доктор мог бы смотреть на пациента, которому должен сообщить смертельный диагноз. Она колебалась.

— *Всё в порядке,* — сказала женщина. — *Я правда хочу быть здесь. Я понимаю, что ты говоришь, но это мой выбор.*

Анна тряхнула головой и резко встала. Её дёрганные движения выдавали раздражение от бессилия — она понимала, что не сможет её переубедить. Это чувство высасывало её изнутри.

— *Держи!*— она передала ей пузырёк с таблетками. — *Принимай по одной каждые два часа. Если почувствуешь слабость, боль, дезориентацию или любые искажения восприятия — сразу зови меня. Охрана будет дежурить непрерывно.*

— *А как же Лиам?*— растерянno спросила она.

— *Проспит ещё часа четыре, не меньше. Я вернусь к этому времени. Но, пожалуйста, постарайся не прикасаться к нему. Я не знаю, что это!*

Женщина кивнула.

Анна выскочила из купола, словно не желая проводить там ни одной лишней секунды. Пройдя автоматическую очистку, она сняла костюм и вышла на улицу. Она дышала так глубоко, будто провела годы в затхлой пещере и лишь теперь ощутила вкус свежего, сочного воздуха.

— *Ты же понимаешь, что это означает для нас?*— произнёс мужчина, сидящий у входа.

Анна смотрела на него, уперев руки в колени. Ей казалось, что её сейчас стошнит.

— *Первый человек, выживший в глубине Зоны,*— продолжал он. — *Первый, кто смог вернуться. И, похоже, первый, кто несёт на себе её отпечаток.*

Он смотрел на неё холодными глазами, стараясь тщательно подбирать слова. Казалось, он обращался к рациональной части её разума — той, что тонула в бушующем море человеческих эмоций.

— *И что?!*— жёстко ответила она. — *Предлагаешь провести вивисекцию? Вскрыть его, как жабу, чтобы понять, как Зона его изменила?*

— Анна... Анна,— разочарованно произнёс он. — Ты всегда была моей лучшей ученицей. Но твои эмоции мешают видеть более широкую картину. Всегда мешали.

— Сейчас, видимо, будет какая-то мудрость?— раздражённо съязвила она.

— Мы должны дать прорасти тому, что внутри,— спокойно ответил он. — Если он и правда несёт в себе образец Зоны, то этот образец важнее субстрата, на котором ему суждено расти.

— Там моя мать!— она почти перешла на крик. — Ты и её предлагаешь закатать в фундамент науки?

— Сара всегда была слишком упрямой, чтобы слушать меня или тебя,— продолжал напирать он. — Она сделала свой выбор. А теперь мы должны сделать свой. Мы впервые можем продвинуться к нашей главной цели. Сотня лет прошла, а мы так и не поняли природу Зоны. Превратились в какой-то цыганский табор с красивыми лабораториями. Но теперь у нас есть шанс. Так что стряхни с себя эту сентиментальную чушь и вспомни, чему тебя учили.

Анна смотрела на него со смесью злобы и разочарования. Она хотела спорить, вклеить пощёчину, доказать, что люди

важнее, — но не смогла. Из бушующего моря эмоций уже поднимался знакомый айсберг рациональности. Она хотела возненавидеть себя в эту секунду, но даже это не получилось. Что бы ни говорила мать, Анна всегда знала, что холодная чёрная дыра научного прагматизма досталась ей от отца. Эта ненасытная бездна была куда глубже любых эмоций. Как бы она ни боролась, как бы ни поддавалась их влиянию, — эта бездна в итоге поглотит всё и примет единственно правильное решение. Миссия важнее всего.

Её дар и её проклятие — доставшееся от отца, закалённое за годы учёбы, — подарок от этого ублюдка, сидящего перед ней, которого она ненавидела всем сердцем и боготворила в работе.

Жаль, что нельзя просто хирургически удалить свои эмоции. Она бы сделала это не задумываясь.

Сара сидела у изголовья кровати, положив голову рядом с Лиамом. Она бережно поглаживала его, то и дело запуская пальцы в густые волосы. Каждая минута, проведённая рядом, открывала в ней забытые грани, которые, как ей казалось, она утратила десятилетия назад. Сейчас она была просто маленькой девочкой, что присматривает за старшим бра-

том. Так просто, так нежно и так приятно, что не требовалось ничего больше. Её ответственность как солдата, как одной из старейшин — всё это рассеялось, словно страшный сон. Жизнь стала абсолютно простой, настоящей и не требовала ничего взамен. Рядом с ним она могла быть собой. Потребовалось потерять брата, чтобы вспомнить, что она действительно хотела от жизни, когда была маленькой.

Лиам вздрогнул. Казалось, он приходит в себя, но глаза оставались закрытыми. Сара бросилась к двери и начала изо всех сил нажимать кнопку вызова, снова и снова. Даже страх сейчас казался иным. Она переживала, как в детстве, когда его укусила змея, и она не могла докричаться до взрослых, колотя во все попадавшиеся двери, чтобы позвать на помощь. Странное чувство... Она правда боялась за него, страх был реальным, но так приятно было погружаться в него, осознавая себя просто девочкой, что ищет поддержки.

В комнату вбежала Анна в защитном костюме, за ней следовали двое мужчин. Зафиксировав его руки и плечи, они встали в ожидании новых команд. Анна осторожно сняла покрывало и снова начала просвечивать тело. На этот раз она вглядывалась в каждую прожилку и вену, изучая каждый участок.

— Он сказал что-нибудь?

— *Нет, но, похоже, он приходит в себя,* — ответила Сара.

Анна остановилась и задумчиво посмотрела на мать.

— *Мне нужно осмотреть и тебя тоже,* — отстранённо произнесла она. — *Снимай куртку.*

Сара не спорила, приятное ощущение, что можно просто подчиняться, наполняло её. В присутствии брата она могла отпустить всю ответственность, что легла на неё после его исчезновения. Возможно, она снова сможет быть просто солдатом, просто сестрой, просто женщиной.

Анна внимательно осмотрела её глаза и область вокруг. Она прощупывала пальцами каждый миллиметр подмышек и шеи. Ей казалось, что она даже причиняет маме боль, но Сара не дрогнула, лишь сидела и безмятежно смотрела на брата.

— *Нам нужно привести его в чувство,* — сказала Анна. — *Я не хочу терять время. Мне надо понять, что произошло. Подойди к нему, чтобы быть первой, кого он увидит. А вы двое, отойдите за него и будьте готовы.*

— *Может, лучше не мешать?* — спросила Сара. — *Ему*

нужен отдых.

— *Я боюсь, что заражение может распространиться, пока он слаб,*— солгала Анна. — *Нам нужно, чтобы он боролся с этим и рассказал, что случилось.*

Сара подчинилась. Анна приготовила инъектор и взглянула ей в глаза, попытавшись изобразить улыбку. Она хотела поддержать её, но все попытки казались неуклюжими. Она перестала притворяться. Ей нужен был лишь результат — чёткий, измеряемый, понятный. Новая модель и теория, что структурируют её мир и подчинят хаос. Она сделала укол ему в бедро.

Веки Лиамы задрожали, он задёргался, закрутил головой. Анна дала знак не подходить к нему, двое мужчин стояли наготове.

— *Лиам... Лиам...*— Сара обхватила его лицо ладонями.

Веки начали приподниматься, лицо морщилось от проникающего света, а руки хватались за неё. Он дёргался, словно тонул, ища опору. Губы пытались что-то сказать, но звук застревал в глотке. Она придвинулась ближе и пальцами разгладила морщинки на его лбу. Глаза открылись.

— *Лиам...* — она засмеялась сквозь слёзы.

Он смотрел в её изумрудные глаза, словно не замечая человека перед собой. Казалось, он тонет в них, пытаясь найти собственное отражение. Восприятие деталей начало проясняться в его голове, выстраивая картину мира, всё менее похожую на сон или видение. Понимание, что он проснулся, вернуло его в реальный мир. Теперь он по-настоящему видел её.

— *Лиам, это я...* Сара, — тихо произнесла она.

Анна испытующе смотрела ему в глаза, стараясь не упустить ни одной детали. Сара продолжала нести какую-то чепуху непривычно сентиментальным тоном. Ей было неприятно видеть мать такой. Она привыкла к её прямолинейности, чёткости, преданности общине. Даже до исчезновения брата она вела себя с ним строго, следуя субординации. Но сейчас её было не узнать. Анне показалось, что она стареет, — эмоции прорывались наружу, делая её слабой. И, несмотря на всю неприязнь, подход отца казался ей всё более понятным. Эмоции — это хаос, который нужно искоренить.

— *Где я?* — произнёс Лиам.

Сара замолчала, растерявшись на мгновение.

— *Главный исследовательский лагерь Аномалии,* — вмещалась Анна. — *Ты в медицинском блоке. Ты вернулся из Зоны, где тебя подобрала наша группа.*

Слова звучали, как отчеканенное железо, — Анна рапортовала, так будто делала отчёт. Она удивилась сама себе: то ли она и правда старалась внести максимум ясности в его спутанное сознание, то ли это было автоматическое уважение к его заслугам и положению в общине.

— *Лиам, посмотри на меня,* — Сара вновь взяла его лицо в ладони. — *Ты узнаёшь меня?*

Он тщательно всмотрелся в черты её лица. Казалось, он и правда прилагает усилие, чтобы вспомнить. Тень осознания промелькнула в его взгляде.

— *Ты стреляла в меня,* — спокойно произнёс он. — *Я помню твои глаза.*

Сара опешила. Она с недоумением смотрела на Анну, словно ища поддержки.

— *Твоё имя — Лиам Грейсон,* — не выдержала Анна. — *Три месяца назад ты покинул этот лагерь, желая уйти*

как можно глубже в Зону. Мы были уверены, что ты погиб, но вчера ты появился у нашей стоянки — в бреду, покрытый грязью, совершенно обнажённый. Всё время, пока тебя везли, ты шептал слово «Самар». Что оно означает?

— Я не помню ни тебя, ни этого лагеря, — отрешённо произнёс он. — Я помню, что шёл по какой-то долине, окружённой чёрными скалами. Помню каменное плато. И женщину, к которой я хотел вернуться. Рыжие волосы, чёрные глаза. Но я даже не знаю, кто она. У меня в голове всё перемешано.

Женщины переглянулись.

— Чёрные скалы находятся в самом центре Зоны, прямо перед аномалией. Что ты помнишь? Есть там что-то живое? Как проявляет себя аномалия? Как тебе удалось выжить?

— Я просто шёл. Не знаю, как долго. Память — как набор фотографий, которые я не могу выстроить по порядку. Не знаю, чем тебе помочь. Я просто шёл...

— Что такое Самар?!

Лиам лишь мотал головой в ответ. Бессилие его памяти

приводило её в бешенство. Раздражение закипало, давая волю чувствам, которые она вновь и вновь обещала себе держать под контролем.

Анна подошла к нему вплотную и поднесла его руку к лицу. Включив фонарь с УФ-спектром, она начала показывать узоры, что тянулись от ногтей вверх.

— *Всё твоё тело пропитано чем-то!* — Анна начала повышать голос. — *Мы не знаем, представляешь ли ты угрозу. Не знаем, где ты был всё это время и с чем вступил в контакт. Если у тебя нет для нас информации, ты останешься здесь, пока мы её не получим или пока эта штука изнутри не уничтожит тебя. А затем мы изучим её.*

— *Анна!* — крикнула мать.

Анна отошла в сторону, чтобы успокоиться. Она смотрела на них обоих, раздражаясь из-за собственного бессилия. Она не хотела себе в этом признаваться, но отец точно нашёл бы способ вытянуть из него всё. Она ненавидела это чувство зависимости от его гениальности — проклятая тень, как от горы, что не даёт ни прохлады, ни покоя, а лишь жжёт всё сильнее, то ли пытаясь раздавить, то ли и правда сделать крепче.

— *Лиам, она напугана,* — вмешалась Сара. — *Мы все на-*

пуганы. Я думала, что потеряла тебя. Никто не выживал в Зоне так долго. И уж точно никто не доходил до аномалии. Нам нужно хоть что-то, пожалуйста.

— Что-то говорило со мной, пока я шёл,— задумчиво произнёс он. — Не уверен, было ли это просто бредом, но что-то вело меня через долину. Голос в голове, видения, странное чувство, будто мне нужно вспомнить нечто важное... будто все ответы уже есть во мне, но я не могу... не помню. Самое яркое воспоминание — женщина с рыжими волосами. И даже её я не могу толком вспомнить, лишь чувствую, что она кажется реальнее всего остального. Не знаю, чем вам помочь...

— Это Ребекка,— сказала Сара. — Твоя жена. Ты ушёл из-за неё.

— Может, она поможет мне вспомнить?— оживился он.

— Она умерла,— с тоской произнесла Анна.

Сара посмотрела на неё так, словно хлестнула плетью. Анна спиной ощутила холод, исходящий из её глаз.

— Она долго болела, Лиам,— сказала Сара. — Ты ничего

не мог сделать. Когда её не стало, ты изменился. Я думаю, ты уходил, чтобы не вернуться.

Тишина заполнила комнату, изолируя каждого в своих мыслях. Чем дольше она длилась, тем глубже они погружались в себя.

— *Этот голос,* — сказала Анна. — *Что именно он говорил?*

— *Просил вспомнить что-то. Говорил, что он — Единое. Что бы это ни значило.*

— *Ты видел другие живые организмы вокруг?*

— *Только трава, скалы вокруг и бесконечно тянущиеся корни.*

— *Цвет, толщина, необычные сплетения?*

— *Не знаю. Просто корни, словно сеть, ползущая по земле. Толщиной с руку, наверное. И пыльца... много пыльцы в воздухе.*

Анна взглянула на мать так, словно её поразила молния. Она выбежала из купола, даже позабыв отдать приказы по-

мощникам, и те стояли в недоумении, не зная, что делать.

Выйдя из помещения она понеслась через весь лагерь. Внезапное осознание, что вспыхнуло в её холодном научном уме, вновь оказалось в центре огненного моря чувств.

— *Только бы не испортили, только бы...* — мысли проносились в голове, словно стая обезумевших птиц, создавая всё нарастающий гул.

Анна влетела в одну из лабораторий и начала беспорядочно метаться от ящика к ящику. Она бормотала что-то под нос, пытаясь сосредоточиться и выстроить последовательность в своих действиях, но руки хватались за новые коробки, перетрагивая их целиком.

— *Видимо, у тебя есть веская причина перевернуть наше хранилище вверх дном?*

В комнату вошёл её отец. Поставив стул посреди лаборатории, он устроился поудобнее и с хитрой улыбкой просто смотрел на неё.

Она замерла, наблюдая за ним. Он достал коробочку с сушёными ягодами и с удовольствием положил несколько под язык. Улыбнувшись шире, он жестом указал ей присесть

на пол. Анна подчинилась. Его уверенность гипнотизировала её. Когда эмоции бушевали с такой силой, они заглушали чувство ненависти, которое испытывала её рациональная часть. В такие моменты она была просто его дочерью — лучшей ученицей, как он всегда говорил.

— *Что мы ищем?*— спросил он.

Анна глубоко выдохнула, чтобы привести мысли в порядок.

— *Лиам сказал, что корни ближе к аномалии размером с руку. В первых отчётах мы видели, что корни были тонкими около века назад. А теперь они растут, значит, Зона расширяется!*

— *Мы всегда об этом догадывались,*— равнодушно произнёс он. — *Что изменилось?*

— *Лиам сказал, что повсюду в воздухе была пыльца,*— продолжила Анна. — *А значит, она выделяется естественно, не так, как у нас в процессе переработки. Он говорил, что она была повсюду. Значит, он был ею покрыт!*

— *И образцы грязи должны это содержать,*— задумчиво произнёс он.

Он резко встал и направился к двум дальним ящикам, что одиноко стояли в углу. Открыв их, он аккуратно перебрал несколько вакуумных пакетов, пока не извлёк один.

— *Вуаля!*— улыбнулся он. — *Ещё не успели рассортировать по хранилищу. Я знал, что пригодится, поэтому не дал им его просто помыть.*

— *Думаешь, образцы сохранились?*— с тревогой произнесла Анна.

— *Увидим,*— равнодушно ответил он. — *Хорошая работа.*

Похвалив её, он молча вышел из купола, давая ей время прийти в себя. Ей хотелось бежать вприпрыжку, чтобы вместе совершить очередное открытие. Но внутри скреблось тягостное чувство — воспоминания о том, что он сделал, нигде не исчезли.

Она поднялась и медленно побрела за ним.

Глава 14 - Бунт

- *Сёстры* -

Прошла уже неделя с тех пор, как забрали Эли. Мира всё это время жила на автопилоте: ела машинально, отвечала на стандартные вопросы, даже продолжала успешно учиться — но всё происходило как в бреду. Всё свободное время она просто спала. Доходила до своей комнаты и заворачивалась в одеяло прямо в одежде. Её гнев, что так внезапно вспыхнул, оказался засыпан пеплом сгоревших надежд. Сестра уехала, и теперь она осталась одна. И ничто никогда не будет прежним.

В присутствии этой мысли всё теряло смысл — даже её мнимая «борьба», которую она успела объявить в душе, но так и не сделала ни шага в нужном направлении. Да и зачем? Она просто маленькая девочка в огромной системе, которую, как и сказал советник, она совершенно не понимает. А теперь она ещё и не знает, что делать со своей жизнью, потому что, в отличие от сестры, её вообще ничего не интересовало.

Она лежала, закутавшись в одеяло так, что только один глаз и кончик носа выглядывали из этого импровизированного кокона. Тело сжалось, словно в утробе, чтобы хоть немного ощутить собственное тепло, уют и хотя бы подобие

безопасности. Уже час она смотрела на кинжал, стоящий на красивой подставке — символ их с Эли обещаний, всё, что осталось от матери.

Раньше они тренировались с ним по очереди, и им казалось, будто сила родителей может просочиться сквозь металл, смешаться с потом и кровью и каким-то образом передать все те знания, что они должны были унаследовать. Глупые детские выдумки. Сейчас этот кусок стали казался лишь сентиментальным оправданием того, почему она находится в таком жалком состоянии.

Если бы родители не ставили свой долг выше семьи — они бы не погибли. Если бы Эли не рвалась за своими призрачными надеждами — они всё ещё были бы вместе. Казалось, Доминия и её правила только и делали, что отнимали у неё всё, что было дорого. А через пару лет и ей придётся сделать выбор, который, скорее всего, уже заранее определяют за неё.

Возникло удушающее чувство — по телу распространился жар, и захотелось разорвать одеяло, чтобы хоть в чём-то одержать победу, вырвать свободу и право выбора за счёт простого и понятного права сильного. Она яростно начала вырываться из кокона, пытаясь выпустить весь накопившийся пар. Хотелось заорать, но она не решилась.

Она так увлеклась своим сражением с одеялом, что не удержалась на краю и рухнула с кровати, больно ударившись локтем.

Над головой возвышался столик с клинком на подставке, а она лежала, пристыженная собственной неуклюжестью, бес-толковостью и страхом перед будущим. Гнев снова захлебнулся в сомнениях и нигилизме, которые, казалось, аж скрипели на зубах, оставляя неприятный металлический привкус.

В воздухе вспыхнула голографическая надпись:

«Мира Райк. Просим вас прибыть на собеседование в Исследовательский корпус. Подтвердите получение...»

Мира недоумевающе смотрела на парящую над входной дверью голограмму. Она лежала на полу в трусах и грязной майке, посреди собственного бардака, лелея жалость к себе. И в то же время её приглашали в Исследовательский корпус. Может, она всё-таки ударилась не локтем, а головой? Она даже прощупала лицо для верности.

— *Подтверждаю,* — неуверенно произнесла Мира.

«Сообщение принято. Ожидаем вас в три часа дня.» — надпись исчезла.

Мира подтянула ногой валявшееся рядом одеяло и натянула его на себя с головой. Хотелось спрятаться от этого мира — лишь бы он больше не предъявлял к ней никаких требований. Исследовательский корпус... какого чёрта им было нужно от неё? Это ведь почти как военная элита, только в области науки. Она, конечно, хорошо училась, но точно не была выдающимся студентом, чтобы привлечь внимание кого-то из корпуса.

Захотелось просто заснуть и проигнорировать сообщение. Может, оно и к лучшему — если она опоздает, то на неё точно никто не будет рассчитывать. Можно будет спокойно продолжать привычное прозябание. Но любопытство, как заноза, уже начало воспалять её воображение. Это скорее раздражало, чем вдохновляло. Хотелось бунтовать против всего — особенно после того, как её разлучили с Эли. В конце концов, терять ей было уже нечего. Может, хоть в бунтарстве она сможет ощутить подобие свободы.

— *Элита...* — с презрением пробормотала она. — *Самодовольные зазнайки.*

Она нехотя поднялась и кое-как натянула на себя чистые вещи. Ей не хотелось смотреться в зеркало, даже освежиться в душе — нужно было просто разделаться с этим поскорее

и вернуться к своей жизни.

Мира выбрала единственный не заплесневевший кусок хлеба, который ещё оставался, и принялась жевать его, запивая молоком. Взгляд сверлил лезвие клинка на стойке, но никаких мыслей больше не возникало. Пока рот был занят едой, она ощущала отупляющий комфорт настоящего момента.

Прозвучало звуковое напоминание.

— *Да иду я... иду,* — проворчала Мира.

Она вышла из комнаты и села на ближайший шаттл, что двигался в сторону главных научных зданий. Обычно они с Эли не бывали в этих местах — их манили военные тренировочные зоны, где раз в неделю проводили открытые занятия для всех желающих. Мира никогда не отличалась ловкостью и силой, присущими её сестре, но даже чувствовать себя дурой рядом с ней было приятно. Она была счастлива набивать шишки, пропускать удар за ударом — просто потому, что это сближало их.

— *Да хватит уже... стоп. Всё,* — она сжала зубы и зажмурила глаза изо всех сил.

Чувство усталости от бесконечных воспоминаний о сестре начало выматывать. Теперь она злилась — и на их уклад жизни, и на саму сестру. Ей вообще хотелось злиться на всех, потому что так было проще понять, кто на твоей стороне, а кто против.

Мира откинулась на спинку кресла и снова поймала момент отупляющего присутствия. Изящество архитектуры Доминии мелькало за окном, не вызывая никаких чувств. Словно шестерёнку, её везли туда, где должны были вкрутить и зафиксировать до конца жизни — пока она не сломается, и её не заменят.

Доминия так гордилась свободой своих граждан, величием уровня культуры и искусства. Но почему-то все игнорировали очевидное: выбор ограничен заранее, и никто не может создать свой путь. Свобода в том чтобы жить в траншее, вырытой для тебя, и бегать в ней, как крыса в лабиринте, думая, что есть выход. Но выход один — смерть.

Даже если попытаться высунуть нос за пределы этой колеи, тебе не дадут проложить новую. Доминия слишком верила в свою идеальность — настолько, что всерьёз считала себя вправе нести своё «благо» другим народам.

Под монотонный ритм собственных размышлений она не

заметила, как шаттл прибыл на место. Перед ней возвышалось здание, больше похожее на дворец. Вокруг раскинулись высокие купольные конструкции, а люди сновали туда-сюда, создавая ощущение живого муравейника.

В отличие от зоны военного корпуса, тут было куда больше творческого хаоса. Каждый, кого она встречала на пути к центральному зданию, казался поглощённым своими мыслями. Это ощущение показалось неожиданно приятным.

Она шла в потоке, но ощущала себя одной. Никому не было до неё дела. Никто не выстраивал людей в ряды — и именно такой порядок казался ей куда более правильным.

Добравшись до центрального входа, она просканировала чип и зрачок.

«Мира Райк. Следуйте за световой дорожкой. Вас ожидают.» — прозвучал электронный голос.

Дверь распахнулась, и на полу возникли сияющие линии, создавая движущийся поток в двух метрах от неё, указывая направление. Мира поймала себя на мысли, что идёт с открытым ртом, рассматривая окружение. Она с трудом удерживала внимание на шагах, чтобы не споткнуться, — но это здание действительно впечатляло.

Доминия никогда не скупилась на изящество, стремясь подчеркнуть гений человеческой мысли и глубину своей культуры, но здесь простое искусство переплеталось с магией технологий. Сквозь сложнейшие орнаменты, напечатанные с колоссальной детализацией, скользили световые импульсы, создавая вокруг почти голографические картины. Стены будто двигались в игре света и тени, дышали, менялись — словно само пространство жило, реагируя на её присутствие.

Если снаружи казалось, что никто не замечает её, то здесь само здание будто вело за руку сквозь свои недра, желая раскрыть тайны, приготовленные именно для неё. На мгновение Мира почувствовала себя особенной.

— *Прекрати...* — она снова сжала зубы. — *Это явно ошибка.*

Она не позволила себе уплыть в фантазии — лишь ускорила шаг и постаралась больше не оглядываться по сторонам. Теперь она просто двигалась, слушая звук своих шагов и не обращая внимания на происходящее.

Световая дорожка превратилась в тонкую черту. Мира подняла глаза и обнаружила себя прямо перед входом в

длинный тёмный коридор, подсвеченный красным светом где-то в глубине.

«Мира Райк, просим вас пройти на собеседование», — прозвучало в пространстве.

Она сделала первый шаг в тёмное пространство, и вокруг неё вспыхнуло несколько светильников, создавая нечто вроде кокона, что окружал её на расстоянии около трёх метров. Вдоль дорожки, по обе стороны, текли две реки из ферромагнитной жидкости, завихряющейся от самого её присутствия. Она сделала ещё несколько шагов вперёд — и жидкость забурилась вслед за ней, будто в её недрах двигались хищные рыбы, разрезая плавниками речную гладь.

Она улыбнулась. Ей захотелось побежать, чтобы попытаться обогнать этот причудливый эффект. Азарт наполнял её, разжигал радость жизни — и тут же разбивался волнами об осознание того, где она находилась. Нет. Свой бунт она не будет проявлять как ребёнок. Пора повзрослеть. Пора показать им, что кто-то может послушаться — осознанно пойти на дно, не желая идти по пути, который выбрали за тебя. Она громко выдохнула и уверенно зашагала в конец коридора, не обращая внимания на завихрения, что двигались параллельно с ней.

В конце коридора световой кокон погас, а очертания двери вспыхнули мягкими линиями, словно прорисовывая портал в пространстве. Вход разошёлся в разные стороны, подобно цветку, раскрывающему свой бутон. Такого Мира ещё не видела нигде в Доминии.

— *Проходи,* — сказала женщина. — *Я сейчас закончу.*

В дальнем углу стояла женщина и не обращая на неё внимания, пыталась настроить какой-то прибор. Она была настолько сосредоточена, что это поразило Миру. Руки двигались, как у машины — с нечеловеческой точностью, аккуратно располагая микроскопические детали внутри сложной конструкции.

— *Ну вот и всё,* — улыбнулась она. — *Смотри.*

Женщина подмигнула ей и, высунув язык от нетерпения, активировала устройство. Из его недр вырвалось облако серых частиц, мгновенно схваченное чем-то вроде силового поля. Они собрались в образ планеты, проявив такой уровень детализации, что казалось — настоящая Земля сейчас парит в пространстве перед ними.

— *Потрогать хочешь?* — женщина посмотрела на неё горящими от азарта глазами.

Мира рванула к устройству, забыв обо всём на свете. Перед ней вращался шар почти метр в диаметре. На таком расстоянии можно было рассмотреть не только очертания городов, но и движение океанских течений. Она осторожно прикоснулась к поверхности океана — по коже разлилось приятное, почти щекочущее чувство. Частицы мягко расступались, позволяя ощутить текстуру воды, но при этом не становились жёсткими. Можно было погрузить руку прямо в глубину — и структура мгновенно восстанавливалась, словно ничего не произошло.

— *Смотри внимательно,* — подмигнула женщина.

Она активировала браслет на руке и, сделав несколько жестов в воздухе, изменила конфигурацию изображения. Теперь шар демонстрировал зону Доминии с высоты птичьего полёта — ландшафт словно стелился перед глазами Мира, показывая, насколько величественно выглядел её дом, если смотреть сверху.

— *Нравится?* — сказала женщина.

Мира закивала с таким воодушевлением, будто ей могли подарить эту игрушку. Она совсем забыла, где находится. Но уже через секунду внутренний бунтарь попытался подать го-

лос — прежде чем о нём окончательно забудут.

— *Но... это ведь только модели?*— поджав губы, произнесла Мира. — *Вы ведь не можете по-настоящему иметь снимки того, как выглядит Земля с такой высоты?*

— *Ну конечно,*— сказала женщина. — *Ты думаешь, я дер-
жу тебя за дуру? Ты прекрасно знаешь, что у нас нет воз-
можности посмотреть на города выше одного километра*
— «Афина» уничтожит любой разведывательный дрон.

— *Тогда зачем это всё?*— удручённо сказала Мира.

— *Мы создаём новую картографию, используя съёмку с
малых высот. Наши территории переданы идеально. Но,
как ты понимаешь, зоны других стран — пока лишь проек-
ции. Мы, конечно, покупаем данные у других организаций, но
это фрагменты. Поэтому модель пока не очень точная.*

Мира сделала вид, что понимающе кивает головой, хотя её ум снова уплыл в неясные размышления о своём будущем.

— *Присаживайся,*— отстранённо произнесла женщина и села в кресло.

— *Полагаю, ты понятия не имеешь, что ты тут дела-*

еешь, — она смотрела ей прямо в глаза. — Думаешь, что это какая-то ошибка. Или что это связано с твоей сестрой.

— С ней всё в порядке? — не удержалась Мира.

— Понятия не имею, — небрежно отмахнулась женщина. — Ты здесь потому что, во-первых, твои успехи в учёбе достаточно заметны; во-вторых, как мы обе знаем, ты осталась одна. А значит, могла бы посвятить себя чему-то без отвлечений. Семья погибла, сестра уехала на дальние острова... что будешь делать со своим временем?

— Сестра вернётся, — запротестовала Мира. — Это ненадолго. И я просто продолжу учиться, как и раньше. Что ещё я могу делать?

— Я видела назначение Эли. Уверяю тебя, она ещё долго не вернётся. Она находится на закрытом объекте, и эта стажировка продлится минимум несколько лет. Ещё раз спрашиваю: что планируешь делать со своим временем?

— Да какой у меня выбор?! — неожиданно резко сказала Мира.

Женщина улыбнулась, заметив её несдержанность. Мира ощутила неловкость — словно её бунт сразу пошёл не по

плану. Она не хотела терять самообладание перед ней.

— *Мы, конечно, не кадарцы,* — спокойно продолжила женщина, — *и я лично не разделяю их фанатичной веры в генетическое превосходство. Но так уж сложилось, что я видела досье твоих родителей и знаю, каких результатов они достигли в своих областях. Я также видела результаты Элионор. И мне кажется, ты не должна от них сильно отличаться.*

— *У меня нет их целеустремлённости,* — обречённо произнесла Мира. — *Я не могу сказать, что хочу чего-то так же сильно, как они, и потому вряд ли смогу добиться таких же результатов. Вы тратите на меня время... простите.*

Женщина оценивающе смотрела ей в лицо — казалось, она что-то просчитывает. Мире было некомфортно под таким пристальным взглядом; хотелось остановить поток мыслей, на случай если она действительно могла туда проникнуть.

— *Мне кажется, я знаю, в чём ты хороша,* — улыбнулась женщина. — *Ты приспособленец. Ты ощущаешь то, что движет другими людьми, и подпитываешься от этого — зеркалишь их мечты и эмоции. Но ты неопытна и теряешься в этом. Ты думала, что хочешь того же, что и сестра, а*

теперь не знаешь, что тебе делать. Ты загорелась сегодня не потому, что тебе есть дело до моей игрушки, а потому что ты отразила мой собственный азарт. Ты думаешь, что пуста внутри и можешь жить только через других, и потому ищешь, чем себя заполнить. Но в действительности ты должна принять себя как эту пустоту — и научиться жить в ней. Тогда ты сможешь использовать свои таланты осознанно. Отражая чужие души, можно управлять людьми... если, конечно, освоишь это искусство. Ну, или можешь продолжать жить, как жила, — и тогда эта пустота превратится в чёрную дыру и сожрёт тебя изнутри.

Она смотрела на неё, явно довольная своей речью. Мира ощущала себя одновременно голой, уязвимой, с вывернутыми наружу мыслями — и совершенно не способной себя защитить. Будто её всю жизнь дёргали за ниточки, и кукловод наконец решил раскрыть правду. Она никогда всерьёз не задумывалась над тем, что происходило у неё в душе, но всё, что сказала эта женщина, резонировало внутри, как откровение, которое наконец расставило всё по полочкам. Так ведь и было... Она настолько хотела быть причастной к чужой жизни, что пропитывалась ею, а потом уже не могла отделить свои мысли от желаний других. Она и правда постоянно жила с чувством вечно неудовлетворённой пустоты — только вот ей казалось, что так живут все.

Точность, с которой она прочитала Миру, пугала. Хотелось закрыться — и в то же время попросить совет. Её впервые кто-то понял. Причём с одного взгляда. Впервые Мира ощутила желание, которое могла бы назвать своим. Оно превосходило и недавний гнев, и жажду бунта — всё это были лишь эмоциональные заплатки, чтобы заткнуть вечно голодную пропасть внутри. Теперь она знала, чего хочет: обрести знание — понять, как управлять другими, как управлять эмоциями, и больше никогда не оказываться в ситуации, когда она не знает, что происходит вокруг. Она хотела понять, как устроен этот мир и люди в нём. Впервые это показалось чем-то, ради чего действительно стоило жить и бороться.

— *Ну так что?*— спросила женщина. — *Я угадала?*

— *Нет,*— ответила Мира. — *Вы не гадали — вы знали наверняка. Это я сюда пришла, гадая, зачем меня позвали. Это я не понимаю, что происходит вокруг и кто дѣргает за ниточки. И нет... я не хочу продолжать жить, как жила. Мне надоело следовать за другими. Я хочу найти свой путь. Если только он вообще возможен в нашем обществе.*

Мира осеклась. Ей захотелось прикусить язык в ту же секунду, как слова сорвались с губ. Недавний бунт забился в страхе в дальние уголки сознания. Сейчас эти глупые эмо-

ции могли стоять ей того шанса, что внезапно представился. И это по-настоящему напугало.

— *Смелые слова, юная Мира,* — спокойно ответила женщина. — *Но я тебя понимаю. Открою тебе секрет: стандартные пути существуют для стандартных людей — чтобы они жили, не слишком задумываясь о том, как всё устроено. Это полезно — и им самим, и тем, кто заботится о благополучии Доминии, кто управляет. А вот те, кто готов пробить свой собственный путь, вполне могут это сделать. Я сделала. Как думаешь, ты бы справились? Ты — не стандартная?*

— *Я справлюсь!* — нетерпеливо выпалила Мира.

Она тут же покраснела от собственной несдержанности. Это явно не выглядело проявлением силы, и ей снова захотелось провалиться сквозь пол.

Женщина больше не улыбалась — теперь она холодно изучала её, взвешивая в уме лишь ей понятные доводы.

— *Тебе осталось два года до церемонии распределения,* — сказала она. — *Но существуют процедуры, позволяющие брать отличившихся студентов на стажировку заранее — готовя их к работе в нужной Линии. Скажем, я дам те-*

бе шанс. Возможность проявить себя в Исследовательском корпусе. Может быть, даже кое-чему научу лично. На что ты готова ради такой возможности?

— На всё! Я сделаю всё, что скажете.

Мира больше не пыталась сдерживаться — она поняла, что бесполезно притворяться перед этим человеком, который и так видел её насквозь.

— Хорошо. Тогда тебе, как и Элионор, придётся посвятить себя целиком своему делу. Я запрещаю тебе любые контакты с ней. Это повредит твоему прогрессу и будет отвлекать её от крайне важной работы. Сможешь отказаться от семьи ради этого?

Слова застряли в горле. Мира сглотнула, проклиная каждую секунду сомнений, что проносились в голове. Образ сестры вспыхивал где-то в глубине сознания, излучая приятное тепло. Но на его фоне ощущалась бездна — холодная, бездонная, жаждущая чего-то большего, чем то, что у неё уже было. Сейчас этот холод помогал, остужая мешающие эмоции.

— Я согласна, — сказала Мира. — Я хочу чего-то своего. Чего-то настоящего. Не буду с этим спорить. Если Эли

выбрала идти своим путём, несмотря ни на что... я тоже не стану сдерживаться.

— Прекрасно, Мира,— сказала женщина. — Я пришло тебе инструкции о твоём распределении и обязанностях. Учиться будешь вдвое больше, чем раньше, и тебе будет тяжело — очень тяжело. Но либо так... либо возвращайся в свою привычную жизнь.

— Меня это не пугает,— уверенно заявила Мира.

— Посмотрим...— задумчиво произнесла женщина. — Меня зовут Аманда Корнуэлл. Я глава Исследовательского корпуса и куратор программ информационной разведки.

— Моя мама была аналитиком,— не удержалась Мира. — Вы знали её?

— Нет, Мира, я не работаю напрямую со всеми аналитиками. Я можно так сказать, помогаю выбирать цели. Я не знала твою мать лично. Можешь быть свободна. Жди указаний.

Она ясно дала понять, что разговор окончен. Мире хотелось задать ещё несколько вопросов, но она не решилась — не хотелось испытывать её терпение. Таких сильных и власт-

ных людей она ещё не встречала лично. Представители Совета Архонтов, конечно, внушали определённый трепет, но их учтивость и мягкость не создавали подобного ощущения.

Аманда же производила впечатление острого клинка — даже её взгляд, казалось, вскрывал все твои секреты, не оставляя шанса утаить хоть малость. Забавно... но впервые Мира захотелось искренне кому-то подчиниться.

Мира поклонилась и вышла из помещения.

Аманда нажала на браслет и произнесла:
— *Соедини меня с советником Хаммондом.*

«Вызов установлен. Ожидается соединение...» — послышался голос в пространстве.

— *Мисс Корнуэлл... чем скромный служитель вроде меня обязан столь важному звонку?*

— *Не хотите объяснить, советник, отчего вы так настойчиво просили меня взять под крыло эту свою зверушку? Уверяю вас, мне есть чем занять своё свободное время.*

— *Ох... надеюсь, юная мисс Райк не доставит вам хлопот. Видите ли, у нас серьёзные планы на её сестру, и для*

нас было бы чрезвычайно важно, чтобы семейные узы не оказали влияния на чистоту эксперимента. К тому же я искренне верю, что человек ваших талантов сумеет найти применение для Мира.

— В ней что-то есть, но, честное слово, я делаю это только из уважения к вам и вашему проекту. Я не до конца понимаю, как эта маленькая девочка может нарушить ваши планы, но полагаю, вы не просто так ко мне обратились. Вы же понимаете, что вы у меня в долгу?

— Я Архонт, мисс Корнуэлл. Я служу людям, а потому я у всех в долгу — такой уж я сделал выбор.

— И всё же я хотела бы убедиться, что мы поняли друг друга.

— Разумеется. Совет не забудет вашу жертву.

«Соединение прервано... Желаете подключиться снова?»

— Нет. Останови сеанс и удали запись.

«Выполнено.»

— И что ты в ней нашёл, Элиас... — задумчиво прошеп-

тала она. — *Что же ты задумал...*

Аманда взяла со стола досье родителей Миры и снова углубилась в чтение.

Глава 15 - Подземный город

- Путник -

Двигаясь сквозь городское подбрюшье, Уна ощущала себя неуязвимой. В бесконечной паутине тоннелей можно было достичь почти любой точки Свободного города — идеальная среда для тех, кто искал настоящую свободу от вездесущих городских глаз. Крупные жилы формировали верхний слой: достаточно широкие, чтобы вместить большое количество людей и даже небольшие грузовые тележки. Здесь можно было наткнуться на маргиналов самого разного сорта. Но слой, что залегал ниже, относился к более древнему периоду: плотно сплетённая сеть узких лазов, технических комнат и огромных каверн, природу которых она никак не могла объяснить. Сюда не заходили даже сектанты, хотя уж они то знали про подземные уровни больше, чем кто-либо. Но их собственные правила и заикленность на учении не давали им ни мотивации, ни свободы действий, чтобы по-настоящему исследовать подземный город.

Ей не нужны были карты — она ориентировалась здесь на инстинктивном уровне. Глаза подмечали маленькие знаки, оставленные ею годы назад, а иногда она просто узнавала расположение и конфигурации предметов в закоулках. Кому-то подземка показалась бы однообразной грудой мусо-

ра, но Уна различала каждую отдельную жилку, словно знала тоннели в лицо. Она двигалась уже около часа. Даже ощущая полную неуязвимость, она всегда меняла маршруты. Это была её игра с самой собой: способ не утратить бдительность и одновременно уловка, чтобы не чувствовать себя одной. Как бы ни манила безопасность подземелий, здесь одиночество было удушающим. Поэтому она всё время выдумывала тех, кто будто охотится за ней, идёт по следу. Эти мысли одновременно держали её в тонусе и развлекали.

В этот раз ощущение было слишком реальным. Она останавливалась каждые несколько минут, вслушиваясь в тишину, и её не покидало чувство, что кто-то непрерывно смотрит из глубины. Ум всеми силами отгонял эти мысли, но тело сопротивлялось внушению. Кожа покрывалась мурашками каждый раз, когда она вглядывалась в тоннели. Уна решила пойти длинным путём. Она перелезла в узкий ход, соединявший второй уровень подземки с третьим. Здесь всё было уже настолько древним, что передвигаться стало по-настоящему опасно. Ржавые опоры и периодические подтопления делали этот слой совершенно непригодным для жизни. Она даже не знала, к какой эпохе относились эти останки древних городов.

Перейдя практически в бесшумный режим, она проползла несколько сотен метров и прошмыгнула в один из люков.

Этот небольшой крюк должен был отсечь любой потенциальный хвост. Хотя ум всё ещё отказывался верить, что кто-то мог зайти по тоннелям так далеко. Она вышла на верхние уровни и добралась до своего тайника — камни были на месте.

Впервые за целый день она позволила себе отдохнуть. Тишина окутывала её, словно мягкая вата, заглушая тревогу и приглашая отпустить напряжение. Она заблокировала двери изнутри и развернула небольшую подстилку, спрятанную в пластиковом мешке. Стоило коснуться подушки, как сознание почти сразу провалилось в забытие.

Путник двигался по тоннелям, как паук скользит по своей паутине. Он никогда не погружался в них, но интуитивное чутьё вело его так, словно он был зверем, идущим на запах. Ему не нужно было видеть — он ощущал её присутствие за каждым углом, даже на расстоянии нескольких поворотов. Особое чувство, выработанное за его долгую... долгую жизнь.

Чутьё привело его к узкому лазу, уходившему глубже вниз. Он задержался, не желая торопиться, закрыл глаза и начал вслушиваться в окружение, как делал это прежде. Сознание сканировало пространство, ожидая ответ.

— Ты, наконец, нашёл себе достойное жилище, — произнёс мужчина в дорогом сюртуке. — Крыса вернулась в свои тоннели. Символично.

Путник утратил концентрацию. Вселенная молчала, а неожиданный гость сбивал всякие попытки настроиться. Он старался не смотреть на мужчину, вслушиваясь в тихие шорохи, что исходили из глубины.

— Бедняга Анцель, — театрально произнёс мужчина. — Столько лет прожить, пряча голову в песок и опьяняя себя сказками про Путь... лишь для того, чтобы снова оказаться там же, где мы с тобой закончили. Ты ведь всё равно влезешь в её судьбу, не так ли? Не удержишься.

— Выбирает Путь, — прошептал он. — Путник лишь инструмент, ему не ведомо будущее.

— Ох... — развёл руками мужчина. — Я почти утратил надежду, когда ты решил одурманить себя своими байками. Ты был так упрям в этих иллюзиях, что я почти поверил, что тебе удастся меня обыграть в этот раз. Но нет, мой друг. Я уже вижу, как разворачивается маховик твоей судьбы. Мы снова будем играть, и ты снова проявишь свои эмоции: сладкие, терпкие, как тысячелетнее вино.

Путник тряхнул головой, пытаясь не слушать его голос, и нырнул в чёрный провал нижнего уровня. Все его чувства обострились, настраиваясь на след девочки. Его вёл не просто инстинкт, а какое-то внутреннее притяжение, словно он знал, где она, и не смог бы промахнуться даже если бы захотел.

— *Таков Путь,* — шептал он. — *Такова Воля.*

Он прополз сквозь нагромождения древнего мусора и ощутил её присутствие в черноте очередного люка. Осторожно проскользнув, он вышел в более широкий участок подземной сети. Тело двигалось словно на автопилоте, пока он не остановился у ржавой двери. Внутри него что-то зашевелилось. Он нашёл её.

Уна вздрагивала, лежа в своей постели. Зрачки метались под сенью век, а по лицу пробегали волны эмоций — словно электрические удары, вызывающие судорогу за судорогой. Её рука бессознательно заскребла по полу, пытаясь ухватиться, удержать что-то во сне.

He-e-e-m!

Крик вырвался сквозь ускользающие грёзы. Осознание того, что она только что выдала себя на все ближайшие

тоннели, швырнуло её в реальность, не позволив удержать крупницы воспоминаний. Она уставилась в заблокированную дверь в тревожном ожидании. Секунды тянулись под грохот её сердца, но дверь оставалась непотревоженной. Тишина тоннелей всё ещё окутывала её.

Уна сглотнула и заставила себя успокоиться. Она поспешно собрала постель, упаковала её и приготовилась в путь. Спрятав камни под куртку, она осторожно подошла к двери, вслушиваясь в коридор — тоннели молчали. Она сняла блокировку и вышла наружу.

Коридор оказался пуст. Свет её фонаря выхватывал куски древней темноты; в узком луче проплывали тысячи пылинки, создавая ощущение подводных глубин. Она несколько раз просветила тоннель в обе стороны. Давление тишины действовало успокаивающе, и она решила больше не терять времени. Рванула по коридору к верхним уровням — туда, где подземная паутина выходила на поверхность, чтобы вдохнуть тяжёлые испарения, с беспокойных улиц.

На поверхности уже наступал вечер. Солнце, скрытое за нагромождениями домов, едва освещало оживающий город. Последние минуты таяли перед тем, как ночные жители выползут из своих нор. Уна побежала напрямик к Майлзу. Внутри всё переворачивалось от мысли снова вернуться в

тоннели — она никогда ещё не ощущала такой тревоги под землёй, что-то явно было не так. Риск двигаться через жилые кварталы казался менее пугающим. Она понеслась изо всех сил, наслаждаясь ветром, что обдувал лицо, и редкими каплями, срывавшимися с верхних этажей. Стало так хорошо, что она была готова рассмеяться и подпрыгивать на ходу. Тягостное дыхание подземелий ослабляло свою хватку с каждой пройденной улицей.

Она миновала шумные центральные кварталы и теперь приближалась к окраинам. Город оставался безразличным к ней: толпа текла сквозь его вены, не замечая происходящего вокруг. Людская масса тянулась к ярким голограммам — словно замороженные мотыльки, летящие на огонь. Она пересекла несколько оживлённых улиц и снова нырнула в глухие переулки.

До убежища Майлза оставалось всего пару кварталов, когда она впервые ощутила тяжёлый взгляд в спину. Не желая привлекать внимание, она не обернулась сразу, хотя тело было готово сорваться и бежать что есть сил. Она несколько раз свернула за угол, чтобы сбить преследователя, и затаилась возле одной из помоек.

Сердце выпрыгивало из груди, дыхание сбилось, и она вытащила нож с кастетом на рукояти. После неудачи с Майл-

зом ей хотелось ощутить надёжность металла в руке. Если придётся сражаться за свою жизнь, она продаст её дорого — очень-очень дорого.

Сердце гроыхало так, что казалось — его слышно на всю улицу. Привычная настройка на дыхание не помогала: она удерживала контроль только тем, что сильнее вжималась в рукоять. Секунды тянулись, и пот начал заливать глаза. Она боялась пошевелиться и вытереть лоб. Каждый шорох мог выдать её, но новых звуков не возникало. Никто не шёл по её следу. Гудение машин и байков доносилось лишь издалека. Ближайшая подворотня казалась совершенно вымершей. Она нервно сглотнула и несколько раз глубоко продышалась.

Уна силой заставила себя подняться, крепко прижимая нож обратным хватом к груди. Она двигалась, как дикобраз, готовый выпустить свои иголки на любого, кто рискнёт связаться с ней. Но улицы молчали. Она вышла на прямую дорогу и задержалась, чтобы посмотреть назад. В глубинах переулка не было ничего, кроме дымки и гудения проводов. Лишь несколько крыс копошились возле помойки.

Она замерла на мгновение, возвращая себе контроль. Затем, резко выдохнув, вышла за угол. Слева вспыхнул яркий свет. Ум не успевал обработать происходящее. Она попыталась сжаться и отпрыгнуть в сторону, но в тело врезалась

визжающая масса горячего металла. Байк задел её задним колесом, уходя в резкий разворот. Уну отбросило в стену, и она потеряла сознание. Второй байк подъехал с противоположного конца улицы. Оба водителя медленно приближались, снимая шлемы.

— *Не узнаёшь?*— спросила одна из женщин.

— *Нет. Вижу её впервые,*— ответила другая. — *Но это точно та мелкая тварь, что разрядила в меня нейтрализатор.*

— *Проверь маячок.*

Женщина провела сканером над телом и тут же уловила сигнал. Расстегнув куртку, она вытащила сумку с камнями.

— *Никто никогда не проверяет сумки,*— усмехнулась одна из них. — *Почему они такие тупые?*

— *Хватит тратить время. Проверь её пульс.*

Она осмотрела повреждения на груди и животе, нащупала пульс и несколько мгновений задумчиво смотрела на неё.

— *Живая. Можем слегка подлатать и вытащить из неё*

имя заказчика. Похоже, я её аккуратно приложила.

— Хорошо. Грузи и поехали. Я заставлю страдать тех, кто слил нас. Эти уроды не понимают, с кем связываются.

— Обожая, когда ты злишься.

Она подошла к подруге и прижалась к ней всем телом. Осторожно скользнув щекой по её щеке, она прошептала:

— А меня заставишь страдать?

— Всегда.

Она провела языком по её щеке и резко отшагнула.

— Тогда не будем терять время.

Связав девочку, они растворились в тумане улиц. Тишина вновь опустилась тяжёлым саваном на безлюдные кварталы. Город продолжал медленно просыпаться.

Глава 16 - Симбиоз

- *Голос* -

Анна вновь ассистировала отцу, позволяя процессу захватить её. Лаборатория была местом, где она выросла: инструменты стали её первыми игрушками, а всё вокруг внушало покой и безопасность. Здесь мир всегда казался упорядоченным.

Они сидели на полу и загипнотизированно смотрели на дальний стол, где в центре быстро вращающейся машины находился образец вещества. Несколько крупинок, которые им удалось извлечь, были надёжно запечатаны в слое грязи. Они были крупнее, чем всё, что им когда-либо попадалось, и такого яркого цвета, что это выходило за рамки всего, что человечество узнало о пылице за последние сто лет.

— *Как это вообще возможно?*— сказала Анна.

— *Ты про то, что Лиам смог выжить?*— улыбнулся Джейк. — *Или о том, что образец оказался живым?*

Анна смотрела на него, не зная, как ответить. Разум пьянел от ощущения тайны, к которой они только что прикоснулись, и никак не хотел делать выводы. Было что-то волшеб-

ное в том, чтобы скользить по границе неизведанного, но не срывать покров. Внутри одновременно жило ощущение, что правда может оказаться настоящим чудом или абсолютным кошмаром. Восхищение и ужас — в суперпозиции.

— *Мне кажется, я тебе не рассказывал,* — сказал Джейк.
— *Но когда я приехал сюда впервые, то был уверен, что раскрою тайну Зоны.*

— *Разве не все так думают?* — спросила Анна.

— *Хех... конечно. Но мои идеи отличались от тех, что доминировали тогда. Я был уверен: Аномалия — это живой организм. А то, что они называли корнями, — лишь ороговевшие отростки, как волосы, что не несут в себе всей информации.*

— *Но так ведь и есть, разве нет?*

— *Говоря об организме, я имею в виду не просто биологическое происхождение. Я говорю о сущности, обладающей разумом.*

Смесь улыбки и недоверия исказила лицо Анны; она наморщилась, будто съела одну из его кислых ягод.

— *Не морищи лоб, тебе это не идёт.*

Джейк разгладил её морщинки, аккуратно провёл ладонью по щеке и положил руку на плечо.

— *Ты ведь не всерьёз?! Какая ещё сущность?*

Она смотрела на него как на сумасшедшего. Джейк по-доброму улыбался, нежно сжимая её плечо в попытке поддержать. После смерти Ребекки они почти не проводили время вместе. Всё изменилось.

Неловкое молчание прервал резкий щелчок. Машина завершила цикл и теперь монотонно мигала в ожидании тех, кто осмелится заглянуть в её недра, кто проявит интерес и нарушит суперпозицию, определив результат.

Они подскочили и бросились к столу. Джейк аккуратно снял кожух и вытащил образец. Разноцветные кристаллы были смешаны с небольшим количеством его собственной крови. Теперь между разрозненными частичками отчётливо проступала сеть, напоминающая нервные волокна. Вещество не растворилось полностью, но будто проросло сквозь кровь.

— *Ну что?*— сказал Джейк. — *Моя теория всё ещё кажется безумной?*

— Почему мы раньше не получали таких результатов? — спросила Анна.

— Как я и говорил: те места, до которых мы в состоянии добраться в Зоне, содержат только отмирающие волоски. По-настоящему живое вещество течёт ближе к Аномалии.

— Мы уже полвека как перестали пытаться зайти в красный сектор. Всё умирает, ты же знаешь. Бесполезно. И этот небольшой образец тоже не выживет в наших пробирках.

— Ну тогда, наверное, нам исключительно повезло, что у нас есть носитель, — улыбнулся Джейк.

Анна искренне хотела разозлиться в этот момент, сказать, что это аморально, что они должны искать способ исцелить Лиаму. Но вместо этого она понимающе улыбнулась. Ведь это и правда была уникальная возможность: редчайший образец Аномалии, текущий в жилах одного из них, под тщательным наблюдением. Окно в сердце Зоны. Первый настоящий прорыв за целый век — и она в самом центре событий.

— Но как быть с мамой? — сказала Анна.

— Я не думаю, что она заразится от него, — ответил Джейк. — Похоже, вещество выстраивает устойчивые связи с носителем, интегрируясь в него. Но моя интуиция подсказывает, что для заражения нужно вдыхать пыльцу довольно долго, чтобы она прижилась. Это не вирус, это нечто совершенно иное.

— Она не захочет его оставлять. С ней что-то не так, она изменилась с его возвращением, — сказала Анна.

— Скажи ей, что для лечения потребуется время, покой и тщательная изоляция. Мы оба знаем, как она любит выполнять приказы ради общего блага.

Они замолчали в немом согласии. Джейк какое-то время изучал образец, осторожно касаясь свежих нитей, которые уже начали разрушаться, а затем снова провёл ладонью по её плечу и спине.

— Как ты? Учитывая всё, что происходит?

Анна мешкала с ответом. Внутри боролось столько бесконтрольных чувств, что она боялась открыть рот: одно-единственное слово могло прорвать эмоциональную плотину.

— Не могу сказать, что мне неприятно снова работать вместе, — взвешивая слова, произнесла Анна. — Но я так же не могу забыть, что ты сделал.

— Что мы сделали! — резко добавил он. — Ты была там. Ты могла меня остановить, но знала, что я прав. Твоя эмоциональная часть ненавидит меня — я это понимаю. Эта часть досталась тебе от Сары. Но та часть, что я вырос- тил в тебе, твоя сильная часть, — она видит правду и знает, что иного пути не было.

Анна застыла, стиснув зубы так, что заныло в висках. Слова уже давили изнутри, будто готовые прорваться, но она с яростным усилием удерживала их за плотно сомкнутыми губами.

— Анна, я готов терпеть твою ненависть и упрёки сколько угодно. Лишь бы твоя другая половина делала свою работу. Вместе мы способны на то, на что у других просто не хватит духа.

Она дёрнула плечом, освобождаясь от его навязчивой за- боты.

— Я сделаю это ради науки, — резко ответила Анна. — Не ради тебя.

— *Согласен*, — кивнул Джейк.

— *Пойду убеждать маму. Начинай продумывать протокол.*

— *Как всегда Анна, как всегда...*

Она поспешила выйти из тента. Рядом с ним даже дышалось тяжело: его присутствие меняло её, заставляло бороться с той частью, которая казалась правильной, более человеческой. И почему-то именно её было так страшно потерять.

Джейк молча наблюдал, как разрушается образец, становясь всё более ломким. Сознание сосредоточилось на процессах распада, и он даже не замечал, как всё шире улыбается, погружаясь в детали.

— *Ну что, малыш*, — произнёс Джейк. — *Время тестов.*

Он зажёл горелку и погрузил образец в центр яркого пламени, которое выжгло остатки сформированных связей. Кровь закипела и кристаллы превратились в дым. Джейк вдохнул поднявшееся облачко, задержал дыхание и медленно выдохнул.

— *Как же долго я тебя ждал...*

Лиам сидел посреди медицинского блока, окружённый снующими туда-сюда людьми. Они брали кровь, мазки изо рта — всё, что можно было извлечь из тела, тщательно сортировали по пробиркам и выносили. Он не сопротивлялся, не задавал вопросов; его разум плыл в воспоминаниях о дороге, что он прошёл на пути из Долины. Состояние сознания тогда было иным — и в него хотелось погрузиться снова. Что-то манящее существовало на той глубине разума. Но внешняя суeta крепко удерживала его на поверхности, позволяя отрешиться ровно настолько, чтобы не ощущать беспокойства.

В помещение вошёл человек с широкой улыбкой. В отличие от остального персонала, на нём не было защитного костюма. Он небрежно крутил в руках какую-то металлическую коробочку. Все присутствующие замерли, обернувшись на него.

— *Вы нас не оставите?*— учтиво произнёс он.

Весь персонал поспешно удалился, бросая друг на друга недоумевающие взгляды. Мужчина поставил стул рядом

с кровати и достал из своей коробки несколько сушёных ягод.

— Ты ведь понятия не имеешь, кто я, верно? — улыбнулся он.

Лиам отрицательно покачал головой.

— Как любопытно, — сказал мужчина. — Мы — то, что мы помним о себе. Стоит забыть — и личность пересобирает себя заново.

— Не думаю, что я что-то смог собрать, — ответил Лиам. — В голове лишь обрывки воспоминаний.

— Ты помнишь, что было в Долине?

— Помню только, как очнулся на пути назад. Прямо посреди дороги. Дальше всё как во сне.

— У меня есть теория. Я бы хотел с тобой поделиться. Поскольку ты ничего не знаешь о том, что тут происходит, полагаю, ты — единственный, с кем я могу об этом говорить и не сойти за сумасшедшего.

Лиам безразлично пожал плечами.

— Когда тебя привезли сюда, ты сказал, что нечто было рядом с тобой. Голос, который ты слышал, и видения.

— Не уверен, что могу разделить, что было, а что казалось. Всё происходило как будто само по себе.

— Мне кажется, это было по-настоящему. Все люди, которые пытались зайти в глубину Зоны, погибали. Даже техника выходила из строя — словно она не хочет никого подпускать к своему сердцу. И потому мне кажется, что тебя отпустили намеренно. Ты либо послание, либо орудие.

Джейк пристально смотрел ему в глаза, широко улыбаясь, будто сказал нечто совершенно обыденное. Лиам задумался, пытаясь собрать общую картину вокруг этой новой идеи.

— И что, если я — орудие?

— Мы найдём способ тебя обезвредить, — обычным тоном сообщил Джейк.

— Вряд ли я могу тебе чем-то помочь, — отрешённо произнёс Лиам. — Похоже, ты понимаешь происходящее лучше, чем я. Мне всё равно, что со мной будет. Делайте, что нужно.

— *Надеялся, что ты так скажешь,* — взбодрился Джейк. — *Тогда позволь, я кое-что проверю.*

Он резко поднялся со стула и достал металлическую ампулу. Аккуратно открутив крышку, высыпал несколько граммов мелкой радужной пыли. Добавил немного прозрачной жидкости и тщательно размешал, пока порошок не растворился. Затем набрал полученный раствор в шприц и подошёл к нему.

— *Момент истины?* — улыбнулся Джейк.

— *Это должно меня вылечить?*

— *Уж простимулирует — точно,* — рассмеялся он.

Джейк ввёл содержимое шприца и включил УФ-фонарик, наблюдая за узорами на теле. Какое-то время Лиам просто лежал, пытаясь анализировать эффект от препарата. Он ослабил тело и надеялся, что вещество поможет ему заснуть — или хотя бы погрузиться глубже в себя, чтобы вернуться к тому состоянию, которое он никак не мог нащупать. Лёгкая пульсация начала проявляться по всему телу — словно тысячи насекомых маршировали по венам, прожилкам, мышцам. Казалось, нечто течёт сквозь ткани, откликаясь на инъ-

екцию странным образом. Глаза задрожали и начали закатываться. Дыхание стало глубоким и редким. В сознании возникло приятное чувство стабильности — монолитного покоя, который ничто не может разрушить.

Джейк заворожённо наблюдал, как едва заметные линии начинают набухать и подсвечиваться мягким внутренним светом. Теперь можно было различить сеть узоров, покрывавшую тело Лиама. Он взял скальпель со стола и выжидающе посмотрел на него — тот не шелохнулся, полностью погружённый в себя. Джейк провёл пальцами по одной из сияющих прожилок на его руке и медленно прорезал кожу. Сине-зелёное вещество выступило из раны, смешиваясь со свежей кровью. Оно не светилось ярко, но переливалось в свете — как гель, внутри которого мерцали тысячи блестящих частичек.

Раздался треск кожаных ремней.

Оковы, сдерживавшие руку Лиама, лопнули, как истлевшие нитки. Он схватил Джейка за запястье с такой силой, что скальпель вылетел и воткнулся ему в пах. Кровь хлынула пульсирующей струёй, окрашивая простыни. Глаза Лиама оставались закрыты, зрачки бешено метались под веками. Джейк пытался вырвать руку из железной хватки, но та лишь сжималась сильнее. В отчаянии он выдернул из его тела

скальпель и со всей силой вонзил в руку Лиам. Хватка ослабла. Джейк отпрянул, с ужасом глядя, как кровь хлещет из обеих ран.

Он тяжело дышал, наблюдая, как жизнь покидает тело Лиам. Не было ни желания спасти его, ни позвать на помощь — лишь всепоглощающий азарт, с которым он следил за последними секундами его жизни. В голове пронеслись теории: погаснет ли сеть со смертью тела, можно ли будет её извлечь и поместить в питательную среду, способна ли она вообще существовать вне носителя. Эти мысли опьяняли. С каждой пульсацией крови разгадка будто приближалась. Джейк не замечал, как всё шире растягивает губы в безумной улыбке.

Пульсация прекратилась. Джейк вытер пот со лба и отошёл в другой конец тента, чтобы вымыть руки. Разум уже выстраивал протоколы действий и список тестов, которые могли бы помочь изучить образцы. Он сожалел, что ситуация вышла из-под контроля — живого носителя было бы гораздо проще исследовать. Но если уж так сложилось, ничего не поделаешь. Попробуем сохранить Лиам... хотя бы как питательную среду, подумал он.

— *Вечно ты всё усложняешь, Лиам,* — проворчал он себе под нос.

В медблок вошла Анна в защитном костюме. Вид окровавленного тела Лиама и отца, который улыбался вытирая руки, напрочь разорвал поток её мышления. Она стояла в ступоре, ощущая, как внутри просыпается вулкан — тот, для которого любые рациональные конструкции не имели никакой ценности. Он просто хотел проявить себя, разрушая всё вокруг.

Анна судорожно попыталась нажать панель коммуникатора на костюме. Она кричала изнутри, но звуки вязли в плотной оболочке. Руки не слушались — дрожали от гнева, и она не сразу смогла активировать внешнюю связь.

— Какого чёрта ты творишь?! ЧТО ТЫ СДЕЛАЛ?!

— Успокойся, — произнёс Джейк, медленно подходя к ней. — Это был несчастный случай. Он напал на меня.

Анна почувствовала, что задыхается внутри костюма — ей хотелось разорвать его ногтями, лишь бы вырваться на свободу. Джейк подошёл ближе и отсоединил защитный шлем. У неё начался приступ. Она вдыхала так, будто объём лёгких уменьшался с каждым вдохом, не давая дышать достаточно глубоко. Казалось, грудь вдавливают внутрь, а пальцы скрючивались от судороги. Джейк вытащил из ящи-

ка сумку с подготовленными инъекторами и сделал укол в плечо. Анна задышала ровнее. Её глаза смотрели в пол, стараясь удержать сознание хоть на чём то стабильном.

— Давненько у тебя их не было,— сказал Джейк.

— Что... ты... сделал?— с трудом произнесла Анна.

— Я попытался надрезать часть узора под кожей, хотел взять образец. А он, как сумасшедший, схватил меня за руку с такой силой и резкостью, что сам воткнул скальпель себе в бедро. Я еле вырвался, но кровь уже было не остановить.

— И ты даже не попытался его спасти?— она смотрела на него исподлюбя.

— Он разорвал ремни, как старую тряпку. Было слишком опасно снова подходить. Он не стабилен.

— Мы опять всё потеряли из-за тебя...— обречённо прошептала Анна. — Первый и последний шанс за сотню лет. И ты всё испортил. Опять.

— Думай логически,— недовольно произнёс Джейк. — Мы не знали, сколько он проживёт в любом случае. Сейчас наша задача — сохранить его тело как среду столько,

сколько сможем, и понять, как извлечь этот новый организм из него. Возможно, ещё не всё потеряно. Но мне нужна ты.

Анна откинулась спиной к стене. Бессилие наполнило тело от невозможности хоть что-то контролировать. Всё казалось бесполезным. Даже если бы она ему подыграла, он всё равно нашёл бы способ всё испортить, как делал всегда. А ей оставалось жить с последствиями его выборов. Зачем тогда всё это нужно? Ей захотелось оставить Зону и всю эту жизнь, перечеркнуть одним решением своё прошлое. Хорошие специалисты вроде неё могут быть полезны и в других местах — можно уехать на север; говорят, синдикат неплохо платит учёным.

Джейк что-то говорил ей, но она не слышала ни единого слова. Звуки тонули в гуле собственных мыслей. Всё казалось каким-то нереальным, и ей вдруг захотелось по-настоящему проснуться — вырваться из этой временной петли, в которой она живёт.

— ...потому что это необходимо. Ты же понимаешь, — обрывки фраз прорезались сквозь её поглощённость. — Мы не можем просто так сдаться.

Джейк продолжал говорить с Анной, но её взгляд уставил-

ся на тело, лежащее на кровати.

— *Посмотри на меня. Не думай о том, что мы скажем Саре. Нам нужно действовать, пока не начались процессы распада. Посмотри на меня, Анна.*

— *Нога...* — прошептала Анна.

Джейк обернулся и увидел, как левая ступня подёргивается. Судорога начиналась от самых пальцев и будто поднималась выше, к бедру. Через мгновение начали сокращаться пальцы рук. Они с Анной наблюдали за этой картиной с чувством религиозного ужаса, затмевающего даже их научное мышление. Тело Лиамы дёргалось, зрачки снова начали двигаться под веками, и дыхание внезапно возобновилось.

Джейк помог Анне подняться. Они смотрели с недоумением, не зная, как реагировать. Первой в себя пришла Анна.

— *Проверь рану, возможно, что-то закупорило её, и он не потерял слишком много крови.*

Они подбежали к нему с чувством вновь нарастающей надежды. Анна начала протирать руку, а Джейк осматривал внутреннюю поверхность бедра. Кровь была повсюду, пальцы скользили, но им никак не удавалось найти порез. Там,

где должно было быть кровотечение, они обнаружили плотные сгустки мерцающего вещества, которое залепило рану и уже стягивало кожные покровы. Они переглянулись.

— *Промой его, срочно,* — приказал Джейк.

Анна протёрла его тело от остатков крови и просушила полотенцем. Из-под сгустков не выходило даже малейших следов крови. Рана полностью затянулась, окутанная мерцающей слизью, похожей на клей.

— *Оно сохраняет ему жизнь,* — ошарашенно произнёс Джейк. — *И значит, оно схватило меня, когда я начал его резать.*

— *Ты не можешь этого знать,* — возразила Анна. — *Возможно, оно действительно поддерживает его жизнь, демонстрируя самый странный симбиоз из всех, что я видела. Но думать, что эта слизь способна контролировать его поведение... даже для тебя это звучит слишком.*

— *ДА ПРИДИ ЖЕ ТЫ В СЕБЯ!* — Джейк впервые за долгие годы повысил голос. — *ЭТО... это разумная субстанция! Она в симбиозе с его нервной системой. Возможно, она ещё не захватила его полностью, но процесс уже идёт — и скоро от Лиамы не останется ничего. Будет только ОНО.*

Они молчали. Анна не могла выкинуть из головы его крик — это поражало сильнее, чем чудо, свидетелем которого она только что стала. Похоже, она не так уж и хорошо его знала. Тот, кто вырастил её, мог оставаться спокойным даже во время операции на собственном теле, мог резать по живому собственную мать — и при этом не дрогнуть. Человек чистой логики, фанатично преданный идее науки, — кричал лишь потому, что кто-то усомнился в его вере. Ни аргументов, ни точных фактов — только злость. Для Анны сегодня произошло два чуда за один день. И не было понятно, какое из них хуже.

— *Извини,* — успокоился Джейк. — *Мне не стоило так говорить.*

— *Не думала, что это тебя так заденет,* — сказала Анна.

— *Похоже, когда мечты начинают сбываться, удерживать контроль труднее, чем мне казалось.*

— *Мечты?*

— *Это даже больше, чем мои самые смелые мечты,* — задумчиво произнёс Джек. — *Я надеялся, что Аномалия про-*

явит себя, что мы возьмём образец, найдём способ зайти в неё и изучить. Но я не думал, что она создаст разумного агента для контакта.

— Ты же сам сказал: оно поглощает его. Скоро от разума Лиама не останется ничего.

— Мне кажется, они сольются. Оно растёт на его нервной системе, а значит, поглотит его и станет чем-то новым — но на основе того конструкта, что уже был. Нельзя сказать, что это нечто абсолютно новое — это будет симбиоз.

Глаза Лиама задрожали, и он начал приходить в себя. Голова кружилась, он пытался что-то прошептать, но слова вязли в пересохшем горле. Анна попыталась дать ему воды, но он смог проглотить лишь несколько глотков.

— По... получилось?— прошептал он.

Джейк придвинулся к нему и разгладил морщины на лбу. Широко улыбаясь, он с уверенностью произнёс:

— Да, мой друг. Получилось. Тебе теперь лучше.

— Ххх... хорош-ш-о.

Джейк предельно серьёзно посмотрел на Анну. В его взгляде больше не было ни нежности, ни заботы. Он сверлил её, словно лазер, обнажая единственно важный вопрос — ты со мной?

Анна кивнула.

Глава 17 - Близнецы

- Путник -

Вспышка боли прорезала забытье, вырывая Уну обратно в мир живых. Всё тело пульсировало от режущей боли, не давая подумать ни о чём другом. Она застонала, ещё не понимая, где находится. Животное желание — сделать хоть что-то, лишь бы привлечь внимание, найти помощь. Стон нарастал изнутри, и она попыталась разлепить слипшиеся от крови губы.

Ей удалось открыть один глаз — второй, казалось, просто отсутствовал. Она не видела, но часть лица ощущалась сплошным отёком, которым она даже не могла толком пошевелить. Сквозь опухшие веки пробивался свет, а хриплое дыхание скользило по окровавленным губам и сломанным рёбрам.

Сквозь отёк и пелену, застилавшую единственный открытый глаз, она разглядела кафельный пол и развешанные по периметру пластиковые шторы. Место напоминало операционную. Второй вспышкой пришло осознание: она пристёгнута к металлическому креслу и совершенно голая. Чувство страха и уязвимости затопило разум, вызывая панику, рвущуюся из груди. Если бы не жуткая, давящая боль в районе

сердца, она бы закричала изо всех сил.

— *Она пришла в себя,* — слышалось из-за штор.

— *Самое время.*

Уна попыталась вырваться, расшатать ремни, что прижимали её руки и ноги, но сил в теле почти не осталось, а каждое усилие причиняло страшную боль. Внутри неё, маленькой птичкой, забилося отчаянное желание умереть, не дать сделать с собой ничего более страшного, чем то, что она уже пережила. Умоляющий писк той маленькой части себя, что не хотела страдать. Готовность просто исчезнуть и отпустить все свои надежды на этот мир. Вот только вселенная не откликнулась.

Шторы распахнулись, и в помещение вошли две женщины. Уна попыталась проморгаться, чтобы навести хоть какую-то резкость. Она различила двух девушек с симметричными татуировками на шее. Они были абсолютно идентичны внешне, и их узоры на теле лишь подчёркивали это. Две близняшки, старше её, наверное, лет на десять, стояли в одном белье и нежно поглаживали друг друга.

— *Птичка проснулась...* — сказала одна из них.

— *И мы заставим её петь,* — улыбнулась другая.

Уна попыталась сказать что-то, лишь бы заговорить им зубы, отсрочить любые пытки, что они приготовили, но звук не выходил, лишь хриплый стон, что сопровождал её тяжёлое дыхание.

— *Побереги силы, малыша,* — подошла одна из близняшек. — *Мне от тебя нужно только имя. Одно имя. Кто тебе дал информацию?*

— *Мы подарим тебе покой,* — подошла вторая и поцеловала её в окровавленный и распухший глаз. Уна дёрнулась от боли, и теперь наружу не вырывался даже стон. Она вся сжалась внутри.

Булькающий хрип поднимался по её глотке, она пыталась сказать хоть что-то, купить себе комфортный билет в небытие, лишь бы избавить себя от этих психопаток. Но было так больно, что она не могла произнести ни слова. Лишь стонала и плакала от отчаяния.

— *Похоже, ей трудно говорить.*

— *Мм... как некстати.*

— *Давай просто дадим ей проораться. Поможем прочистить горло.*

— *Ох... не хотелось возиться с ней. Но, видимо, придётся.*

Одна из близняшек вытащила гибкий металлический шланг и подтянула его прямо к ней. На конце было что-то вроде дозатора и прорезиненный ухват для руки. Уна задёргалась и заскулила. Ей изо всех сил хотелось прохрипеть имя «Майлз», но разум и тело играли с ней какую-то очень злую шутку. Всё так сжалось внутри, что она не могла ни нормально говорить, ни даже думать. Такой животной паники она не испытывала никогда.

— *Я объясню тебе, что сейчас произойдёт, — начала одна из них. — Я верю, что осознание того, что тебе предстоит, сделает происходящее лишь хуже. И потому тебе нет причин бороться с нами. Просто крикни нам имя, как только сможешь. У меня нет времени забавляться с тобой. Кивни, если понимаешь, что я говорю.*

Уна задёргала головой, пытаясь коммуницировать хотя бы так.

— *Я не буду тебя резать, я не буду тебя бить, я буду медленно ошпаривать твоё тело горячим паром. Боль будет*

адская, но кожа не начнёт обугливаться, как от огня. Ты будешь ощущать невыносимые страдания, но часть разума будет верить, что повреждения ещё не слишком страшные, что кожа может восстановиться, что тебя ещё смогут спасти. И я буду держать тебя на этой грани между призрачной надеждой и окончательным желанием умереть оттого, что тело повреждено безвозвратно. И поверь мне, я умею это делать.

Уна забилась в кресле, как от электричества. Она пыталась что-то прохрипеть в ответ, но начала захлёбываться то ли слюной, то ли собственной кровью.

— *В общем, начинай орать нам имя, как только прочистишь глотку,*— безразлично сказала одна из них и открыла вентиль.

Глотку Уны разорвал душераздирающий вопль. Звук рвался изнутри, как лавовый поток, обжигая внутренности. Даже её опухший глаз приоткрылся, демонстрируя бешено мечущийся окровавленный зрачок.

Близняшки опалили паром её левую ногу, медленно проведя от пальцев до самого паха. Затем остановились, и вторая плеснула стакан холодной воды на свежие раны. Уна потеряла сознание.

Резкий взрыв в груди снова вырвал её из небытия. Ей что-то вводили в вены, и сердце заколотилось с бешеной силой.

— *Не пытайся отключиться. У нас хватит химии, чтобы продержать тебя в сознании, пока мясо не слезет с костей.*

— *ИМЯ!*— заорала на неё та, что стояла рядом.

— *Мм... мм... Ма-а-а-з-з-л... кхх...*— она пыталась прохрипеть его имя.

— *Ты тратишь моё время,*— разочарованно замотала головой другая.

Шипение пара снова наполнило комнату. На этот раз Уна ревела, как дикий зверь. Глаза вытаращились в потолок, вылезая из орбит, голова запрокинулась как можно выше, лишь бы не смотреть, как кожа покрывается пузырями, подбираясь всё ближе и ближе к паху. Её вторая нога испытывала агонию, даже хуже, чем раньше. Похоже, знание о боли и правда усугубляло пытку.

— *Ма-а-а-а-й-лзззз... МАААЙЛЛЗ... МААААЙЛЗ!*

Пар отключился. Комната была наполнена туманом, который казался ещё плотнее от миазмов боли, что делали атмосферу вязкой на ощупь и металлической на вкус. В медленно рассеивающейся дымке проступало трясущееся тело Уны. Обожжённые до самого паха ноги частично были покрыты пузырями и непрерывно дрожали. Гениталии вздулись и выглядели так же жутко, как и её наполовину опухшее от гематом лицо. Она всё ещё шептала имя Майлз, с каждым разом говоря всё тише и тише. Разум не отключался полностью, но тело уже готовилось к желанной смерти.

— *Майлз, ха...* — игриво улыбнулась та, что держала шланг. — *Вот сюрприз так сюрприз.*

— *Откуда у этой мелкой сошки информация на нас?* — сказала другая.

— *Ну, явно не сам достал. Ему мозгов и масштаба не хватит на это.*

— *Ну, значит, придётся и его поджарить слегка.*

— *Столько ненужных действий из-за какой-то малявки... эх.*

Их разговор превращался в какую-то музыку в сознании

Уны. Голоса звучали, но их смыслы не достигали её разума. Она уплывала на вибрациях, ощущала тембр, вибрирующий сквозь пространство, и, казалось, погружалась всё глубже в вязкое, приятное тепло. Даже боль уже не была такой острой. Она оставалась там, на поверхности восприятия, но здесь, в глубине, мир был не опаснее, чем сновидение.

— *Ну что, кончаем её?*

— *Посмотреть, сколько она всё-таки продержится, не хочешь?*

— *Да не особо. Я лучше посмотрю, сколько продержишься ты подо мной.*

Одна из них подошла к сестре и игриво накинула шланг на шею, прижалась всем телом, вдыхая всё ещё клубящийся пар, и с нежностью поцеловала.

— *Сделай ей укол. Не пачкай плитку.*

— *Хорошо. Жди меня в кровати.*

Одна из них распахнула пластиковые шторы и хищно обернулась на сестру. В их взглядах было столько искренней нежности и любви, что, даже стоя посреди этой адской ком-

наты, они, казалось, освещали её чистотой своих чувств.

— *Всё, малыша. Теперь можно отдохнуть.*

Она набрала полный шприц из ампулы и нащупала вену. Она смотрела на неё в полубредовом состоянии. Ей захотелось поверить, что она видит маму. Она не могла вспомнить ни её лица, ни голоса. Но сейчас, глядя на этого ангела, что принесёт ей избавление, она испытывала покой и благодарность. Желание раствориться в ощущении заботы. Боли больше не было. Мир казался ярким и полным любви. В ореоле потолочных ламп голова женщины светилась ореолом.

— *Мама...* — прошептала она, и слёзы потекли по её щекам, смывая кровь и ужасы прошлого.

— *КАКОГО ЧЁРТА!* — выкрикнула одна из них.

Свет погас на всём этаже. Гудение потолочных ламп прекратилось, и наступила звенящая тишина.

— *Луна! Луна! Что происходит?*

— *Замолчи и двигайся на мой голос.*

Она отбросила шприц, нащупала скальпель и медленно двинулась в сторону сестры, аккуратно контролируя пространство свободной рукой. В конце комнаты раздавались щелчки, похоже, Луна уже успела вооружиться.

— *Вивьен?*— крикнула она, включая фонарик и начиная обшаривать комнату.

— *Я рядом,*— сестра вынырнула из темноты, забирая у неё второй пистолет.

Они осматривали пространство, выставив фонари вперёд и прижимая оружие к груди. Кружили, полупригнувшись, спина к спине, демонстрируя кошачью грацию в каждом движении. Они выглядели сейчас так же смертоносно, как выглядел бы ягуар, спускающийся с деревьев, чтобы растерзать случайную жертву, что забрела на их территорию.

Уна пришла в себя от их криков. Грёзы о матери истаяли в возникшем вокруг напряжении. Глаза ничего не видели, и она по-прежнему не могла пошевелиться, лишь вслушивалась в происходящее. Темноту прорезали лучи фонарей и еле слышный шорох шагов, что издавали сёстры.

— *Может, просто замыкание?*— прошептала Луна.

— *Ты хоть раз помнишь здесь замык...* — слова Вивьен оборвались из-за тени, что прошмыгнула рядом с ней.

Раздались выстрелы

Они высадили оба магазина вслед движущейся фигуре.

— *Перезаряжаю,* — крикнула Вивьен и прыгнула к открытому ящику, где лежало несколько магазинов.

Луна просвечивала угол, где должно было бы лежать чьё-то тело, но комната оставалась пустой. Сестра перезарядила пистолет и кинула ей новый магазин. Они переглянулись и двинулись в разные стороны, обходя операционную по периметру, желая загнать в ловушку ту крысу, что посягнула на их святая святых.

Уна смотрела, как лучи двигаются во мраке. Шум выстрелов почти не запечатлелся в её разуме, она слышала лишь шорохи. Что-то произошло рядом с ней, она ощутила поток воздуха на обожжённой плоти, тело дёрнулось от боли, и тень прошелестела ей за спину.

Вивьен напряжённо всматривалась в коридор, ведущий в помещение. Комната казалась совершенно пустой. В отдалении послышался странный свист, что двигался навстречу,

рассекая воздух. В метнувшемся луче фонаря пролетел металлический поднос и врезался ей в руку, перебив запястье. Она истошно закричала.

— *ВИВЬЕН!* — Крикнула Луна, рванув к сестре.

Ярость пульсировала в её висках, а сердце сжалось от страха. Она не могла вынести мысль, что с сестрой что-то может случиться. Сквозь луч фонаря промелькнула чёрная фигура. Луна резко пригнулась, выставляя оружие и фонарь как единое целое вперёд, готовая застрелить всё, что могло двигаться в этом мраке.

— *Вивьен?!*

Ей нужно было услышать её, она боялась потерять сестру и не хотела случайно ранить.

— *Я в порядке. Он где-то здесь.*

Она дёрнула головой на звук её голоса, ощущая приятное чувство избавления. Тень промелькнула вновь. Что-то ударило снизу по рукам, и фонарь вылетел на пол. В его вращении, которое выхватывало из мрака хаотичные куски, возник образ руки с раскинутыми в разные стороны пальцами. Луна попыталась закрыться от удара, но не успела.

Резкий крик разорвал напряжённую тишину

Луна ощутила твёрдые, как металл, пальцы, что вонзились ей в глаз, сминая и перемешивая нежные ткани. Рука сомкнулась с ужасающей силой и, врезавшись ещё глубже, вырвала глаз вместе с орбитой. Ноги подкосились, и она рухнула на пол. Сознание не прервалось, но всё теперь виделось словно со стороны.

Упавший фонарь осветил часть коридора, где, возле стены, сидела Вивьен, прижимая к груди перебитую руку. Она смотрела на приближающегося человека с осознанием неминуемой смерти. Она могла подобрать оружие и выстрелить, но в голове звучал душераздирающий крик сестры. Звук, что остановил её мышление, поставил точку на будущем и запечатал их связь в этот момент. Она не хотела бороться без Луны и с презрением смотрела на вестника своей судьбы.

Луна хотела закричать из глубины, чтобы дать понять, что она жива. Но её так сильно отбросило в состояние шока, что она могла лишь наблюдать за происходящим.

Человек подошёл к Вивьен. Она облокотилась на стену и посмотрела на него снизу вверх. Её губы начали что-то говорить, но он резким ударом проломил её лицевые кости,

создав жуткую маску, через которую сочилась кровь и вытекали глаза. Хрип вырывался из её глотки, она всё ещё была жива, и он нанёс ещё три удара, полностью проломив череп.

Луна с ужасом смотрела на изуродованное тело сестры в свете фонаря и стоящую рядом фигуру незнакомца. Внутри неё что-то вспыхнуло. Пробудилось с такой силой, что, казалось, тело не выдержит. Гнев, первозданный и яростный, подобно пламени вырвался из глубины и потёк по спине вверх. Сознание озарилось, и мышцы наполнил дикий жар, который вернул ей контроль.

Уна смотрела на это сквозь пластиковые шторы. Для неё происходящее напоминало театр теней, который она с трудом различала в мутном свечении фонарей. Казалось, тень резко развернулась, так внезапно, что колебания воздуха всколыхнули полупрозрачный заслон, через который она наблюдала за представлением. В возникшем хаосе она увидела, как чёрный силуэт метнулся навстречу Луне. Раздались выстрелы. И оба тела рухнули на землю. В возникшей тишине она окончательно утратила ориентиры и провалилась в забытие. Покой, что она ощущала, качал её, словно тёплые океанские волны. Не было больше ни боли, ни беспокойства. Лишь чувство заботы и тишины.

Эта мысль ненадолго пробудила её разум ближе к поверх-

ности. Чьи-то руки выносили её за пределы комнаты пыток. Сквозь заплывшие глаза она различила одну из женщин у стены, вместо лица сочилось кровавое месиво. Второй сестры она не заметила. Она успокоилась и позволила себе отпустить своё цепляние. Она была уверена, что её несёт ангел смерти и что больше ей не нужно ничего бояться.

Она заслужила покой смерти.

Глава 18 - Чёрное солнце

- Лекс -

Лекс наблюдал за движением планеты со стороны. В её вращении ощущалось сознание каждого живого существа. Их эмоции проносились сквозь разум, сливаясь в единый поток, где невозможно было различить, что кому принадлежит — всё воспринималось как единое целое. Будто он сам был разумом планеты, душой всей её экосистемы.

Он не видел этого глазами, но универсальная гармония, с которой двигались тела в Солнечной системе, воспринималась как часть ещё большего организма. Вся вселенная казалась переполненной жизнью, и он находился в самом центре этой мистерии.

Лекс дрейфовал посреди открытого космоса, наблюдая Землю с огромного расстояния. Разум всё сильнее захватывался этим зрелищем, закручиваясь вместе с ней, входя в переживания тех, кто двигался по её поверхности, — в ощущение того, что значит быть Ею. И концентрация поглотила его. Остатки восприятия себя как человека истаяли под давлением ошеломляющего чувства: я — Земля.

Иллюзия пяти органов чувств, казалось, сохранялась. Хо-

тя, возможно, это сознание пыталось интерпретировать совершенно незнакомые грани восприятия через понятные воспоминания. Движение сквозь космос ощущалось как дуновение ветра, тепло Солнца — словно согревающее кожу прикосновение, а миллиарды жизней внутри вызывали чувство материнской заботы.

И всё-таки что-то было не так.

Давление со всех сторон ощущалось как стягивающийся кокон, словно он угодил в сеть, и её нити сжимались всё сильнее с каждым вращением. Он был Землёй — и при этом видел всю перспективу космоса со стороны. Его планетарное тело летело сквозь пустоту, окружённое сияющим щитом из матового стекла, который вращался в противоположную сторону, создавая неприятное чувство — будто его заковали в цепи.

Вокруг щита висели три огромных чёрных куба. Их поверхность почти не отражала солнечный свет, и внешне они могли бы показаться мёртвыми останками древней технологии. Но Лекс явственно ощущал в них жизнь — чуждую, неестественную, не имеющую ничего общего с тем, как он осознавал себя, будучи планетой. Словно паразит, питающийся от носителя, или ядовитый паук — эти объекты оплетали Землю всё более плотным покровом.

Желание вырваться разгоралось внутри, пробуждая яростные энергии из самой глубины. Он ощущал, как гнев превращается в огонь, текущий под поверхностью планеты, как желание сражаться рождает волны землетрясений. Он накапливал силу, чтобы одним ударом разорвать удушающую сеть.

Чем сильнее возрастала его ярость, тем больше солнце начинало темнеть. Из самого центра светила расползлось чёрное пятно, растущее вместе с глубиной его отчаяния. Лекс ощущал, как задыхается в сияющих оковах матового щита, не в силах побороть его железную хватку. Чернота продолжала разрастаться изнутри, пока от солнца не осталось лишь тонкое сияющее кольцо — как во время затмения.

Он заворожённо наблюдал за пугающей красотой этого момента — даже волнение внутри на мгновение исчезло. Кольцо истончалось, и вскоре чернота поглотила солнце целиком, погрузив космос в абсолютный мрак.

Через мгновение свет вспыхнул с новой силой. Ураганный поток частиц мчался навстречу Земле, разрывая барьер на части и разбивая его в пыль, что серебристым туманом сгорала в атмосфере. Три чёрных куба раскалились в неистовом солнечном ветре, пока не были сожжены дотла.

Лексу показалось, что он из последних сил старается посмотреть на светило, преодолевая давление солнечного шторма.

Вместо знакомого солнца сияла огромная чёрная сфера. Это было невозможно объяснить, но свет был именно чёрным — и при этом ослеплял сильнее, чем миллионы обычных звёзд. Посреди солнечной системы теперь находилось не привычное светило, а нечто, напоминающее чёрную дыру со множеством щупалец. Огромные протуберанцы, вдвое превышающие размер прежнего солнца, колебались в холодной пустоте, излучая нестерпимое сияние.

Лекс ощутил долгожданную свободу: больше ничто не сковывало тело, и он снова летел сквозь пустоту, ощущая мягкое прикосновение космоса. Огромное чёрное солнце сияло, накрывая все небесные тела своим штормом. Оно должно было испепелить и его, но почему-то Лекс не чувствовал угрозы. Напротив — ему хотелось благодарить, вступить в контакт, сдаться на милость этой силы.

Внутри всё затряслось. Казалось, содержимое планеты перемещивается, дрожа от накопленного для борьбы импульса. Все вулканы в нём пробудились разом — яростные потоки лавы, мощь тектонических плит, вся стихия пришла в

движение. Казалось, даже сам космос задрожал.

Он ощутил сильнейший взрыв в своих недрах.

Лекс очнулся на полу, ударившись головой о небольшой столик. Вся комната ходила ходуном, и он с трудом подполз к дверному проёму. Шок от слишком резкого пробуждения, казалось, оставил брешь в его подсознании. Сновидение всё ещё разворачивалось в уме, медленно втягиваясь обратно в глубины разума. Он видел катаклизмы, разрушавшие его планетарное тело, и одновременно ощущал мощные толчки под собой — на полу своего отсека. Было невозможно различить, где сон, а где явь: всё, что он чувствовал, — это силу, вырывающуюся на свободу.

Спустя десять минут толчки прекратились. Лекс облокачился о стену и, закрыв глаза, попытался прийти в себя. Таких ярких снов у него не было с самого детства. Тогда они казались просто фантазиями, не более. Но этот сон был иным — настолько реальным, что теперь окружающий мир казался менее настоящим, чем то, что он пережил в космосе.

На внутреннем экране вспыхнуло оповещение:
«Всем операторам немедленно собраться в общем зале.»

Лекс быстро начал одеваться, привычно натягивая уни-

форму. Благодаря традиционной кадарской прагматичности комната не превратилась в хаос после землетрясения. Всё лежало по своим полкам и контейнерам, да и в целом вокруг было не так уж много предметов, чтобы создать беспорядок. Эффективный минимализм идеальной системы. В очередной раз Лекс убеждался, насколько продумана их жизнь — даже в мелочах. Ничего лишнего, никаких отвлечений, только то, что служит прогрессу.

Он выскочил из отсека в коридор и присоединился к группе молодых операторов, двигавшихся организованным потоком. Словно отлаженная машина, внутренний порядок которой не мог расшатать даже катаклизм. Лекс всегда чувствовал себя сильнее, двигаясь вместе с группой. Чувство принадлежности, общей миссии, целеустремлённости и долга давали ему всё, чего только может хотеть человек. Не было ни мгновения, чтобы он ощущал себя потерянным или сомневающимся. Он искренне не понимал, как другие культуры вообще могли выживать без этого.

Войдя в главный зал, участники процессии заполняли пространство согласно своим отрядам и поколениям, к которым принадлежали. Каждый знал своё место — не было нужды отдавать приказы. Система организовывала сама себя.

Через общие коммуникаторы прозвучал голос:

«Сегодня в 6:29 утра были зафиксированы подземные толчки. Очаг находился к юго-востоку от территории Кадар. До конца дня возможны афтершоки. Расписание остаётся неизменным. Готовьтесь к ежедневным занятиям. Свободны.»

Лекс улыбнулся. Он знал, что не было необходимости собираться вот так — любая информация мгновенно поступала во внутренние интерфейсы прямо в мозг. Но в этой традиции было что-то фундаментально правильное: ощущение единства, которое дарит не виртуальный контакт, а живое присутствие. Постоянное напоминание о том, что ты — часть целого, что ты не один.

Он влился в один из потоков, что двигался в сторону крыла подготовки операторов. Сегодня было его семнадцатое погружение, и он ощущал азарт как никогда. Верно говорят: мастерство не знает страха. Он уже настолько освоился с базовыми упражнениями, что мог мгновенно ориентироваться в симуляции. Теперь он не просто перемещался и маневрировал — он мог выполнять сложные манипуляции, вроде атаки или захвата. Лекс явно опережал обычный график, и, к его счастью, это только поощрялось.

Добравшись до операторской, он остановился у двери,

чтобы пройти сканирование. Ум автоматически прокручивал нужные настройки, помогающие лучше ориентироваться в симуляции. Лекс вспоминал прошлый опыт, переходя в особый режим — тот, что позволял ему эффективнее сливаться с боевыми сферами.

«Сканирование завершено...» — прозвучал голос.

«Лекс 5903. Доступ разрешён.»

Он вошёл в помещение и отдался привычной рутине. Было что-то приятное в том, чтобы делать всё по инструкции: стандартные ответы о состоянии, тест активности мозга, калибровка — все эти мелкие процедуры создавали ощущение порядка. Казалось, всё вокруг существует, чтобы помогать ему, а он, самой своей жизнью, помогает Системе. Идеальный цикл.

— Оператор готов?

— Подтверждаю.

Вспышки заполнили сознание, и Лекс спокойно отдался потоку, что выносил его разум из привычного мира. Абсолютная пустота загрузочного режима больше не шокировала — напротив, ему хотелось задержаться здесь подольше,

хотя он и не знал, сколько мгновений на самом деле проводит в этом состоянии. Странно, но он от всех слышал, что эта фаза самая неприятная — так как лишает всех органов чувств, вызывая дестабилизацию разума, но ему почему-то было комфортно в этой бездне.

Первое ощущение, что восприятие возвращается, всегда приходило за мгновение до того, как он реально увидит симуляцию. Словно мозг понимал, что мир уже создан вокруг, но требовалось время, пока сигналы пройдут по всем нейронным путям и сформируют картину реальности. В этот раз было так же — он ощутил, как вокруг него сформировалось пространство, и приготовился сразу же выполнить калибровку на сферу.

Вот только сфер оказалось две.

Вспышка паники и ощущение что он падает вниз и одновременно взлетает раскручиваясь во всех направлениях. Визуальное восприятие накладывалось само на себя создавая такой хаос в разуме что было совершенно не возможно понять куда двигаться. А главное не ясно было чем именно двигать.

Ощущение, которое невозможно описать, к которому нельзя подготовиться: у него было два сферических тела, две

точки визуального восприятия и одно связующее чувство — Я есть. Даже маленьким детям проще осваивать своё неуклюжее тело и неразвитые руки и ноги — ведь у них есть единый центр. Мозг привычно отдаёт сигналы конечностям, и ребёнок учится интерпретировать обратную связь. Но сейчас его тело было распределено в пространстве между двумя объектами. Он знал, что это следующий этап тренировки, но никак не думал, что он наступит без предупреждения.

— *Отпусти контроль,* — слышался голос ассистента.
— *Прекрати пытаться, просто откройся опыту.*

Лекс попытался не пытаться — и мозги окончательно заклинило. Его мотало в разные стороны от любого акта сознания, от любой мысли. Он чувствовал себя словно обезьяна, которая хаотично лупит по сложной приборной панели, пытаясь понять, как управлять этим изощрённым аппаратом.

— *Ощути себя пространством,* — продолжал ассистент.
— *Сферы пребывают в тебе, но ты — не сферы. Ты лишь позволяешь им быть, двигаться, существовать. Почувствуй устойчивость распределённого центра. Просто будь.*

Слова и правда действовали. Лекс так ярко ощутил непоколебимость окружающего пространства, что сферы за-

медлили своё вращение. Он настраивался на голос, звучащий в голове, — ощущая скрытую силу в его вибрациях. Будто ассистент говорил не просто слова, а передавал опыт и тайное знание между звуками.

Сферы замерли. Лекс отпустил контроль и просто пропустил через себя поток восприятия, что пузырился в сознании. Среди привычных ощущений начали проступать новые грани опыта. Когда его разум успокоился, словно водная гладь, он вдруг ощутил, как на этой поверхности начинают отражаться мельчайшие детали восприятия.

Он чувствовал оба тела одновременно. Сферы висели в воздухе и откликались на его разум. Лекс представил, что пытается проморгаться, навести резкость — как делал это в обычном теле. Поток визуальных данных от сфер начал выравниваться, и каждая из них стала ощущаться как левый и правый глаз. Вот только теперь они могли разлетаться в любом направлении.

Ощущение центра сохранялось где-то на глубинном, экзистенциальном уровне, но пространственного центра больше не существовало. Лекса наполнило пьянящее чувство свободы — словно он стал облаком, роем, потоком ветра, который невозможно ограничить или поймать.

Интуитивно пришло осознание, как двигаться дальше. Ему показалось, что именно так и должны жить живые существа — вне единого центра. Это ощущалось настолько естественным, что даже странно было думать о возвращении в физическую оболочку.

— Хорошо. Теперь проведи стандартный захват двумя сферами.

В пространстве появились несколько красных тренировочных сфер. Лекс сразу метнулся к одной из них, чтобы нанести удар обеими своими частями по объекту. Всё произошло почти мгновенно.

— Хорошо. Теперь начинай атаку. Одной сферой уничтожай красные цели, второй — только синие. И постарайся не уничтожить сам себя.

Лекс хотел было спросить, что означало это предупреждение, но пространство заполнили десятки разноцветных объектов, закружившихся, как пчелиный рой — то рассредоточиваясь, то собираясь в единый ком. Он пытался понять, как ощущает обе свои части, но было трудно сказать, какая из них левая, а какая правая. Без привычных ориентиров оставалось лишь полагаться на интуицию — на неясное чувство различия между ними.

Боевой азарт захватил его целиком.

Он разлетелся обеими частями в разные стороны, заходя на рой с флангов, и начал прицельно уничтожать объекты. Какое-то время они держались единым комом, облегчая задачу, но стоило подлететь ближе — и они разлетелись подобно взрыву. Несколько сфер ударили прямо по нему, вызвав новую волну хаотичных вращений.

Лекс быстро восстанавливал ориентацию в пространстве, но удары приносили по-настоящему неприятные ощущения. Это не была физическая боль — скорее микросотрясение, дезориентация, от которой его казалось даже тошнило.

Он начал маневрировать на пределе возможного. Теперь весь рой охотился за ним — десятки объектов неслись, словно дроны-камикадзе. Он пропустил ещё несколько столкновений. Станным образом это истощало: Лекс впервые поймал себя на мысли, что его ресурс не бесконечен и он не сможет выдерживать эти удары долго. Страх и желание выжить придали уму остроты. Он сблизил обе свои части и начал двигаться параллельно — как двойная турель.

— Не упрощай задачу, не пытайся сформировать чёткую структуру. Научись управлять каждой частью от-

дельно. Сформируй два сознания.

Дроны, подобно пчелиному рою, устремились прямо между его сферами. Лекс уклонился, но ему пришлось разбить свой боевой порядок — всё снова закрутилось в хаосе. Каждую сферу окружали десятки объектов: они давили, пытались оттеснить и развести его на максимальное расстояние. Когда удары приходились по одной из его частей, он терял ориентацию на другой.

Лекс снова отпустил ментальный контроль и постарался двигаться интуитивно — реагировать на происходящее, позволять бою просто течь, будто понимание необходимых действий уже было зашито в его уме.

И это сработало. Обе его части начали прицельно выносить один дрон за другим, чётко следуя цветовой схеме. Он больше не пытался сближаться или выполнять сложные манёвры — теперь он действительно мог действовать обеими сферами совершенно асинхронно. Они жили своей жизнью, словно у него было два автономных сознания.

И всё же где-то глубоко сохранялось нечто общее — центр восприятия, чувство пространства, объединяющее их. Похоже, у него впервые начинало получаться.

Дроны сжались в плотный комок и начали метаться между его частями, заставляя вести непрерывный огонь. Он так увлёкся уничтожением, что не заметил, как они, выстроившись прямо между сферами, резко разошлись, подставив его под перекрёстный огонь. Несколько снарядов пролетело мимо объектов и врезалось прямо в него.

Внутри словно ударили в колокол — вибрация прошла сквозь всё существо, сотрясая восприятие и вышвыривая обратно в черноту загрузочного режима. Вот только привычного покоя здесь больше не было. Даже в этой бездне, где не существовало ни формы, ни звука, сохранялось неприятное послевкусие виртуальной смерти — будто что-то кислое стояло во рту, а голова гудела металлическим звоном. По крайней мере, так его разум пытался интерпретировать эти переживания.

Он ощутил свет, пробивающийся сквозь веки. Они неприятно дрожали и с трудом поддавались контролю. Тело было тяжёлым, как мешок, и казалось, оно вот-вот стечёт с кресла на пол. Ему что-то говорили, но звуки пробивались, как сквозь толщу воды. В глаза ударил луч фонаря, и он нехотя вынырнул из подсознания.

— *Оператор... назовите своё имя,* — настойчиво повторял голос. — *Назовите своё имя.*

— Л... лекс... м-м-м... пять... девять... ноль три. Лекс пять девять ноль три.

— Смотрите на свет. Следите за движением фонаря. Назовите год и дату.

— Сто девятый... сто девятый год от Исхода. Шестое мая. Это моё семнадцатое погружение. Я в операторской.

Ассистент улыбнулся и начал отстёгивать его от кресла.

— Хорошо тебя приложило. Говорил же — не задень себя. Эх... никто никогда не слушает. Хоть бы один прошёл эту фазу, не поджарив себе мозги.

— Почему я себя так ощущаю?— с трудом проговорил Лекс. — Это же просто симуляция.

— Ты вообще читал отчёты?— удивился ассистент. — Ты же знаешь, что есть отдача во время боя, даже в симуляции.

— Да, но там просто сказано, что может быть отдача. Там не говорится, что тебя как будто в мясорубке прокрутили.

— Ха-ха... подразумевается, что невозможно объяснить чужой опыт словами — его нужно пережить. А потому совсем не по-кадарски тратить буквы на бесполезные вещи. Ты же понимаешь.

Лекс с трудом улыбнулся и попытался подняться. Симптомы, хоть и были крайне неприятными, но проходили достаточно быстро. Уже через несколько минут он чувствовал себя в норме.

— А в реальном бою такие же ощущения от уничтожения частей?— спросил Лекс.

— Как я уже говорил, чужой опыт словами не объяснить — это нужно пережить. А я, как ты понимаешь, не оператор. Я читал их отчёты, и, конечно, их описания очень похожи, но я бы не советовал тратить на это время. Сосредоточься на обучении — и сам всё поймёшь. Может, тебе будет легче переживать разрушение роя, а может, наоборот, сложнее. Так что не думай об этом слишком уж много.

Лекс традиционно ударил кулаком в грудь в знак послушания и вышел из операторской. В голове крутились воспоминания о пережитом опыте. Он уже научился выносить крупницы воспоминаний в этот мир и сейчас с предельной кон-

центрацией старался удержать в голове отпечаток восприятия жизни в распределённом теле.

Неуловимое пограничное чувство удерживалось на поверхности сознания, совмещаясь с ощущением физической оболочки, что двигалась по коридору. Это было настолько необычно, что в теле возникла дрожь. Он вспомнил магистров и вообразил, что, возможно, именно так они себя и ощущают — непрерывно контролируя физические сферы и собственное тело. Они всё время живут в этом состоянии.

Лекс попытался вообразить себя мастером — магистром, в окружении девяти сфер совершенства. Он визуализировал, как они величественно пролетают вокруг, образуя ореол силы. В его воображении он стоял посреди поля боя, одновременно управляя десятками боевых дронов, ощущая каждый из них как частичку себя.

Он настолько погрузился в видение, что не заметил, как остановился посреди коридора, закатив глаза. Фантазия стремительно нарастала — краски становились ослепительно яркими, ощущения реальными, и по коже пробежали волны мурашек. Казалось, он действительно переместился в иной мир. Лекс видел себя стоящим на передовой, управляя роем боевых машин, но видел это будто со стороны — словно фильм.

Он поднял взгляд — и в небе сверкало чёрное солнце с гигантскими щупальцами протуберанцев. Стоило ему взглянуть на него, как всё вокруг поблёкло, а солнце приблизилось почти вплотную.

Он висел в пространстве маленькой беззащитной фигуркой из плоти и крови, и смотрел на гигантскую чёрную звезду. Вибрации, исходившие от неё, проникали в самое сердце его существа, пронизывая на атомарном уровне. Она говорила с ним. Но это были не слова.

Лекс интуитивно понял: его разум не выдержал бы голос этого существа, если бы оно решило проявить себя прямо. Поэтому оно посылало мягкие волны — едва ощутимые колебания, наполнявшие его ощущением, будто все ответы уже существуют в нём. Их нужно лишь осознать и распаковать внутри. Он — проводник. Пустой сосуд, сквозь который свет может прийти в этот мир.

Разум был полностью остановлен. Мысли не двигались — прикованные к ощущению бесконечного величия, исходящему от Чёрного Солнца. Это чувство заполняло его до краёв, до предела возможного. Казалось, можно было умереть в этот момент без сожалений. Лексу страстно захотелось войти в самый центр светила — сгореть без остатка, раствориться

в его мощи, стать частью этого вечного сияния.

Один из протуберанцев хлестнул его, как плетью, выбросив обратно в реальный мир.

Он приходил в себя. Вокруг суетились двое студентов, почти его возраста. Они возбуждённо махали руками, пытаясь объяснить что-то одному из медиков, а рядом, в молчаливом величии, возвышался магистр Кейден. Лекс, всё ещё ощущая слабость, попытался коснуться кулаком груди в знак почтения, но всё, что он смог, — это вяло улыбнуться.

Его переложили на носилки и повезли куда-то по коридору. Сознание словно не хотело возвращаться полностью в тело. Он ощущал лёгкость, сквозь туманную дымку осознавал всё, что происходило, и заворожённо наблюдал, как проносились лампы на потолке, пока они ехали куда-то. Было не важно, на чём концентрироваться — ему просто хотелось Быть: не принимая ни реальность физического мира, ни мир своих грёз, а просто плыть между мирами.

Глава 19 - Голос

- *Голос* -

Двери медблока распахнулись, и Лиам вышел на освещённую солнцем поляну. Глаза болезненно щурились после трёх недель, проведённых в помещении, но тело испытывало настоящее блаженство. Каждая пора кожи будто раскрывалась, как цветок, впитывая влагу из воздуха и всю милость солнечного тепла. Он ввинчивался босыми ногами в мягкую почву, ощущая прохладное дыхание ветра. Чувства обострились до предела — казалось, он различает все ароматы цветов, что носились в воздухе. Жизнь никогда не была такой насыщенной, как сейчас.

— *Как себя чувствуешь?*— сказала Сара.

— *Живым!*— улыбнулся он.

— *Есть ли что-то необычное в теле или сознании?*— уточнил Джейк.

— *Нет,*— ответил Лиам. — *Но я чувствую себя невероятно живым. Ощущения... они просто запредельно яркие. Мне кажется, я могу различать тончайшие запахи и словно... словно знаю, каково это — быть этим местом. Хех...*

глупость, конечно, но будто я ощущаю сознание всех цветов вокруг и самого этого поля.

— Мне вовсе не кажется это глупым, мой друг,— улыбнулся Джейк. — Учитывая всё, что ты пережил, я думаю, мы увидим куда более любопытные изменения. И довольно скоро.

— Может быть,— спокойно произнёс Лиам. — Сейчас я просто рад быть снаружи. Не хочу больше сидеть в помещении.

— Мы же не будем снова изолировать его?— с надеждой произнесла Сара.

Анна и Джейк переглянулись.

— Мы считаем, в этом нет необходимости,— сказала Анна. — Лиам стабилен, и те образцы Аномалии, что находятся в нём, не проявляют никакой агрессивной активности.

— Будет лучше наблюдать тебя, так сказать, в естественной среде обитания,— усмехнулся Джейк.

— Хех... я согласен,— ответил Лиам. — Жаль только,

воспоминания так и не вернулись. Я вас будто знаю, но... при этом совсем не помню.

— *Считай, что мы познакомились заново,*— сказал Джейк.

— *Мама, ты не возмёшь Лиаму на прогулку?*— предложила Анна. — *Ему будет полезно осмотреть лагерь, может, это напомнит ему о прошлом.*

Сара охотно закивала и повела его в сторону реки.

— *Ты всё ещё думаешь, что это была хорошая идея?*— спросила Анна.

— *Смотри, как он ожил,*— сказал Джейк. — *Думаю, если мы создадим условия для роста, образец проявится сильнее, а нам нужны данные, как ты понимаешь. При всей моей любви к контролю над экспериментом боюсь, это не тот случай, когда нужно ограничиваться лабораторией.*

— *Надеюсь, ты прав,*— задумчиво произнесла Анна. — *Но я не понимаю, как нам его спровоцировать. Мы не можем просто ждать, пока он будет наслаждаться прогулками и свежим воздухом.*

— А мы и не будем, Анна. Как только Сара успокоится
— я поведу его в зону.

— Ты с ума сошёл? Ты же не всерьёз? Ты погибнешь!

— Ну прекрати. Не веди себя как мать. Я же не собираюсь переходить границу леса. Мы зайдём слегка вглубь, где ещё есть живые корни. Я почему-то уверен — они на него среагируют. Не знаю правда как, но я точно буду рядом, когда это случится.

Лиам сидел у реки, наблюдая за её ровным течением. Шум воды мягко окутывал его, принося глубокий покой и полностью останавливал мысли — словно ничего, кроме этих звуков, больше не существовало.

— Ты часто сидел здесь с Ребеккой, — печально произнесла Сара. — Это было ваше самое любимое место во всём лагере. Порой вы проводили здесь по несколько часов... и я завидовала тебе.

— Почему?

— Вы были слишком счастливы. Просто подходили друг другу — безо всяких усилий. В то время, как я сражалась за свой брак.

— Прости.

— Ты не виноват,— сказала Сара. — Я сама всё разрушила. Я так старалась сделать всё правильно. Но в итоге не сохранила нормальных отношений ни с дочкой, ни с Джейком. Видимо, слишком старалась.

— Как она умерла?

— Долго болела. Джейк пытался её спасти — правда пытался. Они решились на сложную операцию, но даже вместе с Анной им не удалось ей помочь. Она умерла прямо в операционной.

— И как это на меня повлияло?

— Эх... Ты отстранился, Лиам. Ты от всех нас отстранился. Сидел часами в своей лаборатории, экспериментировал с чем-то... А через два месяца просто исчез. Мы поняли, что ты ушёл в Зону, только когда обнаружили пропажу масок, еды и снаряжения. Пытались искать следы, даже заходили насколько могли в лес, но... поняли, что ты пересёк границу. А значит, не вернёшься.

Лиам замолчал, наблюдая за течением воды. Сара смот-

рела на него с удивлением. В лучах полуденного солнца его узоры едва заметно поблёскивали — словно крошечные светящиеся частицы выступали прямо на поверхности кожи.

— *Можно прикоснуться?* — тихо спросила Сара.

Лиам кивнул, и она осторожно коснулась рисунка вокруг глаз, бережно проводя пальцами от ресниц к вискам.

— *Как они ощущаются?*

— *Представь, что ты чувствовала бы движение крови в венах. Вот что-то вроде того. Как будто медленно ползущий поток. Но довольно приятный. Хотя нет... не кровь. Скорее сок, текущий по стволу дерева... Хехе... Прости, у меня в последнее время всё ассоциируется с природой.*

— *Нет-нет, это красиво! Я поняла.*

— *Как думаешь, что я теперь должен делать?* — спросил Лиам.

— *В смысле?*

— *Ну, я же вернулся. Хотя и не помню ничего о себе. Мне больше некуда идти. Я хочу быть полезным, существовать*

для чего-то. Но во мне нет прежних знаний, какими бы они ни были. Я не смогу делать то, что делал раньше.

— Аа... ты об этом. Помоги Анне и Джейку. Они умные, они разберутся, как тебе помочь. Может, так ты снова найдёшь своё место. Лично мне достаточно, чтобы ты просто был рядом. Мне больше ничего не нужно. Я просто хочу, чтобы ты был счастлив.

Сара взяла его за руку и положила голову на плечо. Они больше не разговаривали. Течение реки успокаивало ум, отвлекало от необходимости делать выбор, решать, кто ты есть в этом мире, и вообще принимать какую-либо форму. Вслушиваясь в её шелест, можно было просто быть — изменяться каждую секунду, подобно воде, и при этом оставаться цельным. Утраченная мудрость природы, которую люди перестали замечать, провозгласив себя хозяевами Земли.

«Самар...»

Шёпот прозвучал из глубины разума. Яркий образ долины, окружённой чёрными скалами, вспыхнул в сознании Лиамы — и тут же исчез. Он вздрогнул, но быстро взял себя в руки, прижимая Сару ближе, стараясь подарить ей то чувство заботы, в котором она, похоже, отчаянно нуждалась.

«Вспомни...»

Новая вспышка проявила из пустоты образ огромной ямы, что находилась в самом сердце долины. Образ возник лишь на секунду и сразу погас, как картинка, выхваченная вспышкой молнии. Но в оставшейся темноте ощущалось дыхание той бездны, что копошилась в глубине провала. Странное чувство поднималось внутри — будто он должен что-то сделать, будто она терпеливо ждёт его полной и безусловной капитуляции.

— Извини, — сказал Лиам. — Я вижу, как ты пытаешься уберечь меня от всего. И ты, похоже, хорошая сестра. Но я должен что-то сделать. Я должен понять, кто я и что со мной произошло.

— Что ты решил?

— Как ты и сказала, я помогу Джейку. Похоже, у него есть какой-то план, а мне нужно чем-то себя занять. Я не могу просто ждать, пока память вернётся.

— Хорошо.

Она напоследок прижалась к плечу, обняла его руку и постаралась сжать так крепко, как только сможет. Ей вновь за-

хотелось быть сильной ради него. Если он готов продолжать бороться, то и она сможет. В конце концов, у неё ещё оставались обязанности по защите лагеря. Какой бы мирной ни казалась их жизнь — этот мир не прощал ошибок и невнимательности. Лагерь всегда оставался под пристальным вниманием.

— *Иди,* — кивнула Сара.

Лиам ещё раз посмотрел на реку и её безмятежное течение. Захотелось прыгнуть и раствориться в её водах, быть унесённым потоком, разъятым на тысячи фрагментов, что осели бы на дне и проросли новыми ростками жизни. Странное ощущение единства во множественности — себя в других.

«*Голос...*»

Новая вспышка возникла прямо из глубины того провала, что он видел в видениях. Шёпот, исходящий из бездны, пробирал до костей. Но вместо страха он вызывал странное чувство любви — безумное ощущение, будто родная мать желает позаботиться о тебе, нежно прижать и провести ладонями по коже. Вот только ощущал он это на уровне костей — словно невидимые пальцы скользили под мышцами, проникали в нервы и костный мозг, желая занять даже межклеточ-

ное пространство.

Он напряг лицо так, что свело скулы, а затем резко расслабился. Желание действовать пробуждалось внутри. Он больше не хотел быть листком, несомым волнами судьбы — он хотел сам стать потоком, что прокладывает новые русла. Даже если прошлое ушло навсегда, будущее потребует от него полной отдачи.

Он зашагал прочь, сосредотачиваясь на опыте всех пяти чувств, укореняя своё присутствие в этом моменте, чтобы не дать видениям утащить разум в глубины подсознания. Он чувствовал, что нужен здесь, что действительно может помочь — и это придавало смысл его новой жизни.

Лиам обнаружил Джейка в лаборатории. Он увлечённо изучал что-то в микроскоп и не заметил, как тот вошёл в помещение.

— *Ты правда знаешь, что нужно делать?*— спросил Лиам.

Джейк удивлённо обернулся и, казалось, всерьёз задумался над его словами.

— *Смотря что ты хочешь,*— сказал Джейк.

— Я хочу понять. Вспомнить, если получится. Но как минимум — хочу узнать, что со мной произошло и продолжает происходить.

— Ммм... это может потребовать довольно решительных мер,— задумчиво произнёс Джейк. — Я имею в виду, если ты действительно хочешь получить результат быстро, а не ждать, пока пройдут годы и память сама восстановится.

— Ты знаешь, что делать, или нет?

Джейк испытующе смотрел ему прямо в глаза. В сознании проносились варианты тестов, протоколы испытаний, самые радикальные идеи, какие только можно было реализовать на нём. Но сильнее всего внутри звучала радость — детская, шумная, озорная радость от того, что ему наконец развязывают руки. Не нужно ни выдумывать, ни прятаться — он сам просит об этом. Если это не судьба, в которую Джейк никогда не верил, то чертовски хорошая пародия на неё.

— Есть одна идея,— сдерживая улыбку произнёс Джейк. — Но... скажем так, есть некоторый, непрогнозируемый риск. И я не могу заставить тебя его принять. Ты дол...

— *Я согласен!*— перебил его Лиам.

Лицо Джейка аж свело от растянувшейся до ушей улыбки, он вообще перестал себя контролировать. Подскочил, как ребёнок перед долгожданным подарком, чтобы как можно бережнее уложить Лиама на кушетку. Он позаботился, чтобы подушка была мягче, чтобы ничто не сковывало движений — укладывал его так, как сервируют стол, внимательно следя за каждой складкой на ослепительно белых скатертях.

Внутри всё дрожало от предвкушения и любопытства.

— *Что мне нужно делать?*— спросил Лиам.

Джейк сосредоточенно достал металлическую ампулу и начал готовить радужный порошок. Его взгляд стал собранным — он полностью переходил в рабочий режим. Мгновения мальчишеского азарта уступали место холодному катку многолетнего опыта, что подавлял любые эмоции, как мешающий шум. Ничто не должно было отвлекать его от чистоты эксперимента.

— *Просто расслабиться, мой друг. И постараться как можно тщательнее запомнить всё, что с тобой будет происходить. Если сможешь говорить вслух о своих ощущениях — хорошо. Если нет, хотя бы запомни как можно больше.*

— Что это за вещество?

— Это образцы пыльцы, которые мы получаем через довольно сложную экстракцию из тех корней, что ещё тянутся возле границы леса. Но они очень слабые, и приходится искусственно их концентрировать. Они как мёртвая плоть Аномалии, что несёт в себе её отпечаток. Поэтому я думаю, те живые части, что есть в твоём теле, среагируют на неё.

— А ты уверен, что это то, что нам нужно?— спросил Лиам.

— Что ты имеешь в виду?— удивился Джейк.

— Мы точно хотим заставить её реагировать? Я только и слышу от вас, что Зона убивала людей десятилетиями. Что туда нельзя попасть, что Аномалия опасна и непредсказуема. Вдруг ты активизируешь её настолько, что даже её фрагменты проявят те же свойства? Здесь... в лагере.

— Как я и сказал,— улыбнулся Джейк, — есть некоторый непрогнозируемый риск.

Лиам откинулся на кушетку, демонстрируя полную сдачу.

Он устал гадать и сомневаться. Мысль о возможном разрушении тела, о смерти, не причиняла такого уж сильного беспокойства. Где-то она даже воспринималась как возможное избавление от той неизвестности, что скреблась внутри черепа. Проще было не существовать вовсе, чем не понимать, кто ты и зачем пришёл в этот мир.

Джейк сделал инъекцию, включил камеры с трёх разных ракурсов и отошёл на пару метров, готовясь не упустить ни единой секунды.

Веки Лиам задрожали. Глаза закатились вверх, словно он пытался заглянуть себе в голову, а пальцы скрючило так, будто тело готовилось свернуться само в себя. Однако через минуту припадок прекратился.

Джейк разочарованно вытянулся на стуле. Не было ни конвульсий, ни попыток описать происходящее — Лиам просто лежал, еле заметно дыша; даже его зрачки под веками не шевелились. Желание не вмешиваться, сохранить чистоту эксперимента, с трудом удерживалось под натиском волн нарастающего нетерпения. С каждой минутой, протекавшей в тишине, они накатывали на твердыню его научных убеждений, требуя поторопить процесс, создать иллюзию прогресса и устремиться к новым открытиям. Но ничего не происходило.

В голове проносились сомнения о дозировке — о том, что, возможно, образец окреп настолько, что ему не удастся повторить результат, которого он добился в самом начале. Глаза то и дело косились на скальпель, вызвавший столь бурную реакцию в прошлый раз.

— *Лиам,* — не выдержал Джейк. — *Ты слышишь меня? Можешь что-то описать?*

Его слова достигали слухового нерва, проходили сквозь мозг, возбуждая восприятие, но разум Лиама больше не воспринимал этот мир. То, что ещё недавно казалось ему собой, плыло по какой-то огромной реке, разлившейся от горизонта до горизонта. Течение мягко несло его вперёд, создавая ощущение заботы, приятного тепла и странного внимания — словно кто-то наблюдал за ним из глубины.

Блаженство распространялось по телу, хотя он и не мог ощутить своих рук и ног. Он вообще не ощущал себя какой-либо оболочкой — скорее точкой присутствия, соединённой со всем, что его окружало.

Вибрация распространилась по поверхности воды, и в ней отчётливо ощущалась чья-то воля. Вода ритмично подрагивала, передавая сигналы, которые сознание интерпретирова-

ло в виде ярких видений.

Он увидел Ребекку, лежащую рядом. Его руки обнимали её, а лицо прижималось к груди, желая раствориться в её бесконечной любви и той нежности, что она всегда ему дарила. Ей невозможно было надышаться, и он пытался запомнить каждое ощущение, которое только мог впитать: текстуру её кожи, что шелестела бархатом под пальцами, мягкие вибрации голоса, что успокаивали его. Она была такой яркой в это мгновение, что в него хотелось вернуться — и остаться навсегда.

— *Вспомни...* — прошептала Ребекка.

Он заглянул ей в глаза — и не увидел своего отражения. Два расширенных зрачка казались зеркалами, что не отражали свет, а лишь впитывали всё, что могли увидеть. Он ощутил, как они затягивают его внимание, не дают отвернуть голову, не позволяют даже помыслить о чём-либо. Его влекло к ней каким-то противоестественным образом. Он инстинктивно приблизился, чтобы поцеловать её, но вместо этого просто прижался лбом, глядя в две бездонные пропасти, что смотрели на него.

— *Прими нас...* — прозвучало прямо в его голове.

Ребекка обхватила его руками и ногами, притягивая всё ближе к себе. Она смотрела на него, не мигая, и медленно открывала рот, из которого прорастали свежие корни. Тончайшие ростки тянулись к нему, как растения к солнечному свету.

— *Впусти меня...*

Лиам смотрел в её бездонные чёрные глаза, не чувствуя ни удивления, ни страха. Желание никогда больше её не терять, сохранить в себе — такой яркой, как только сможет — наполняло его. Это было больше, чем просто воспоминание: это была его память, оживлённая силой Зоны. Он вспоминал невыносимую тоску по ней и то отчаяние, с которым шагнул за запретный рубеж. Он больше не хотел испытывать это снова — и поцеловал её в последний раз.

Корни устремились прямо ему в глотку, оплетая зубы и язык. Они проникали сквозь ткани, проходя в мозг и позвоночник. Вместо боли он ощущал, будто его сознание соединяется с разумом Ребекки, с её памятью о нём — и формирует новое существо, в котором больше нет различия между ним и ею. Вместе с ней вливалось что-то ещё, что-то настолько глубокое и древнее, что сознание отказывалось это интерпретировать. Он ощущал, что в его разуме просто нет нужных категорий, чтобы выразить ту память и те пережи-

вания, что передавались ему.

— *Что ты такое?*— спросил Лиам из глубины сознания.

— *Единое...*— возникла ответная вибрация. — *Самар.*

— *Не понимаю...*

— *Мать. Сущее. Самар.*

Корни проникли сквозь всё его тело и больше не выходили из Ребекки. Он вынырнул из глубин подсознания и понял, что его глаза всё это время были открыты, но он не воспринимал того, что видел. Ребекка лежала перед ним полностью высушенная, как старое дерево. Кожа сжалась, становясь похожей на потемневшую кору. Из двух провалов глаз распустились белые цветы. По её коже повсюду пробивались крошечные зелёные ростки, что подрагивали от малейшего дуновения ветра. Она проросла новой жизнью, целиком отдав себя ему — бесконечный цикл жизни и самопожертвования.

Лиам отбросило обратно в видение текущей реки. Он плыл в бесконечной дымке, лежа на поверхности. Всё ещё не ощущая собственного тела, ему казалось, что он — просто сфера сознания, движущаяся по воле течений. В глуби-

не под ним по-прежнему ощущалось чьё-то присутствие — настолько древнее, что человеческий разум был не способен вместить его. Из тёмных вод поднимались чёрные щупальца, мягко оплетая его со всех сторон. Их нежность и бережное касание внушали скорее чувство безопасности, чем страх. Он полностью сдался на их милость. Больше не было смысла бороться.

— *Я согласен... Я принимаю тебя...*

Вибрация распространилась от него, как ударная волна, создавая рябь на водной поверхности — от горизонта до горизонта. Река завибрировала в ответ сотней тысяч разных голосов. Щупальца подняли его над водой, оплели разум ещё плотнее и с чудовищной силой втянули под воду. Раздался хлопок — вода расступилась от удара, и Лиам видел, как водная толща запечатывает его, пока он погружался всё глубже и глубже в пучину.

— *ЛИАМ! ЛИАМ!* — Джейк кричал изо всех сил, хлопая его по щекам.

— *Вкалывай стимулятор, скорее!* — закричала Анна.

Она бросила ему инъектор, и Джейк резко вонзил его в бедро. Тело Лиамы содрогалось в конвульсиях, покрываясь

липким потом. Глаза то открывались, то закрывались, демонстрируя бешено вращающийся зрачок. Пальцы периодически сводило судорогой, затем разжимало обратно, а грудь выгибалась в неестественном прогибе — словно от удара током.

Анна и Джейк стояли в ужасе, наблюдая эту картину, осознавая своё полное бессилие и отсутствие каких-либо теорий. Всё, что происходило, было за гранью их понимания, и они оба ощущали горький привкус неизвестности, которая раскрывалась перед ними. То, что они так стремились контролировать, следовало своему собственному плану — и они не могли понять, являются ли они наблюдателями или пешками в этой нечеловеческой игре, которую сами затеяли с Зоной.

Лиам резко остановился. Тело полностью расслабилось и вытянулось на кушетке. Дыхание вновь стало глубоким и размеренным, а глаза медленно открывались. Анна и Джейк, казалось, забыли, как дышать. Они смотрели на него, раскрыв рты, сами не зная, что им сейчас нужно делать.

— *Ты пытался спасти её,* — тихо произнёс Лиам. — *Вы оба пытались.*

Анна и Джейк переглянулись.

— Ребекка,— продолжал Лиам. — Она лежала на столе, держа тебя за руку. Говорила, что ты не можешь допустить, чтобы я видел её страдания, чтобы всё стало ещё хуже. Она просила тебя о смерти — если твои попытки спасти её провалятся. Она просила тебя о сострадании.

Слеза скатилась по щеке Анны, губы задрожали. Джейк несколько раз сглотнул и начал нервно моргать, пытаясь подобрать нужные слова.

— Тебе Сара сказала, что мы лечили её?— спросил Джейк.

— Нет,— ответил Лиам. — Я помню это. Я был там.

— Я... я не понимаю.

— Я видел это её глазами. Я ощущал её мольбу к тебе. Она хотела умереть, и ты подарил ей покой. Спасибо тебе.

Анна разрыдалась и выбежала наружу. Её всю трясло, и она едва передвигала ноги. Джейк сел на стул, уставившись взглядом в землю, и дрожащими руками попытался открыть свою коробочку, но выронил её.

Ягоды рассыпались по полу, а он растерянно смотрел в

пустоту.

— *Мы никому не говорили,* — смущённо произнёс Джейк.
— *Никто, кроме меня и Анны, не знал, что мы сделали. Я пытался её спасти, мы оба пытались, но было ясно, что болезнь продолжится после операции. Она боялась, что это разрушит тебя, если ты будешь видеть, как она страдает. Я... я не знаю, почему согласился. Просто... просто не смог сказать «нет».*

— *Она была благодарна тебе до самой последней секунды,* — сказал Лиам. — *Ты освободил её из той клетки боли, в которой она жила. Спасибо.*

— *Но как?!* — слёзы потекли по его щеке. — *Как ты можешь это знать?*

— *Зона подарила мне её воспоминания. А также — тысячи других. Теперь я вижу.*

— *Видишь что?*

— *Правду... Мы все утратили связь. Пора её восстановить.*

— *Лиам, я не понимаю, как ты можешь знать то, что*

знаешь. И прости, но ты говоришь загадками.

— Лиам больше нет,— сказал он. — Лиам так и не вернулся из той долины. Он был лишь коконом воспоминаний, послужившим рождению новой жизни.

— И ты — эта «новая жизнь»?

— Я её Голос.

Глава 20 - Семья

- Путник -

Вивьен бежала по коридору старинного дома. Глаза бешено метались, заглядывая в комнаты, что встречались на пути. Луна не поспевала — она хваталась то за ночнушку, то за руку сестры, изо всех сил стараясь не отставать.

— *Скорее, Луна... сюда!*

Они забежали в большой обеденный зал на втором этаже семейного особняка. Вивьен пронеслась ураганом по комнате, дёргая все доступные ручки на комодах и шкафчиках, пока не наткнулась на большой короб с грязными простынями.

— *Залезай! Быстрее!*

Они забрались в большой короб, завалив себя сверху грязным бельём и завернулись в простыни. Сквозь ткань и решётку пробивался свет, и они могли различить очертания предметов. Вивьен старалась не шевелиться, выравнивая дыхание и всё крепче прижимая сестру к себе.

Снизу нарастал звук шагов. Они медленно приближались, сжимая сердца девочек с каждым тяжёлым ударом.

— *Лу-у-у-на...* — протянул мужской голос. — *Я всё равно тебя найду-у-у-у...*

Вивьен крепче прижала к себе сестру и зажала ей рот.

Звуки шагов слышались рядом с дверью. Мужчина вошёл в помещение и замер. Вивьен видела его очертания, пробивавшиеся сквозь ткань, и изо всех сил старалась не двигаться.

— *Луна. У меня для тебя подарок. Не прячься. Если ты выйдешь — я не накажу тебя.*

Шаги приблизились к коробу с бельём. Девочки смотрели на ноги мужчины, который стоял прямо перед ними. Казалось, их трясёт так, что это невозможно скрыть. Сознание прокручивало собственную поимку каждую секунду, и от этой мысли было не скрыться — она вгрызалась в мозг, как пила.

— *АГА!* — выкрикнул мужчина.

Он резко присел и с силой распахнул створки комода. Дверцы ударились о стоящий рядом металлический столик, создавая гулкий звон. В этом звуке успели укрыться два по-

чти вырвавшихся писка, которые они с трудом задавили в груди.

Комод смотрел на мужчину грудой пустых тарелок и стаканов. Он глубоко вздохнул и открыл кран. Девочки дрожали, как листья на ветру, находясь всего в метре от него. Они слышали, как он умывает лицо, тщательно моет руки с мылом — до блеска. Стандартный ритуал очищения, прежде чем сделать что-то по-настоящему грязное. Воспоминания копошились в их маленьких головах, как остроносые черви, причиняя почти физическую боль от тех картин, что они были вынуждены носить в себе.

Он выключил воду. Тщательно вытер руки новым полотенцем и кинул его прямо на сестёр. Они вздрогнули — так сильно и так резко, что казалось, теперь уж точно не осталось ни единого шанса, что он их не заметил.

Но он не заметил. Они слышали звук открывающейся бутылки и плеск алкоголя, льющегося в гранёный стакан. Мужчина сел на стул прямо рядом с коробом и начал пить. Он не говорил ни слова, почти не издавал звуков — лишь глухой стук стакана нарушал тревожное спокойствие этого момента.

Луна с ужасом повернула голову к сестре. Она смотрела на неё с осознанием неизбежности того, что должно про-

изойти, и страхом, что вот-вот подведёт их обоих. Слезы потекли по её щекам — такие горячие, что сердце Вивьен сжалось от боли, от невозможности по-настоящему защитить сестру от этого тирана. Луна зажмурилась от стыда и страха — и начала писать под себя. Она больше не могла контролировать тело. Сердце Вивьен задрожало, как пойманная в сеть маленькая птичка. Оно было готово взорваться в этот момент.

Мужчина сидел молчаливо, отмеряя время ударами стакана о стол. Ритм не менялся на протяжении почти десяти минут, но сейчас он вдруг остановился. Абсолютная тишина повисла тяжёлым саваном в пространстве. Вивьен смотрела, не моргая, перед собой, различая текстуру ткани. Мозг пытался схлопнуться, отключиться — лишь бы не видеть то, что сейчас произойдёт.

— *КАКОГО ЧЁРТА!*— закричал мужчина. — *ЧТО ЗА МЕРЗОСТЬ!*

Он вскочил, метнув стакан в стену и опрокидывая стол ногой. Грохот ломающейся мебели, топот его ног и крики создали почти опьяняющий эффект на Вивьен. Она была уверена, что теряет сознание: тело ощущалось словно наполненное ватой, будто в нём не осталось ни единой косточки, а мышцы вялые, как плохо сваренное желе. Сильный удар но-

гой пришёлся в стенку короба. Решётка проломилась, прорвав острым концом ткань, что укрывала сестёр. Сквозь дыру виднелись глаза Луны — переполненные ужасом.

— *СИЛЬВИЯ! ПРИСЛУГА! Что вы тут за помойку развели? Постирайте бельё — от него несёт. Я вас всех уволю к чёртовой матери!*

Он с отвращением подошёл к двери и хлопнул изо всех сил. Звук удара вырвал Луну из глубокого сна. Она резко очнулась, пристёгнутая множеством ремней. Боль в голове была нестерпимой, и она закричала во всё горло.

— *Тише, девочка, тише,* — прозвучало рядом с ней.

На неё смотрел мужчина лет пятидесяти — с доброй улыбкой и глазами, полными нежной заботы. Его неаккуратная бородка была подпалена чем-то, и он осторожно протирал её лоб холодной тряпкой.

— *Успокойся, успокойся,* — прошептал он. — *Ты в безопасности. Я тебя подлатал, птичка.*

Она нервно выдохнула, и слёзы потекли из единственного глаза. Луна смотрела на него и рыдала с такой силой, что казалось — слёзы вот-вот прожгут кресло. Горечь и боль были

не сравнимы ни с чем, что ей доводилось испытывать в жизни. Иссущающее чувство высасывало всю радость из глубин души, оставляя лишь жёсткий, безжизненный каркас, который уже никогда ничем не наполнить.

— *Её больше нет...* — рыдала Луна, уставившись в потолок. — *Её больше нет...*

Мужчина отстегнул ремни на руках и осторожно положил ладонь ей на грудь. Она схватила его руку и прижала к себе как можно сильнее — даже если бы рёбра треснули, она хотела почувствовать его поддержку.

— *Главное, что ты выжила, птичка,* — слёзы потекли по его щекам. — *Главное, что ты выжила...*

Они молчали. Луна сжимала его руку на груди, стараясь удержать последний якорь в своей жизни. У неё больше не осталось никого, кого она могла бы считать семьёй.

— *Что со мной?* — слегка успокоившись, произнесла Луна.

— *Фрагменты костей и глаз полностью утрачены. Я смог установить имплант — ты подходила по параметрам под этот образец. На руках — микротрещины в костях. Тебе*

будто металлической трубой руки перебило. Чудом не сломались.

Луна вздрогнула и посмотрела на свои руки. Она только сейчас осознала что они черные от гематом и боль прорвалась сквозь одурманивающую плотину её горя. Теперь она ощущала тело целиком. Имплант казался чужеродным куском материи в черепе, руки словно были погружены в огонь, а голова болела так будто по ней непрерывно били молотком.

— Сколько потребуется времени? — сжав зубы, процедила она.

— К импланту ты привыкнешь за неделю. Голова пройдет уже через три дня. Руки я бы поберег хотя бы две—три недели. Максимум — месяц до полного восстановления.

— Сколько нужно времени, чтобы держать оружие?

Мужчина понимающе смотрел на неё, испытывая досаду и тоску. Не было ничего, что он мог бы сделать, чтобы переубедить её. Он слишком хорошо её знал.

— Неделя. Подожди хотя бы неделю. Я помогу тебе. Обещаю.

Она опустила руки и расслабилась, уставившись в потолок. Захотелось войти в состояние тупого онемения, забыть-ся и больше никогда не возвращаться к этой реальности — ведь она забрала у неё так много.

В голове звучал голос Вивьен, когда они бегали по дому, играя в догонялки. В те редкие моменты, когда отца не было, они могли быть по-настоящему счастливы. Её смех вибрировал в глубине памяти, создавая почти физическое ощущение — будто сестра обнимает её изнутри, будто она по-прежнему рядом. Слёзы снова потекли по её щеке. На этот раз она не издала ни звука.

Глава 21 - Плохое место

- Эльза -

Тишину тоннелей нарушали приглушённые голоса, прорывающиеся сквозь тяжёлые металлические двери. Зелёный свет свечей подрагивал в полумраке, создавая ощущение живого пространства — словно тоннель ворочался, откликаясь на споры людей, что укрылись в его недрах.

— *Это исключено!*— сурово произнесла женщина в балахоне. — *Мы не можем её здесь оставить.*

— *Но она в опасности!*— взволнованно сказала девочка. — *Мы же не можем просто так вытолкать её на улицу.*

Девочка озиралась по сторонам, ища поддержки у других членов общины.

— *Она не станет одной из нас,*— сказала женщина. — *А значит, у неё нет причин здесь оставаться. Мы не смешиваемся с ними.*

— *Да я не предлагаю её оставить навсегда!*— разозлилась девочка. — *А что, если её там убьют? У неё же нет имплантов, она не одна из них!*

Женщина с бессильной мольбой взглянула в глаза старейшины, что сидел в дальнем углу, окружённый полумраком. Она демонстративно молчала, ожидая его решения.

— *Мы не оставим её среди нас,* — произнёс мужчина.

Девочка зажмурилась от злости.

— *Ты же знаешь развязки второго уровня в тоннелях?* — спросил он.

Девочка удивлённо закивала.

— *Выведи её через дальние шахты, поближе к окраинам. Если она говорит правду, то там у неё будет шанс вырваться из города незамеченной. Но это — всё, что мы для неё можем сделать.*

— *Спасибо!* — улыбнулась девочка.

Женщина разочарованно закатила глаза, но промолчала.

— *Иди. Можешь дать ей запас еды и воды, но когда закончишь — сразу возвращайся. Не оставайся в тех тоннелях — там мы не сможем тебя защитить.*

Девочка кивнула и выбежала наружу. Она мчалась по мрачным коридорам, шлёпая босыми ногами и улыбаясь до ушей. Забежав в один из отсеков, быстро набрала два мешочка с припасами и переоделась. Дальше она двигалась неспеша — её дыхание выровнялось, она что-то тщательно обдумывала, то и дело хмуря лоб и шагая почти на автомате.

Дойдя до одного из тупиков, она с силой провернула ручку двери и зашла внутрь. Укутанная в тёплый плед с головой, на неё смотрела молодая женщина. Девочке показалось, что её взгляд проникает сквозь неё — в нём не ощущалось никакого присутствия. Разум женщины был захвачен такими страхами, что она, похоже, не могла нормально сосредоточиться.

— *Тебе нужно поесть,* — сказала девочка. — *А потом мы уходим.*

Женщина сжалась, и слёзы потекли по её щекам.

— *Пожалуйста... пожалуйста, не выгоняйте меня... они меня найдут.*

Она упала на пол и начала биться головой, умоляя её. Голос срывался на рыдания, и было сложно разобрать, что

именно она говорила.

— *Да нет же, успокойся ты!* — возмутилась девочка. — *Я выведу тебя в другое место. Далеко от центра — там тебя не найдут. Там вообще никого никогда не ищут.*

Женщина посмотрела на неё с удивлением. Она всхлипывала, обдумывая её слова.

— *Я не могу остаться?*

— *Прости. Они не согласятся тебя оставить. Ты не одна из нас. Но поверь, тебя правда не найдут на окраинах. Ты сможешь уйти из города, если захочешь, или найти кого-то, кто тебе поможет.*

— *Мне никто не поможет,* — обречённо произнесла женщина. — *После всего, что я видела, я не жалею.*

Девочка стояла, обдумывая что-то — её лоб хмурился, а щека заметно дёргалась от напряжения. Она явно была недовольна тем, что пришло ей в голову.

— *Ладно. Идём. Поешь по дороге.*

Женщина нехотя поднялась, всё сильнее закутываясь в

плед, словно тот мог уберечь её от всех опасностей мира. Девочка вывела её в тоннель и дала знак ждать у поворота. Затем юрко нырнула в один из отсеков и зашуршала какими-то пакетами. Через несколько минут она выбежала с большим мешком, набитым едой под завязку.

— *Идём, быстрее,* — скомандовала девочка.

Женщина двигалась за ней неуклюжей походкой, боясь отпустить свой плед и придерживая два маленьких кулька с провизией. Малышка же неслась по коридору с большим мешком за спиной, как опытный воришка, только что повернувший крупнейшее дело в своей жизни. Она хитро шурилась, явно испытывая удовлетворение от дерзости своего поступка и чувства бунтарского духа, что так редко просыпался в её строго расписанной жизни.

Они добежали до большой ржавой двери.

— *Погоди,* — сказала девочка.

Она скинула мешок, вытащила из него крепкие невысокие ботинки и принялась зашнуровывать.

— *Я туда без них не сунусь,* — подмигнула она женщине.
— *Идём!*

Она с большим усилием провернула ручку двери, огласив все окружающие коридоры усталым скрипом древнего железа. Когда дверь захлопнулась, девочка ощутила бодрящее чувство свободы. Ей было приятно чувствовать, что сегодня у неё есть собственная миссия — делать что-то вне общего распорядка.

Она подмигнула и указала следовать за ней.

Здесь облик тоннелей отличался. В отличие от обжитых уровней, где постоянно обитали жители Ковчега, эти коридоры больше напоминали внутренности затонувшего корабля. Отовсюду торчали ржавые куски металла, старый технический мусор, и нельзя было точно сказать, для чего использовались отдельные шахты. Порой здесь можно было наткнуться на подземные ангары, в которых поместились бы сотни людей. Но атмосфера в них была такой давящей, что никто в здравом уме не захотел бы их расчищать для жизни.

Они пробирались уже около двух часов. Коридоры были настолько похожи, что женщина не понимала, как малышка вообще ориентируется в этом подземном лабиринте. Они миновали несколько задраенных помещений, пока не вышли на широкую развилку. Отсюда можно было уйти в четырёх разных направлениях — тоннели расширялись и уходили ве-

ером вдаль, больше напоминая небольшие дороги.

Девочка развязала оба кулька и вытащила несколько тёмно-серых лепёшек и две бутылки с водой.

— *Ешь!*— скомандовала она.

Женщина не спорила. Она молча присела в угол, стараясь вжаться хоть во что-то твёрдое, чтобы ощутить опору, и закуталась поглубже в плед. Она тихо пережёвывала свой скудный завтрак, глядя куда-то в пол и пыталась не думать о будущем. Сейчас она ощущала хотя бы иллюзию безопасности — и этого было достаточно.

— *У тебя есть имя?*— осторожно спросила девочка.

Женщина взглянула на неё с удивлением. Этот вопрос казался таким безобидным — и таким неуместным в тех обстоятельствах, в которых она себя ощущала. Казалось, она сама забыла, что у неё и правда есть имя. Что за этим именем стояло какое-то прошлое, и что она — живой человек, у которого всё ещё может быть шанс на будущее.

— *Эльза.*

Звук собственного имени придал ей сил. Мозг попытался

дать импульс мышцам, чтобы она улыбнулась, но электрические сигналы просто увязли в отупляющем чувстве безысходности, что всё ещё окутывало её с головой.

— *А... тебя как зовут?*— неловко произнесла она.

— *А у меня нет имени,*— хихикнула девочка. — *У нас ни у кого нет.*

Эльза смотрела на неё с недоумением. Её удивлённые глаза выражали очевидный вопрос: *а разве так бывает?*

— *Ты что, вообще не отсюда?*— удивилась девочка.

— *Нет,*— с тоской произнесла Эльза.

— *Ну я и вижу. Тут все знают, что у Ковчега нет имён. Кто взрослым пришёл к нам, тот сам отказывается от имени. А я тут родилась, так мне его и не давали даже, хехе.*

Эльза попыталась спрятать нос поглубже в плед, сжаться покомпактнее.

— *Может, я бы тоже смогла отказаться от имени. Может, с ним моё прошлое перестало бы меня искать. Я бы*

хотела иметь шанс начать всё сначала.

— Да кто тебя ищет то? Ты так ничего и не сказала. Ворвалась к нам в двери и забилась в угол, как сумасшедшая. Другие, наверное, потому и не оставили тебя. Кто ж так делает? Надо было рассказать — может, они бы поняли.

— Я... я не могу. Если я расскажу, вам всем грозит опасность.

— Ковчегу всегда кто-то чем-то грозит. Вот только никто ни разу не решился сунуться в наши тоннели. Боятся, хе-хе. Потому что не понимают. Ну по крайней мере так старики говорят.

Девочка упаковала остатки еды и скинула кульки в общий мешок.

— Готова?— спросила она.

— В какой из них нам идти?— с тревогой спросила Эльза, глядя на развилку.

— Хе-хе... вниз,— явно довольная собой засмеялась девочка.

Она откинула ногой тонкий кусок металла, что прикрывал спрятанный люк, и принялась отворачивать запорный вентиль.

— *Ну помоги, чего ты стоишь? Мне сил не хватает,* — кряхтела девочка.

Эльза вострепелась. Тот факт, что теперь не она умоляла о помощи, а кто-то нуждался в ней, что-то сместил в её искалеченном от страха разуме. Она впервые за долгое время ощутила силу и желание действовать. Она рванулась к ней, чуть не сбив с ног, и изо всех сил провернула вентиль, сорвав кожу в нескольких местах. Скрип древнего металла разошёлся по лабиринту. Девочка смотрела в её бешеные и счастливые глаза с изумлением.

— *А ты крепче, чем кажешься.*

Эльза тяжело дышала и её глаза впервые заблестели. Она выровняла дыхание и ощутила тяжелую усталость что проникла в мышцы. Она все еще была способна проявить себя, но сил не хватало на долго.

— *За мной,* — скомандовала девочка и нырнула в пустоту провала.

Нижний уровень нельзя было бы назвать даже тоннелем. Это были бесконечные сети коридоров, комнат и лестниц, которые вели, казалось, во всех возможных направлениях. Древний муравейник, растянувшийся под поверхностью города. Некоторые части были совершенно пустыми, но в других встречались баррикады из мусора и обломков какой-то техники. Эльза пыталась представить, кто мог выстраивать все эти заслоны — и от чего.

— *Это они сделали,* — сказала девочка.

Она облокотилась на перила и посмотрела куда-то вниз.

— *Ты ведь об этом сейчас думаешь, да?* — улыбнулась она. — *Кто всё это выстроил?*

Эльза осторожно подошла к краю платформы и заглянула через перила. Внизу была крошечная тьма. Слабый свет их свечного фонаря не мог проявить того, что скрывалось в глубине.

— *А, погоди. Ты ж не привыкшая. Забыла, что ничего не видишь в темноте.*

Девочка вытащила какие-то шкурки, похожие на сухие листья. Отделила несколько наиболее крупных и аккуратно

зажгла их от свечи. Она бросила их вниз, наблюдая, как они медленно кружили в пространстве, опадая всё ниже. Едва заметные пятнышки света достигли дна. В тусклом мерцании Эльза различила, что шахта была больше похожа на огромную цистерну, пол которой покрывали сотни и сотни скелетов в истлевшей одежде.

— *Жмурики*, — хихикнула девочка. — *Их тут полно.*

— *Что тут случилось?* — нервно сглотнула Эльза.

— *Да кто его знает*, — отмахнулась девочка. — *Они такие старые, что, кажется, ещё до Исхода тут валялись. Я уже привыкла — они меня не пугают.*

Эльза задумалась, глядя в пустоту провала. Там, на глубине, догорал последний лепесток, сжимая свой световой кон под давлением темноты. Она ощутила под пальцами перила — ветхие, такие же старые, как и люди, лежащие внизу. Она представила как опирается на них всем весом, как они трескаются от времени — и она срывается вниз. В этом замедленном ощущении полёта сквозила свобода. Шанс сделать последний настоящий выбор — не из страха, а потому что она действительно так решила. Уйти на своих условиях, не подвергая больше никого опасности.

— *Ты дура, что ли?!*— крикнула девочка.

Она схватила её за край одежды, когда увидела, как та всё сильнее наваливается на ограждения. Глаза Эльзы были закрыты, а на лице проступала едва заметная улыбка.

Эльза вздрогнула, резко открыв глаза. Она стояла на самом краю, опасно навалившись на перила, и всё тело встрепенулось от страха. Высота ударила ей в голову, и из сжимающегося кокона света на неё взглянули лица мёртвых. Ей показалось, что они одобрительно улыбаются, словно приглашая к себе.

Она отпрянула от края, и тело затрясло мелкой дрожью. Похоже, её поверхностный разум всё ещё имел причины цепляться за жизнь. Ей не хватило духа.

— *Если ты хочешь туда прыгнуть, я не стану тебя спасать второй раз!*— возмутилась девочка. — *Я рискую, бегая тут с тобой, я взяла целый мешок еды, и мне за это влетит! А тебе всё побоку?!*

— *Прости... прости, пожалуйста...*— она разрыдалась.

Девочка смотрела на неё со смесью раздражения и сочувствия. Она всерьёз пыталась понять, как помочь этой бед-

няжке, но не могла придумать ни одной нормальной идеи. Ей было негде её спрятать, нечем кормить — и не существовало ни единого шанса сделать это незаметно.

— *Ладно, пошли,* — махнула девочка.

Они зашагали по узким лестницам, продвигаясь всё глубже вниз. Эльзе казалось, что этот подземный город мог бы вместить всех страждущих с поверхности — дать приют и избавить от тех ужасов, что некоторым из них приходилось испытывать.

— *А почему тут вообще никого нет?* — осторожно спросила Эльза. — *Ну... вы же тоже живёте в тоннелях. Почему не здесь?*

Девочка покосилась на неё, явно обдумывая свои слова. Она несколько раз закусил губу и выдохнула так театрально, будто глупая женщина вроде неё просто не сможет понять истинных причин. Остановившись, она серьёзно посмотрела ей в глаза.

— *Что ты сейчас слышишь?* — спросила девочка.

— *Ни... ничего,* — удивлённо произнесла Эльза.

— *Хм... ни людей, ни крыс. Ничего,*— серьёзно сказала девочка.

— *И?*— непонимающе пожала плечами Эльза.

— *Плохое это место. Даже крысы это понимают. Старшие говорят, что у него есть своя воля. Как будто... как это сказать... ну, будто оно злое, потому что видело слишком много боли и не может забыть. Я не знаю. Я никогда ни с чем тут не сталкивалась. Кроме жмуриков и мусора тут вообще ничего нет. Но...*— она понизила голос, — *знаешь, я бы тут не осталась ночевать.*

— *А если попробовать привнести в это место радость? Чтобы вытеснить боль,*— задумчиво произнесла Эльза.

Девочка ошарашенно посмотрела на неё. Ей никогда прежде не приходила в голову подобная мысль. Возможно ли это? Она удивлённо смотрела ей прямо в глаза и думала о том, что если боль смогла заполнить эти подземелья, то, может, можно и наоборот. Ей всегда казалось, что в их общине столько заботы и любви друг к другу, столько искренней радости, что они могли бы поделиться ею со всем городом — избавить его от страданий. Но она никогда не думала, что эту любовь можно было бы обратить вниз, чтобы исцелить само отравленное нутро Свободного Города. Эльза больше

не казалась ей глупой. Как вообще возможно, чтобы настолько светлая и чистая мысль смогла пробиться сквозь тот слой страха, под которым она находилась в этот момент?

— *Мне бы хотелось в это верить... что такое возможно,* — сказала девочка.

— *Мне бы тоже,* — рассеянно произнесла Эльза.

— *Идём. Нам нужно успеть выбраться из тоннелей до ночи.*

Эльза поёжилась от мысли, что ей придётся покинуть это убежище. Они пробрались через несколько узких лазов и вновь вышли в более широкие коридоры. Воздух изменился — здесь уже чувствовалось дыхание улиц. Городская дымка с узнаваемым, тяжёлым привкусом начинала привычно ощущаться во рту, заставляя Эльзу чувствовать себя всё более уязвимой с каждым пройденным шагом. Она будто двигалась в мышеловку, из которой ей точно не дадут сбежать во второй раз.

Они добрались до широкого зала, что соединялся с одним из зданий.

— *За этими дверьми будет лаз через стену,* — сказала

девочка. — *Выйдешь в переулки, завалишь проход мусором и уходи из города. Ты знаешь, как выбраться?*

— *Да. Спасибо... спасибо большое,* — Эльза нервно кивала.

— *Ты же не будешь делать глупости опять?* — спросила девочка. — *Ну, типа с крыши прыгать или вроде того? Мне бы не хотелось, чтобы всё это было за зря.*

— *Нет,* — попыталась улыбнуться Эльза. — *Я попробую уйти из города. Я смогу добраться до своего дома. Я постараюсь.*

— *А ты откуда вообще?*

— *Я из Северной Залии,* — с тоской произнесла Эльза. — *Всю жизнь там прожила.*

— *Это вообще где?*

— *Далеко на западе. Ближе к горам.*

— *А тут ты как оказалась?* — удивилась девочка.

Слёзы потекли по её щекам. Казалось, она хотела расска-

зять, но правда встала настоящим комом в её горле. Она с мольбой взглянула на девочку, давая понять, что просто не в состоянии сейчас об этом говорить.

— *Ладно, не моё это дело. В общем, вот тебе мешок. Этой еды тебе хватит дней на пять. Она сухая, но вкусная. Я уйду первой — нас не должны видеть вместе. А ты отдохни здесь и выходи потом на поверхность. Хорошо?*

— *Спасибо тебе,* — всхлипнула Эльза. — *Спасибо тебе большое.*

Девочка ощутила себя неуютно. Ей было приятно осознавать, что она сделала для неё что-то хорошее, но одновременно было страшно испытывать странное чувство приязанности и какого-то долга, словно она не должна оставлять её. Слишком много переживаний для одного дня: жизнь впервые показалась ей достаточно сложной, чтобы не понимать, как с этим справляться.

— *Ладно, я побежала. Береги себя, пожалуйста. Залийцам привет.*

Она засмеялась и постаралась поскорее выбежать наружу. Солнце заходило за верхушки домов, и вездесущая дымка начинала забираться под одежду прохладными щупальцами.

Она встряхнулась и понеслась домой через город — ей захотелось представить эту неведомую Залию и Эльзу, что счастливо машет ей издалека. Ноги шлёпали по грязным лужам, и она улыбалась, ощущая удовлетворение от того, что смогла помочь кому-то.

Оставшись одна, Эльза ощутила угрожающее дыхание поверхности. Она сидела в тишине, чувствуя как сквозь темноту проступают все новые детали. Их свеча погасла за пару поворотов до входа в этот зал, а те крупницы света что просачивались сквозь дверной проём освещали лишь маленький кусочек стены.

Она сжимала в руках мешок с лепёшками и сушёными овощами, как плюшевую игрушку. Ей отчаянно хотелось ощутить комфорт от присутствия кого-то рядом — кого-нибудь, кого не нужно постоянно бояться, — но она оставалась одна. И там, на поверхности, её точно не ждало никакой надежды. Она чувствовала себя ненужной, брошенной, и улыбающиеся лица мертвецов из той цистерны вспыхивали в её памяти всё ярче.

Эльза заметила узоры возле двери — детские рисунки покрывали поверхность стены рядом с выходом. Кто-то не твёрдой рукой изобразил, как вездесущие провода, нависающие над домами, превращаются в огромного розового

спрута, оплетающего город. Светлые детские фантазии, которые даже окружающий их ужас пытаются наполнить хоть каким-то смыслом. На полу валялась начатая упаковка с дюжиной нераспечатанных мелков.

Она опустила голову на мешок и попыталась уткнуться в грубую ткань как можно сильнее. Ей захотелось закричать — выпустить боль, что накопилась за годы, — но её всё равно бы никто не услышал. Страшное, холодное отчаяние разлилось в груди. Обида на судьбу и мир, которые так обошлись с нею. Она не понимала, чем заслужила всё это, и ей уже даже не хотелось искать причин. Казалось, она смирилась с неизбежностью своей смерти.

Эльза обречённо посмотрела на дверной проём, что подсвечивался по краю. Подошла вплотную и вдохнула прохладный воздух, струившийся через щель. Затем подобрала валявшиеся мелки, закинула мешок себе на плечи и побрела обратно — в мрачные глубины подземного лабиринта.

Глава 22 - Предназначение

- Лекс -

Лекс лежал на больничной койке, постепенно приходя в себя. Голову оплетала сеть датчиков, из руки торчала капельница, а двое докторов что-то активно обсуждали, глядя на показания мониторов.

— *Он очнулся,* — заметил один из врачей.

Они начали осматривать его зрачки и задавать стандартные вопросы. Лекс отвечал почти на автомате — он знал процедуру осмотра от и до. Но его истинное внимание было сосредоточено на фигуре магистра, наблюдавшего за ним из дальнего угла

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.